

A man in a red shirt is holding a white dog underwater. The man's face is visible, looking upwards with a slight smile. The dog is also looking upwards. The background is a deep blue-green color, suggesting an underwater environment. The lighting is soft, highlighting the textures of the man's shirt and the dog's fur.

Сможешь ли ты научиться дышать под водой,
когда встретится тот, ради которого стоит утонуть?

Обреченность

И. С. К а р т е р

Я не вижу мертвых людей.

Я вижу Вас.

Я вижу каждое Ваше воплощение.

Я вижу историю Вашей души.

Я могу видеть, как Ваша аура пропитывалась предыдущими жизнями.

Большинство людей по своей сути добрые или злые.

Некоторые существуют между Тьмой и Светом.

Немногие могут изменить саму суть их сущности; это такая борьба, что в итоге большинство слишком слабы, чтобы победить.

Он был самым воплощением тьмы.

Настолько чистым проявлением зла, что даже его душа была насквозь пропитана тьмой.

И все же меня тянет к нему, как мотылька к пламени.

Иногда я чувствую, что тону, волны моих чувств вымывают весь воздух из моих легких.

В остальные дни я вообще ничего не чувствую.

Я не уверена, что хуже: задыхаться без воздуха или умирать от этой жажды.

Сможете ли Вы научиться дышать под водой, когда найдете того, ради которого стоит утонуть?

«Обреченность» — темный роман.

Читатели, нуждающиеся в деликатном подходе, возможно, пожелают обойти эту книгу стороной.

Отойдите, тут совершенно не на что смотреть.

Читатели, которым нравится быть на темной стороне, занимайте Ваши места и наслаждайтесь поездкой.

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.

Спасибо.

И. С. Картер

«Обреченность»

Серия: Багряный крест (книга 1)

Автор: И. С. Картер

Название на русском: Обреченность

Серия: Багряный крест

Перевод: Afortoff

Сверка: betty.page

Редактор: Екатерина Л.

Вычитка: Eva_Ver

Обложка: Таня Медведева

Оформление: Eva_Ver

«Я нашел так много красоты в Темноте, когда обнаружил так много ужаса в Свете».
Эзерет Скивел

Тебе.

Да, тебе.

Ты знаешь — кто ты.

Ты читаешь это сейчас.

Не отводи взгляд, нет никакого смысла краснеть.

Все эти слова только для тебя.

1

Я ненавижу этих людей с их ложным чувством, что они имеют право на всё, и укоренившейся верой, что они заслуживают этого богатства.

Все остальные, кто ниже их, — отбросы человечества, помещенные на эту землю только для того, чтобы обслуживать их потребности. Если только Ваша фамилия не Крэйвен — тогда они тоже падают к Вашим ногам или же точат свои ножи.

Бальный зал — олицетворение роскоши и расточительства для всех тех, кто заполняет его. Это не вежливое общество. Комната может быть набита самыми могущественными и богатыми людьми в Англии, но это не хорошие люди. Тьма окружает их тела, словно аура преступности, и если бы они могли увидеть то, что вижу я, когда смотрю на них, они бы возгордились. Они бы хвастались своими нечестивыми делами и оправдывали свои злые действия.

Жены-трофеи с их фальшивыми сиськами и перекаченными ботоксом лицами обсуждают или самый последний скандал, или как лучше всего отчитать своего садовника за неправильную подрезку кустарников. Они презрительно игнорируют других присутствующих в комнате гостей. Это молодые, зачастую восточно-европейского происхождения девушки, которые стоят на коленях у ног своих хозяев, с ошейниками, врезающимися в нежную плоть их шей, и с поводками, привязанными к запястьям владельцев. Все это указывает на то, что эти девушки ни что иное, как игрушки, домашние животные — что-то, что выкидываешь, когда сломаешь.

Я отвожу взгляд от этих девушек, тьму вокруг их владельцев не проигнорируешь и ничего не сделаешь, чтобы скрыть все темные оттенки цветов их душ.

Мне интересно, если бы я могла видеть цвет своей души, выглядела бы она так же, как у этих девушек? Я могу не носить ошейник и поводок, но я такая же узница — отданная во владение, выменянная, умершая.

— Мисс Крэйвен, как приятно Вас видеть. Вы — в белом. Как девственная невеста готовая к выданью.

Моя кожа покрывается мурашками от отвращения при звуке этого голоса. Его

небольшую шепелявость, которую он пытается скрыть за насмешками, вызывает мурашки по всему телу.

— Грант.

Я отвожу свой пристальный взгляд, частично из-за страха, но, в основном, потому, что не желаю видеть вожеление в его глазах. Такой мужчина, как Грант, не скрывает свою извращенную похоть. «Если бы он был рангом выше моего отца, могло бы быть так, что я бы принадлежала ему?» Вместо этого я была в собственности...

— Коул всё ещё не прибыл, чтобы заклеить тебя, — он оборачивает свою руку вокруг моей талии, впиваясь своими костлявыми пальцами в кожу моего бедра, и ведет меня через толпу гостей вечеринки. — Если он продолжит показывать свое пренебрежение к щедрому дару твоего отца, я смогу получить то, что должно быть моим с самого начала.

Дрожь спускается вниз по моему позвоночнику, пока я удерживаю взгляд прямо перед собой, избегая зрительного контакта с толпой, которая наблюдает за нами с восхищением. Я чувствую их жадные взгляды, они алчно наслаждаются тем, в чём им предстоит принять участие, ожидая с заготовленными ножами, чтобы насытиться моим все ещё бьющимся сердцем, когда его вырвут из моей груди.

Его рука притягивает меня ближе, мы добираемся до компании стоящих кругом мужчин, которые правят этой комнатой. Мой отец стоит в толпе своих почитателей, а остальная часть людей только для того, чтобы греться в лучах его порочности.

Грант наклоняется, чтобы прошептать мне в ухо, и со следующим вздохом я могу ощутить его дыхание.

— Я так надеюсь, что он облажается. Это твое симпатичное белое платье будет выглядеть весьма прекрасно... окрашенное красным, когда я оскверню все твои отверстия и отмечу каждый дюйм твоей чистой и безупречной кожи.

Дрожь прокатывается по всему его телу, и он толкается своей эрекцией в мое бедро.

— Если Коул не захочет тебя, то я хочу. Я собираюсь чертовски сильно оттрахать твою девственную задницу, а к концу ночи ты будешь умолять меня позволить тебе вылизать язычком свое влажное желание с моего члена.

Мой желудок сжимается, желчь подкатывает к горлу, уничтожая весь воздух в моих легких.

Он смеется. Облако тьмы, окружающее его, охватывает нас обоих, лишая меня воздуха и загрязняя мои дыхательные пути его злыми помыслами.

Я закрываю глаза на долю секунды, но мои ноги продолжают двигаться вперед, как ни парадоксально, ища защиту у мужчины гораздо более злого, чем человек рядом со мной.

Моего отца.

— А, Грант. Я вижу, что ты нашел её.

Круг мужчин разомкнулся, позволяя моему временному мучителю предложить меня в качестве главного блюда этого испорченного пира.

— Господа, Алек, — Грант кивает группе, а затем мужчине, ответственному за моё появление в этом мире. — Разве она не выглядит, как воплощение невинности? Коула всё ещё нет здесь, чтобы оценить твой щедрый дар?

Я смотрю на моего отца, который стоит, подобно королю, вершащему суд, люди вокруг него съеживаются от его властности. Он бросает взгляд на Гранта, в них читается явное предупреждение, но, не смотря на то, каким бы льстецом он не был, Грант склоняет голову и отводит свой взгляд.

— Мои извинения, Алек. Я не желал оскорбить, я всего лишь возмущен от твоего имени за его дерзость. Если бы мне было суждено получить такую женщину, как Фей...

— Ты никогда не получишь настолько бесценный дар, как моя дочь. Я нахожу твое высокомерие слишком смехотворным, — глаза моего отца темнеют, и он выходит вперед, пока круг его волков заключает нас в кольцо.

Мой отец на добрые четыре дюйма возвышается над крошечными пятью футами восьмью дюймами Гранта, тон голоса отца становится более властным, и меньший мужчина симулирует напускную храбрость, сталкиваясь с ним взглядом. Уголок его глаза дергается, а вместе с этим водоворот зелёного просачивается из его пор — выдает страх, заметный, по крайней мере, мне.

— Я бы, бл*дь, никогда не сделал тебе подарок, убудок, уже не говоря о таком ценном призе, как Фей.

Ещё один шаг вперед, и мужчины находятся лицом к лицу, и если Грант знает, что для него будет лучше, то он отведет свой взгляд и склонится перед королем нашего мира. Часть меня — сумасшедшая часть меня, которая страстно жаждет возмездия для этих мужчин и женщин, надеется, что он продолжит смотреть. Я хочу видеть, как кровь Гранта растекается по полированному дубовому полу этого роскошного бального зала, пока весь цвет оставляет его душу, принося долгожданный взрыв красного в этот мрак.

Я замечаю момент, когда он решает, что его жизнь намного ценнее, чем его гордость, и Грант опускает взгляд, как покорный раб. У моего отца раздуваются ноздри, пока он вдыхает аромат капитуляции мужчины напротив, а мой желудок ухает вниз от разочарования.

— Я так и думал, — мой отец смеется, когда поворачивается спиной к Гранту и беспрепятственно двигается к своему месту в центре стаи, бросая через плечо:

— Присоединяйся, Фей. Коул скоро будет здесь.

Я делаю ошибку, кинув взгляд на Гранта, прежде чем он уходит. Его глаза встречаются с моими, и угроза того, что он сделает со мной, если когда-нибудь получит шанс, написана у него на лице.

Даже после унижительной выволочки, полученной от мужчины, который может забрать его жизнь, не моргнув, эта гнусная змея всё ещё смотрит на меня.

Это делает его глупым.

И эта его глупость делает его даже ещё более опасным, чем я первоначально предполагала.

Идиоты рискуют.

Идиоты игнорируют угрозы.

Идиоты крадут и крадут, пока их не поймают.

Я отказываюсь быть пойманной этим придурком, и я отказываюсь позволить ему видеть во мне слабую добычу. Так что я выпрямляю спину, поворачиваю голову вперед и игнорирую жидкий страх, растекающийся по моей спине.

Сегодня вечером мужчина, который создал меня, отдаст меня животному, которое будет использовать меня так, как посчитает нужным. Я — не больше, чем поощрительный бонус за «хорошо проделанную работу». Большие корпорации вознаграждают своих топ-менеджеров деньгами, отпусками, продвижениями по службе и привилегиями.

Мой отец вознаграждает своих наиболее успешных убийц всеми теми же вещами и даже большим.

Он получит меня.

Его единственную дочь.

Сегодня вечером Коул Хантер будет брать меня, как свою законную преданную жену.

Сегодня вечером мой отец наконец-то получит сына, о котором мечтал всю свою жизнь.

Сегодня я перестану быть собой.

Я буду собственностью.

Я потеряю имя Фей Крэйвен и стану Хантер.

Более подходящее имя для добычи.

2

Я скрываю свою истинную сущность за безразличием.

Моё тело может быть покорно воле моего отца, но мой разум отстранен.

Искусство отступления стало моей единственной передышкой в течение последних десяти лет — навык, который я освоила, наблюдая за моей мамой. Это также была её единственная форма спасения. До того дня, как ей удалось убежать навсегда. День, когда она бросила меня заботиться о себе самой, оставила одиннадцатилетнюю девочку в яме гадюк. Только эти гадюки калечили, разрывали, грабили и насиловали вплоть до финального смертельного удара, и они это делали с улыбкой на лице.

Она оставила меня в суровых и неумолимых руках Алека Крэйвена — короля «Багряного креста», миллиардера, предполагаемого филантропа, фактически хладнокровного убийцы, работоторговца и моего дорогого отца.

Я любила её, потому что она была единственным лучом света в моём черном мире.

Я любила её, потому что она пыталась уберечь меня.

Я ненавижу её, потому что она умерла, пытаясь.

День её смерти стал днем, когда у меня впервые открылись глаза на зло, окружавшее меня. Это был день, когда проявилась моя гетерохромия, вызванная тупой травмой головы и глазниц (Прим.: гетерохромия — различный цвет радужной оболочки правого и левого глаза). Теперь у меня не только один зеленый глаз, а другой голубой, но я также вижу вещи, которые никто никогда не должен видеть.

Я вижу Вас.

Я вижу ваши грехи.

Я вижу саму суть вашей души.

Это красиво и ужасающе.

Это болезненно, но все же успокаивает.

Это что-то, что я не могу отключить, и это не то, что я когда-либо покажу другой живой душе.

— Я не хочу идти, мама, ты пугаешь меня.

Моим босым ногам холодно на ледяной земле, и маленькие камешки гравия, которыми усыпана наша широкая подъездная дорожка, врезаются в мои ступни, пока моя мама тянет меня к автомобилю.

— Тише, малышка. Нам надо сейчас уехать. Быстро залезай и пристегнись, — моя мать одета не лучше, чем я. Ее атласный пеньюар едва прикрывает её тело, а красный маникюр на ногах выглядят резким на фоне её бледной кожи.

— Но мне нужен Блю. Я не могу никуда уехать без него. Позволь мне пойти и принести его, пожалуйста, мама.

Я рыдала, не понимая, почему меня разбудили среди ночи и вытащили из моей кровати. Я была настолько дезориентирована, что оставила на своей кровати своего медведя, моего лучшего друга, который повсюду был со мной.

Ее рука сжимает мою, и она выдает со свистом воздух.

— Нет! Блю должен остаться. Садись в машину, Фей. У нас нет времени на твои слёзы.

Мама никогда прежде не повышала на меня голос. Этим она напугала меня ещё больше, чем когда вытащила из моей теплой кровати.

— Мама... — слезы тихо сбегают вниз по моим щекам, пока я забираюсь на заднее сиденье, а мои голые ноги обжигает холод кожи обивки салона машины. — Я боюсь. Куда мы едем? Отец знает, что мы уезжаем?

Её голова нервно поворачивается назад к дому, и я молча наблюдаю, как она кивает затемненной фигуре в дверном проеме. Я предполагаю — мужчине, но в темноте я не могу быть уверена. Она наклоняется, чтобы быстро закрепить мой ремень, её руки так ужасно трясутся, что ей потребовалось несколько попыток, прежде чем она смогла попасть, куда нужно.

Я вижу, как её бледная кожа натягивается на ребрах, демонстрируя каждый контур её костей, и она делает резкий глубокий вдох, практически придавая себе силы, прежде чем отвечает.

— Нет, малыш. Отец не знает, — она выпрямляется и берет моё лицо в свои руки; её большие пальцы мягко вытирают слезы с моей замерзшей кожи.

— Отец никогда не узнает, — ее взгляд встречается с моим, и то, что я там вижу, останавливает мои слёзы.

Я один раз киваю и добавляю шепотом:

— Хорошо, мам.

Она оставляет единственный поцелуй на моём лбу и тихо, со щелчком закрывает дверь, подталкивая её бедром, чтобы гарантировать закрытие замка. Затем она спешит к водительской стороне и запрыгивает внутрь, заводя машину, не пристегнув ремень безопасности.

Она бросает ещё один быстрый взгляд через плечо, и в следующую секунду мы удаляемся от нашего летнего дома в Котсволдс.

Постепенно наш дом исчезает из виду, лишь смутно вырисовывается позади нас, пока мы съезжаем вниз по гравийной подъездной дорожке. Наш единственный свидетель — полная, круглая луна, которая мрачно сияет в иссиня-черном небе. Хруст гравия под колесами машины — зловещий саундтрек к нашему отъезду.

Когда мы достигаем ворот безопасности, они без проблем открываются, и мы выезжаем на асфальт проселочной дороги. Моя мама позволяет себе вздохнуть с облегчением, прежде чем переключает передачу, и машина, набирая скорость, устремляется дальше по неосвященной дороге.

Примерно в миле от нашего летнего поместья располагается причудливый горбатый мост, достаточно широкий, чтобы проехала только одна машина. Я всегда любила пересекать мосты и выдумывать истории о принцессах, троллях и храбрых рыцарях, которые их спасают. Сегодня нет никаких рыцарей, чтобы нас спасти. Никакие храбрые мужчины не придут к нам на помощь. Нет спасителя, чтобы уберечь нас самих от криков, крови и боли.

Я не уверена в том, что произошло дальше. Всё, что я помню, — крик моей мамы, машину, вильнувшую в сторону, удар на большой скорости, а затем падение. Следующее, что

я помню, — вода. Много, много холодной и темной речной воды, проникающей через разбитое лобовое стекло.

— Мама! — крик, срывающийся с моих губ, выходит хриплым, боль, что жжет грудь, намертво прижала меня к сиденью.

— Мама! — несмотря на затрудненное дыхание и боль, я выкрикиваю снова, но мой крик остается без ответа. Я осматриваюсь, мой взгляд скользит по воде, затопляющей салон машины, к бледной безжизненной руке, безвольно свисающей с боку водительского сиденья.

— Мама! — мой крик больше похож на рыдание. Я не могу видеть остальную часть ее тела, но она не двигается, и осознание этого наполняет меня ужасом. Я поворачиваю голову настолько, насколько могу, и пробую пошевелить конечностями. Я должна добраться до неё и привести в чувство, прежде чем мы утонем.

Давление на мою грудь увеличивается, боль проносится через меня и оседает в моём животе. Я наконец-то смотрю вниз на то, что не дает мне двигаться, и вижу ветку по размерам похожую на маленькое дерево, пронзившую мою грудь прямо под ребрами. Ее конец воткнулся в мою плоть, и кровь смешивается с водой вокруг меня, которая теперь уже достигает уровня колен. Мой взгляд скользит за куском дерева, вижу, как он расширяется к концу, на нем виднеются узловатые ветки и кора.

— Нет! Мама!

Мой пронзительный крик разрывает заднюю поверхность моего горла, повреждая кровеносные сосуды, и наполняющая их жидкость с металлическим привкусом выливается из моего рта.

Ветка, заостренный конец которой вонзился мне в грудь, сначала проткнула кресло передо мной. Вокруг все алое, кресло повреждено веткой, практически разорвано, корпус машины поврежден. Прежде, чем ветка разорвала надвое сиденье, она разорвала на части мою маму. Она находится с другой стороны этого кресла, её тело уничтожено веткой размером с маленькое дерево. Её кожа повреждена, кости сломаны, сердце разорвано в клочья, и её жизненные силы окрашивают речную воду в красный цвет.

Я хочу умереть.

Я хочу закрыть свои глаза и последовать за своей мамой.

Я жду, когда прибывающая вода украдет моё последнее дыхание и унесёт меня отсюда.

Я уже на краю сознания, ледяная вода плещется у моих губ, когда стекло слева от меня разбивается. Закрываю глаза, надеясь, что это предвещает наступление смерти, и делаю один последний вздох.

Приглушенные слова: «Оставь суку здесь гнить», «Забери девчонку. Её можно всегда продать», — вторгаются в мои последние мысли, но жгучая боль в моей груди, заставляет меня заикаться и глотать воздух перед тем, как отступить в приветливую черноту моего разума.

— Фей, ты слушаешь меня, девочка? — глубокий тембр голоса моего отца выталкивает меня из моих мыслей.

— Да, сэр, — я вглядываюсь в его красивое лицо, слишком привлекательное для мужчины, чья сущность запятнана черным.

— Я сказал — пришло время. Коул прибыл, чтобы потребовать невесту, — блеск в его прекрасных голубых глазах цвета океана можно было принять за радость, но гнусный серый туман, который просачивается из его пор, сообщает мне совершенно противоположную

истину.

— Да, сэр, — я даю единственный ответ, который могу. Мне уже поведали, что ждет меня, и мне бы не хотелось, чтобы он снова повторял те слова для удовольствия садистов-мужчин, окружающих нас.

Он наклоняется, обнажая в усмешке свои зубы цвета слоновой кости.

— Не разочаровывай меня, девочка. Я рассказал тебе твои супружеские обязанности. Я ожидаю увидеть свидетельство твоей пролитой девственной крови к утру.

Он пронзает меня своим сиянием, но я прекрасно знаю, когда надо показать слабость.

— Отсасывай и трахай его каждой дыркой, что у тебя есть. Ты принадлежишь ему. Он может использовать твою невинность так, как пожелает, — его глаза мерцают от злобы. — Надеюсь, что в твоих венах бежит кровь твоей шлюхи-матери. Это должно прийти к тебе, как твоя вторая природа, — если мой отец когда-либо хотел меня ранить, он знал только один способ, как это сделать, — упомянув мою мать, но не сегодня, сегодня вечером я была невосприимчива к его ядовитым колкостям; мне нужна была моя сила для другого противника. Я, возможно, и боялась моего отца в течение последних десяти лет, но теперь у меня был другой господин, чтобы подчиняться, тот, кого я никогда не встречала, но слышала рассказы о нём, и если истории правдивы, его порочность вполне соответствовала порочности моего отца, если не превосходила ее.

— Да, отец.

Он ненавидел, когда я так называла его. Он не любил напоминаний, что я была его плотью и кровью. Он скорее предпочитал быть моим повелителем, чем родственником.

— Не облажайся, девочка, — глумится он, и рукой хватает меня за предплечье и болезненно сдавливая в предупреждении. Я киваю через боль и разворачиваюсь без его помощи, выпрямляя спину и направляясь к двойным дубовым дверям в дальней стороне бального зала.

Гости устремляются через открытые двери — всем не терпится добраться до своих мест — для того, чтобы стать свидетелем гвоздя программы. В нелепой инсценировке патриархальной гордыни, мой отец идет рядом со мной, согнув свой локоть, чтобы вести меня под руку. Я как послушная раба беру его под руку и приближаюсь шаг за шагом к моему предстоящему бракосочетанию.

В банальном спектакле разврата и обыденности я вижу, как мой отец кивает мужчине в дверях атриума (Прим. Атриум — центральное пространство общественного здания), и сразу же откуда-то изнутри большой комнаты раздается звук, как будто маленький оркестр начинает играть свадебный марш Мендельсона.

Я представляю, как многие невесты чувствуют порханием бабочек в низу живота, услышав музыку, объявляющую об их прибытии.

Я испытываю ужас. Он пронизывает мою кожу, наводняет кровь и просачивается в кости.

Музыка, возможно, и объявляет о начале моей новой жизни, но это чувствуется скорее как погребальный звон. Я уже практически могу ощущать на губах, как моя жизненная сущность неспешно покидает мое тело во время следующем судорожного вздоха.

«Не показывай слабость».

«Не позволяй им победить».

«Будь легким ветром».

«Растворись».

Слова моей матери прокручиваются в моей голове, в то время как я предпринимаю бессмысленные попытки скрыться глубоко в себе, где я могу быть просто наблюдателем, а не участником. Ничего не выходит, тем не менее, слова пролетают по кругу всё быстрее и быстрее в моей голове. Каждый шаг вперед ощущается тяжелее, чем предыдущий; как будто я двигаюсь через патоку, пока мой разум участвует в гонках, предпринимая неудачные попытки восстановить некоторое подобие мира.

Каждый из присутствующих поворачиваются, чтобы видеть мою гибель. Их холодные пристальные взгляды и жадные глаза ощущаются, как миллионы острых как бритва булавоочных уколов на моем теле. Мои обнаженные руки начинают покалывать, искушение сбежать подальше от этого чувства заставляет мои пальцы подергиваться, движение, которое не остается незамеченным моим отцом. Его рука, что обернута вокруг моей, с силой стискивает мои пальцы, пока мои суставы не начинают хрустеть, немедленно успокаивая спазмы и увлекая мои мысли подальше от ненасытной толпы, что забила коридор, по которому я прохожу.

Хотя мой пристальный взгляд устремлен прямо вперед, я не сосредотачиваюсь ни на чём, даже на мелких деталях, таких, как, например, показушные цветочные композиции или декоративные ленточки. Ничто не интересует меня. Даже сильный запах больших столовых свечей, которые горят в конце каждого прохода, не представляют для меня никакого интереса. Я всё осознаю, но не больше и не меньше, чем понимание, что необходимо переставлять ноги, чтобы сделать следующий шаг.

Когда мы внезапно останавливаемся в конце прохода, это шок для меня. Я сосредотачиваюсь на священнике, который стоит передо мной и что-то произносит. На нем претенциозная ряса, его глазки остановились на моём декольте, не на моём лице. Настоящий мужчина Креста. Но не его присутствие потрясло меня до глубины души.

Мужчина, стоящий справа от меня. Мужчина, которого хотят поглотить мои глаза, несмотря на здравый смысл, говорящий мне не смотреть на него. Я заставляю свои глаза уткнуться в пол, сосредоточиться на его ногах, обутом в дорогие черные итальянские ботинки, которые насмешливо сияют мне в ответ. Все это время тьма переплетается вокруг его ног ядовитыми нитями, заключая в оболочку саму суть его души.

«Сам Дьявол стоит передо мной».

Его аура простирается по всему небольшому пространству между нами, взывая ко мне, соблазняя меня, чтобы украсть мою душу, несмотря на мою видимую силу. Зов слишком мощный, и я поднимаю свои глаза к его лицу.

Его лицо.

Он — полная противоположность моих ожиданий.

Как выглядит Дьявол?

Темный, греховный, соблазнительный, такой неправильный, верно?

Он не такой.

Человек, стоящий передо мной, носит маску ангела. Если этот человек — Дьявол, то он украл лицо у Господа.

Кристалльно чистые светло-голубые глаза, отросшая, но идеально подстриженная борода — светлого, золотисто-коричневого цвета, соответствующая золотистым волосам, которые слегка взъерошены и падают вниз ниже плеч мягкими волнами.

Его черный костюм резко контрастирует с чувственной мягкостью его черт, и если этого недостаточно, чтобы вызвать бушующий хаос ярости перед моими глазами, то густое

ядовитое облако, которое охватывает его, сделает это.

Другие видят только поразительно красивого мужчину, созданного по подобию Бога.

Я вижу фасад и его гнилую суть, и все же я потрясена.

Моё тело жаждет подойти к нему; мои руки зудят от необходимости прикоснуться к его коже, мои губы покалывает только от одного желания прикоснуться к его губам.

Я — Белоснежка, а он — отравленное яблоко, и, несмотря на это знание, прямо здесь, прямо сейчас я умру только за один его кусочек.

— Фей.

Мое имя на его губах звучит так неправильно.

Так и должно быть.

Это — Тьма и Свет.

Мягкая, пухлая нижняя губа приоткрывается, пока его глаза буквально пожирают меня — это открытое обещание развратных действий, которые ждут меня.

Все же моё тело подчиняется его силе.

Его тени взывают к моей невинности подобно песне сирены.

— Подойди.

Он протягивает руку, раскрывает ладонь, но это не просьба, это — требование, и как хорошая девочка, я повинуюсь.

Прямо в руки ангела.

Ангела смерти.

3

— Подойди.

Она подчиняется.

Хорошо обучена, кроткая, покорная, но при этом смелая.

Её глаза прикованы к моим — это тревожное чувство; как будто она не просто смотрит на меня — она смотрит внутрь меня.

«Она видит зверя под симпатичной внешней оболочкой?»

«Она может слышать острый лязг зубов, пока он пытается выбраться на поверхность, требуя кусать, рвать, и жаждет отметить её нетронутую плоть?»

Её разноцветные глаза многими воспринимаются как изъян. Они не должны усиливать ее красоту, но они это делают. Они — слой её божественного совершенства на краю неизвестного.

«Она легко сломается?»

«У меня будут часы, дни или месяцы, чтобы подчинить её моей воле, или она распадется на мелкие кусочки сегодня же вечером?»

До встречи с ней мне было глубоко плевать, но теперь, теперь я надеюсь, что она сильна. Я надеюсь, что она будет бороться со мной с каждым тихим дыханием её цветущего тела. Я не хочу ее, скулящую у моих ног, в то время как эти гипнотические глаза будут спокойны, когда я запихну свой член глубоко в её горло. Я хочу видеть искру, пламя, лесной пожар — требование, угрожающее её ненавистью ко мне, чтобы я наказал её и одновременно осмелился проверить её пыл.

Мой член болезненно пульсирует от желания ощутить ее ненависть.

И ей также предстоит возненавидеть меня.

Она может быть только пешкой в этой игре, средством достижения цели, но она моя, и

я буду наслаждаться каждой секундой её уничтожения. Она станет подходящей закуской перед крахом Короля.

4

— Подойди.

Толпа исчезает в тумане, рука моего отца выпускает смертельную власть надо мной, предлагая меня моему новому владельцу. Капелька пота скользит вниз по моему позвоночнику, оставляя холодный след, она скользит достаточно медленно, чтобы я смогла прочувствовать её спуск по каждому тонкому волоску на всем пути.

Первое прикосновение кожа к коже — его рука захватывает мою. Осознание этого несется по моим венам. Голос священника воспринимается бормотанием на заднем плане, подобно белому шуму, объявляя наш священный союз перед его праведной паствой, а в моём разуме продолжается гонка образов, чтобы показать воспоминания, которые не являются моими, а принадлежит Коулу.

Кровь. Смерть. пытка.

Я вижу маленькую руку ребенка не старше восьми или девяти лет: большой нож крепко сжат в его ладони, побелевшие костяшки пальцев, решительную руку — не дрожит, ни малейшего колебания в его действиях, когда я наблюдаю последующее кровопролитие. В моем видении я — тот ребенок, я вижу то, что видят они, я слышу то, что слышат они, я чувствую то же, что чувствуют они, и подавляющая эмоция — это апатия. Не ненависть, не страх, только безразличие.

Темноволосый мужчина растянулся обнаженным на кровати с женщиной-блондинкой, она расположилась около него. Оба блаженно спят и не обращают внимания на то, что зло преследует их. Ребенок не колеблется — нет ни тени сомнения, прежде чем он поднимает руку, и она резко опускается вниз, зазубренный нож погружается прямо в яремную вену мужчины. Он использует всю юношескую силу, чтобы вонзить лезвие в его плоть в зверской попытке обезглавить.

Даже когда мужчина клокочет и барахтается, как рыба без воды, задыхаясь без воздуха, который никогда снова не поступит в его легкие, а женщина неистово визжит, ребенок не колеблется. Его взгляд поднимается к лицу безумной женщины: её ноги запутались в простынях, которые пропитываются кровью её любовника. И после одного решительного движения ее крики замолкают, когда то же лезвие перерезает ее горло.

Ребенок не остается и не наблюдает за их смертью. Он не упивается смертоносным буйством, которое спровоцировала его рука. Он просто выходит наружу через дверь спальни, вниз по коридору в комнату, декорированную игрушечными поездами. Ночник окутывает синюю комнату успокаивающим светом, и ребенок замирает на мгновение в нерешительности, его глаза следуют от кровати до смежной двери.

Мой сердечный ритм ускоряется в груди; я не хочу видеть то, что находится за той дверью. Я пытаюсь забрать свою руку у Коула, чтобы разорвать связь, надеясь закончить видение, но его рука мучительно захватывает мою. И я стою неподвижно в большой комнате, окруженная толпой людей, но всё же мои глаза могут видеть только белую дверь, которую толкнули, чтобы открыть, и абсолютный яркий свет обжигает мою сетчатку глаз.

Появляется маленькая стерильная ванная, безукоризненно чистая и, к счастью, пустая, ребенок с оглушительным лязгом бросает нож в раковину. Кровавая капля на заостренном конце стекает с металла на фаянс. Ребенок наклоняется, открывает небольшой шкафчик, и кровавые руки хватают бутылку с отбеливателем. С кончика ножа без усилий всё удаляется, а густая жидкость булькает, стекая по лезвию, омывая его и рукоятку, в то время как маленькие детские ручки льют жидкость, не жалея.

Красный цвет становится розовым, пока отбеливатель делает свою работу и смывает прочь свидетельство резни, которая произошла дальше по коридору. Ногти вычищаются до красной раны, а маленькие руки выглядят болезненно, но крайне чистыми. Нож угрожающе блестит, когда ребенок использует верх своей пижамы в изображениях супергероев, чтобы вытереть оружие. Как только задача выполнена, я вижу пронзительные глаза этого ребенка, уставившиеся в зеркало над раковиной. Кристально чистый светло-голубой цвет глаз на ангельском лице, он спокойно смотрит на своё отражение. Золотистые волосы небольшими волнами завиваются у шеи. Этот ребенок красив, но даже в зеркале я вижу зло, которое вьется вокруг него, лаская мягкую, юную кожу, как любящая рука матери.

Видение о Коуле.

О его первом убийстве.

Первом из многих.

5

— Я провозглашаю Вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Самое удивительное, что не слова священника вывели меня из тёмных глубин моего разума, а вежливые неуместные хлопки толпы.

В моем мысленном взоре постепенно угасает образ белокурого мальчика, и я сосредотачиваюсь на безмолвном ожидании, которое буквально наполняет воздух. Груз предвкушения гостей практически обрушивается на мою спину, и я вынуждена выпрямить свои колени, чтобы они перестали подгибаться.

«Чего они ждут?»

Мой взгляд задерживается на священнике, и я замечаю искру волнения, отражающуюся в его равнодушных зеленых глазах. Его рот складывается в почти маниакальную усмешку, прежде чем он искоса смотрит на меня и повторяет свои последние слова:

— Вы можете поцеловать невесту.

Поворачиваю голову направо и смотрю на мужчину, стоящего рядом, — моего мужа.

Он впивается взглядом своих сощуренных ледяных глаз в слугу Божьего, который практически пускает слюни от предвкушения стать свидетелем какого-нибудь распущенного инцидента. Жесткая хватка на моей руке усиливается. Я втягиваю воздух и подавляю хныкающий звук, который просится вырваться из моих уст, когда чувствую, как тонкие косточки моей руки стиснуты, угрожая сломаться. Затем он резко поворачивает голову ко мне, и я желаю, чтобы боль усилилась. Я нуждаюсь в возможности сосредоточиться только на ней, а не на бледно-голубых глазах моего суженого; глазах, которые и ужасают меня, и всё же поймали меня в ловушку.

«Он возьмет свой поцелуй силой и публично потребует моего подчинения? Будет ли он жадно пожирать дар своего нового отца?»

Одного взмаха ресниц достаточно, чтобы он принял своё решение.

Его веки закрылись на долю секунды перед тем, как я угадала его намерение.

Коул — не тот мужчина, который станет устраивать спектакль перед толпой. Он не ищет их одобрения и не жаждет их обожания.

Кивнув моему отцу, он тащит меня за руку и поворачивает к жадной толпе. Он не достаивает никого ни единым взглядом, пока размерено шагает вниз по проходу, таща меня рядом с собой. Я неизящно спотыкаюсь в своей попытке не отстать, но он не притормаживает, не останавливается, чтобы прийти мне на помощь. Я не имею никакого значения для него, он владеет мной. Только поэтому он должен взять меня, но я ему не нужна.

Мой дефект, мои разные глаза не только дали мне дар виденья, но также они привели меня к этому ужасно мрачному мужчине, который может заполучить любую женщину, какую пожелает. Я — нежелательное бремя, единственная, кто будет быстро отвергнута, если судьба будет на моей стороне.

Люди глазеют, разинув рты, приподняв брови в раздражении, что их зрелище было быстро прервано, лишая их спектакля. Они заполняют воздух туманом цвета аметиста. Он клубится вокруг их тел, испаряясь в небытие над их головами, оставляя видимым декоративный потолок — долгожданный центр внимания для моего хаотичного разума.

Очень скоро холодный ночной воздух поражает меня, заставляя затаить дыхание, а в дальнейшем угрожая ослабить мои дрожащие ноги. Коул безразличен ко всему и не заботится о моём благополучии — ещё один большой прогресс на пути к цели. Его длинные ноги быстро преодолевают каменные ступени, что ведут от входных дверей к тихой улице. На дороге нет ни автомобилей, ни проходящих прохожих, чтобы стать свидетелями сцены, когда женщину в белом шелке тащат к темному Bentley, ожидающему в тени, с заведенным двигателем и открытой задней дверью — чтобы поглотить меня в чёрной дыре.

— Внутрь.

Мой муж выдает односложное слово, как указ. Это требование, которому я повинуюсь без сопротивления.

Я смотрю на темные глубины автомобиля и на мужчину рядом со мной, но он не смотрит на меня. Вместо этого он стоит и ждет, его ледяные голубые глаза уставились на здание позади нас — его обычная поза, в ней заключена сила, которую он олицетворяет.

Я тихо вздыхаю, мои глаза перемещаются от его лица обратно к открытой двери, я приподнимаю вверх объемную и замысловато сотканную юбку моего свадебного платья и залезаю в машину. Прежде, чем я успеваю полностью расположиться в дальнем углу заднего сиденья, дверь хлопает, закрываясь позади меня, и я поворачиваюсь, чтобы уставиться на лунный свет, льющийся на профиль моего мужа.

В его лице нет никаких резких граней, они все плавные, чувственные и взывают ко мне. Мои пальцы зудят от необходимости проследить плавные линии и болят от потребности проверить: будет ли его борода мягкой или колючей под моими ладонями.

Без предупреждения он бросает резкий взгляд на меня, пригвозждая меня к месту. В его взгляде издевательская надменность.

Уголок его восхитительного полного рта приподнимается в усмешке:

— Нравится, что ты видишь, Фей?

Жар расцветает на моих щеках от позора, что меня поймали, глазеющей на него. Я опускаю взгляд, пялясь на свои колени, и проглатываю свои неравномерные вздохи, пока мои ладони сжимаются вместе из-за нервного страха.

Он делает движение, которого я и предвидеть не могла, — нападает, сжимая мою

челюсть в болезненной хватке, поворачивая мою голову так, чтобы встретиться ещё раз лицом к лицу.

— Я задал тебе вопрос, жена, — его мягкий голос изящно пропитан ядом, и я упрямо опускаю свои глаза вниз, не осмеливаясь встречаться с его взглядом.

Его пальцы впиваются в мою кожу, пока он усиливает свою хватку, а мои накрашенные губы сжимаются, когда он слегка трясет меня, требуя ответа.

— Тебе бы не помешало хорошо усвоить урок: когда я спрашиваю — ты отвечаешь. Когда я хочу — ты даёшь. Посмотри на меня и ответь: тебе нравится, что ты видишь? — от его властного тона я впадаю в прострацию. Она сменила мое бархатное искушение. Даже не поднимая глаз, я могу лицезреть то, как его полный рот формирует слова: «хочу» и «даёшь», но если он хочет, чтобы я подняла свои глаза на него, я дам ему это. Я дам ему всё, что угодно, за большее количество нежных слов, независимо от боли в моей челюсти или паники в моей груди.

— Да.

Мои глаза встречаются с его, и я удерживаю его пристальный взгляд в поддельной демонстрации силы. Я не сильна, я — ничто, но я притворяюсь разноцветным ярким огнем, который может расплавить лед в его глазах.

Моё признание приносит удовлетворение лишь на секунду, затем он отбрасывает меня прочь с силой, которой хватило, чтобы ударить меня головой о стекло с глухим резкий звуком, эхом, отразившимся в тишине автомобиля.

Если он думает, что эта демонстрация отвращения заставит меня и дальше зажиматься, то он ошибается. Не его агрессия пугает меня, а его красота.

Люди ошибочно полагают, что все, радующее взор, должно быть обязательно хорошим. Наши инстинкты говорят нам, что зло не скрывается под привлекательной маской — это невозможно.

Любой человек с обостренным чутьем знает, что это ложь, это только для того, чтобы поймать в ловушку. Природа показывает нам, что красота может быть использована против нас, соблазняя сладким нектаром, подобным венериной мухоловке, стремящейся объесться нашей плоти и медленно переваривать наши жизненные силы. Это только средство к существованию. Это делает Коула ещё более опасным. Он не пирует, чтобы питать своё тело, он делает так, чтобы насытить свою потребность. Он — плотоядный монстр, а я — его следующая жертва.

Автомобиль начинается движение без очевидного указания Коула и выезжает на тихую улицу. Я хочу спросить, куда мы едем, но проглатываю слова, зная их тщетность. Я сижу в тишине, которая настолько оглушающая, что я борюсь с потребностью закрыть свои уши руками в надежде заблокировать её снаружи. Не более, чем через десять минут, мы паркуемся на улице у невзрачного таунхауса в неблагополучном районе Лондона. И вновь улица кажется странным образом тихой, даже в этот поздний час: без проезжающих автомобилей или такси, никаких припозднившихся людей, гуляющих с собаками, или даже гуляк, возвращающихся домой с вечерних посиделок.

Я смотрю на здание, облицованное серым кирпичом, и замечаю вспышки света за тусклыми чистыми занавесками, как если бы кто-то внутри смотрит в темноте телевизор.

Сосредоточившись на доме, я не замечаю движение Коула до того момента, как он мягко размещает свою руку на моей. Его прикосновение немедленно успокаивает дрожание моих пальцев, которые переплелись так сильно, что костяшки побелели. Я вздрагиваю,

мягкий контакт неожиданный и полностью противоречит тому, как он прикоснулся ко мне менее чем четверть часа назад.

— Настало время тебе узнать, кто твой муж, Фей. Пойдем.

Он буквально разрывает пальцы, разделяя мои руки, и берет мою левую руку в свою. Затем открывает дверь и выходит на улицу, мягко вытаскивая меня за собой.

— Это твой дом? — слова срываются с моих губ, пока я плююсь на типовой белый поливинилхлорид, из которого сделана передняя дверь с дешевыми медными светильниками и уродливыми двойными застекленными панелями.

Он усмехается от отвращения и тащит меня на небольшую лужайку, с пронзительным скрипом открывая ржавые ворота.

— Это работа — не игра. Только тараканы живут в лачугах, и ты увидишь, как твой отец обращается с насекомыми, которые воруют у него. Смотри и учись. Это будет твоим уроком, и если ты будешь мудрой, то накрепко запомнишь.

Он тащит меня наверх по трем низким ступенькам, а затем я замечаю широкую тень, появившуюся из узкого прохода между этим домом и следующим. Тень приобретает форму мужчины, его массивное тело и лицо в шрамах свидетельствует о том, насколько неудобно он себя ощущает, скрываясь в темноте, готовый атаковать.

Коул бросает взгляд на незнакомца и останавливается наверху ступеней, грубо притягивая меня к себе.

— Грим, всё готово?

Грим (Прим. в пер. с англ. мрачный). Никогда имя не было более подходящим. Он носит прозвище, как кожу. Оно покрывает его мускулистое тело и сочится из его пор клубами темно-зелёного дыма.

— Всё готово, — его рот растягивается в зловещей улыбке, натягивая рваный дугообразный шрам от резко очерченных губ прямо через рябую щеку к углу левого глаза. Его глаза светятся в одиноком уличном фонаре, и он ловит меня за разглядыванием. — Привел маленькую леди для демонстрации?

Коул не удостоивает его ответом. Вместо этого он ступает вперед и звонит в звонок, его фигура в шесть футов четыре дюйма заполняет дверной проем и блокирует мой взгляд. Мгновением позже дверь открывается, и я могу только слышать человека с другой стороны, но не видеть его. Мне не нужна визуализация, чтобы уловить удивление в его голосе, или так он может прятать страх, который проявляется в единственном слове — имени моего мужа, слетающего с его дрожащих губ.

— Коул.

Мой муж делает ещё один шаг вперед, переступая порог, и я слышу суетливые шаги мужчины, которого я ещё не видела, отступающего на дрожащих ногах.

— Билли Уильямс, разве ты не собираешься пригласить нас внутрь? Где твои манеры? — голос Коула расслаблен, но насмешлив, и он втаскивает меня за руку через открытую дверь в грязную глубину мрака.

— Включи какой-нибудь бл*дский свет, — мрачно хрипит Грим, появляясь сзади меня и наступая мне на пятки. Затем он хлопает дверью со всей силы, закрывая её, и, несмотря на все мои попытки держаться, я напугана. Отступаю и врезаюсь в широкую спину Коула.

— Конечно, конечно, — бормочет мужчина, до того, как зовёт. — Синди, у нас гости. Включи свет, детка.

— Включи чертов свет сам, ленивая задница, — раздается в ответ бормотание из

комнаты. В густом мраке я могу разглядеть узкую прихожую, в которой мы находимся, что ведет к дверному проему без двери. Потертая занавеска приколата к разбитой раме в элементарной попытке обеспечить приватность, и тусклый свет пробивается через зияющие дыры, но его недостаточно для меня, чтобы четко видеть.

— Детка, окажи нам всем услугу и нажми на гробаный выключатель, — предложение начинается как просьба, но заканчивается рычанием, по мере того как мы приближаемся.

Проклятья и ворчание сопровождается звуком разбитого стекла, что-то разбивается об пол в другой комнате, затем свет наконец-то загорается, заполняя темное место резким флуоресцентным светом — всего лишь подчеркивая то, в какую дыру я попала.

— Пригласи нас, чтобы мы увиделись с твоей женой, Билли.

Просьба Коула не оставляет места для отказа, и я смотрю на человека, который, как мне кажется, скоро лишится жизни.

Сальные каштановые волосы зачесаны назад от его лба, подчеркивая его вдовый пик (Прим. «вдовый пик» — волосы, растущие треугольным выступом на лбу), и его темные глазенки мечутся между нами, как будто он отчаянно ищет запасной выход и не может найти. Этот мужчина — животное, он — просто крыса. Его аура мерцает вокруг него различными оттенками правонарушений, наиболее распространенный — болезненно желтый, как цвет английской горчицы. Под этим цветом я угадываю сексуальное извращение: он из тех, кто развращает очень юных. Я в последние годы сталкивалась со множеством людей, подобных Билли Уильямсу, и, к счастью, избежала большинства из них.

— Ты знаешь, почему мы здесь, Билли. Давай покончим с этим.

Слова Коула прозвучали растянута, как будто он уже устал от этой игры в кошки-мышки и хотел быстро перейти к главному событию.

— Я... Я... никогда не брал деньги. Я... Я... сказал Джорджу об этом. Это не я, Коул. Позволь мне поговорить с господином Крэйвеном и рассказать ему самому. Я был бы грёбаным идиотом, чтобы воровать у такого человека, как он.

Коул иронично смеется:

— Ты думаешь, что господин Крэйвен когда-нибудь снизойдет до аудиенции с тобой, Билли? Кроме того, — он выпускает мою руку и делает угрожающий шаг вперед, — я знаю, что ты взял эти деньги, — ещё один шаг вперед до тех пор, пока Билли не оказывается прижатым к дальней двери. — Я знаю всё о тебе, Билли. Всё.

Одним быстрым движением руки Коула хватает и срывает потрепанную ткань с дверной рамы, но прежде, чем Билли смог бы запротестовать, он использует эту ткань, чтобы накрыть голову и грудь меньшего по росту человека, связывая его и втягивая через освободившийся дверной проем в гостиную.

Грим обходит меня и нетерпеливо следует за Коулом. Возбуждение переполняет его, хотя его лицо остается безэмоциональным.

— Какого черта? Убирайтесь из нашего дома! Кто вы, бл*дь, такие? — слова женщины произнесены нечленораздельно, но сердито, она пьяна или под наркотой, возможно, оба варианта, и сдуру не осознает серьезность ситуации. Я плююсь на очищенную и запятнанную ДСП на голой стене с моей стороны, пытаюсь отступить в безопасность своего разума, но проваливаюсь.

— Фей.

Зов Коула расстроил мою попытку исчезнуть в своей голове и резко сосредоточил меня на моём мрачном окружении.

— Время презентации, миссис Хантер, — голова Грима появляется в дверном проёме, его угольно-черные глаза горят в нетерпении.

— Ну же, Фей. Не заставляй меня ждать и не заставляй меня велеть Гриму привести тебя, — слова Коула не подлежат никакому обсуждению, и я могу увидеть по небольшой улыбке на губах Грима, что он надеется на то, что я не подчинюсь.

Я потрясаю себя так же, как и его, когда начинаю двигаться и намереваюсь пройти через проём. Грим пропускает меня с театральным жестом руки так, как будто он приглашает меня к обеденному столу.

Здесь они оба. Билли и его мгновенно успокоившаяся жена на другом конце жалкого дивана, который должен был попасть на свалку ещё десять лет назад. Билли потеет как свинья, зеленоватый оттенок его белой кожи практически светиться в лучах света. Его жена, Синди, сидит, уставившись на беззвучное изображение, мерцающее в широкоэкранный телевизор, закрепленном на стене. Я предполагаю, что в тот момент, когда дом обустраивался, у них в приоритете были высококлассные электротовары, а не мебель, поскольку телевизор — единственная ценная вещь во всей комнате.

Приспособления для употребления наркотиков разбросаны как попало по всей поверхности обшарпанного кофейного столика, вперемешку с остатками еды на вынос, сами же коробочки разбросаны по полу.

— Я здесь не для признания, Билли. Я здесь для оплаты, — Коул небрежно облакачивается о высокую каминную полку, которая возвышается над старинным газовым камином — элементы давно обгорели, белая пластмасса расплавилась и покрыта коричневыми пятнами.

— Я... У меня нет, — начинает Билли, но Коул восстанавливает тишину, поднимая руку, а затем нарочито беспечно проверяет свои ногти.

— Я знаю, что у тебя нет денег, чтобы заплатить то, что ты задолжал, так что я должен взять это кровью, — он произносит угрозу с таким интенсивным безразличием, что эффект его слов ещё больше охлаждает атмосферу вокруг.

Билли паникует и сползает со своего места, он размахивает руками, пока его глаза отчаянно осматривают комнату, останавливаясь сначала на окне, прежде чем он отказывается от этой идеи, а затем на жене, которая практически находится в коматозном состоянии.

— З... за... берите её, — указывает он на тело женщины, растянувшейся на расстоянии фута, и умоляет своими глазами Коула, чтобы тот увидел в ней жизнеспособный товар.

Коул трясет головой, тем самым выражая досаду, прежде чем его глаза смотрят на Грима, который всё ещё стоит в дверном проёме. Билли замечает это движение и ещё раз оценивает комнату, ища что-нибудь ещё, стоящее обмена. В его глазах светится облегчение, и он поднимает трясущуюся руку, указывая на угол комнаты и тыкая пальцем в никотиновых пятнах в том направлении.

— Его, заберите его. Делайте с ним, что хотите. Он повинуется и хорошо обучен.

Я поворачиваю голову направо, и мои глаза натываются на забитое тело маленького мальчика. Ему не может быть больше шести, возможно, семи лет. Трудно судить о его возрасте по положению его тела и тому, как костлявые руки обернуты вокруг его тела.

Я задыхаюсь. Мои инстинкты призывают меня к защите, чтобы закрыть ребенка и поглотить пляющихся монстров, что живут тут.

Мальчик не двигается. Его голова остается склоненной, лбом он касается коленей, но я

знаю, что он слушает, потому как его маленькое тело дрожит от внимания, которое сосредоточено на нем.

Мой взгляд быстро движется от мальчика назад к Коулу, я хочу протестовать, умолять о жизни для этого ребенка, но я не нахожу слов от ответа моего мужа.

Его глаза движутся от ребенка ко мне, а затем медленно возвращаются к Билли.

— О, я возьму его, но его недостаточно, чтобы покрыть твоё воровство. Ты был жадным мальчиком, Билли, а жадным мальчикам требуется наказание, или они продолжают брать, брать и брать.

Билли судорожно сглатывает, прежде чем открыть рот, чтобы умолять о чём-то большем, но Коул останавливает его взмахом руки и делает шаги к Гриму, который открывает большой рюкзак, что лежит у его ног на полу.

Я с ужасом и замешательством наблюдаю, как Грим медленно вытаскивает большую, замороженную ногу ягненка. Коул изящно наклоняется и выдергивает пластмассовую упаковку мяса из рук Грима, оборачивая свою руку вокруг узкого конца кости, и выпрямляется в полный рост. Его руки опущены, кулак практически незаметно сжимается вокруг замороженного мяса, в то время как он хрустит своей шеей из стороны в сторону, растягивая свои мускулы и разминая плечи. Затем медленно, даже слишком медленно, он направляется к Билли Уильямсу, у которого такое же выражение замешательства на лице, что и у меня.

Воздух в комнате практически разряжен, и аура Коула вспыхивает ярко-красным цветом прямо перед тем, как он заносит руку над головой и обрушивает мясную ногу вниз на лицо Билли, не один раз, не два, а три. Трещина в его черепе видна через всю комнату, и я неспособна сдержать крик, зарождающийся в моей груди и сорвавшийся с моих губ.

После первого удара Билли падает на колени, выглядя шокированным, и его лицо в ужасе трансформируется в жуткую версию «Крика» Эдварда Мунка. Второй удар распыляет повсюду темно-красный цвет из рваной раны на лбу; я могу видеть каждое незначительное пятнышко крови, плывущее по воздуху, подобно красивым и жутким пятнышкам пыли. Я наблюдаю в неподвижном ужасе, как от третьего удара он падает замертво. Кровь из раны вытекает на грязный коврик, просачивается в уже запятнанные волокна и окрашивает их в тёмный цвет. Струятся широкие реки запекшейся крови. Из его широко открытого рта вниз по подбородку сочится красная жидкость, в это же время моча окрашивает его джинсы, оставляя лужи на сучковатых половицах. Следующие удары яростны в их точности и вызваны отвращением, слышны звуки ломающихся костей и глухие резкие звуки стука замороженного мяса, колотящегося об плоть. Они грохочут у меня в ушах, создавая гудение, которое угрожает разорвать мои барабанные перепонки. Билли Уильямс лежит бесформенной тушей на полу его собственной гостиной.

Его лицо неузнаваемо, задняя часть головы раскололась, выставив на обозрение серое мозговое вещество, в то время как осколки черепа разбросаны вокруг. Кровь медленно просачивается сквозь половицы. Один глаз Билли безучастно смотрит в небытие, другой висит на его щеке напротив открытых губ. Его глазница раздроблена вдребезги, и только сфера глазницы, едва держась, висит на оптическом нерве.

— Бл*дь!!! Это было эпически! — взволнованное восклицание Грима жестко поражает меня, и я сгибаюсь, резко втягивая в себя воздух, втягивая полные легкие горького, медного зловония, наводняющего комнату, и борюсь против желания опустошить содержимое своего желудка.

— Я могу уделать суку?

Я поднимаюсь в ожесточенном, грязном воздухе, зажмуривая глаза, и желаю себе не свалиться в обморок, когда возобновляются вызывающие отвращение глухие удары. В шум ударов вкрапливается женское хныканье, пока комната не затихает ещё раз. Вокруг царит тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием Грима, пока он восстанавливается после своего ожесточенного действия.

Между преувеличенно затрудненными вздохами он смеется:

— Ты видел это? Её голова лопнула, как дыня. Проклятье, хотел бы я сделать запись этого. Это дерьмо заслуживает того, чтобы увидеть его ещё раз на повторе.

Дорогие черные ботинки, запятнанные кровью, появляются в поле моего зрения. Я все еще стою в центре комнаты, сгорбившись, когда покрытая кровавыми пятнами ладонь моего мужа тянется ко мне, и я заставляю себя разогнуться из неудобной позы.

— Пойдем, Фей, Билли оплатил свои долги.

Каким-то извращенным образом я жажду контакта, что он предложил, нуждаясь в нем, как в якорю. Моя рука скользит в его ладонь без усилий, даже когда мой желудок переворачивается от соприкосновения его заражённой кожи с моей.

— Забери мальчика к Анне, — инструктирует Коул Грима, таща меня, но не предлагая мне никакого комфорта, кроме своей руки на моей.

Он тащит меня к двери, резко останавливаясь, чтобы машинально добавить:

— Да, и принеси с собой ягненка. Моя новая жена приготовит его для нас завтра. Мы оба нагуляли зверский аппетит, я подумываю о жарком со всеми этими событиями.

Я возвращаюсь к автомобилю и больше не могу сдерживать ужас, свидетелем которого я стала. Меня тошнит на элегантный подол моего свадебного платья до тех пор, пока желчь не сжигает моё горло и не опаляет ноздри.

Коул мрачно усмехается, пристально наблюдая за мной, пока я использую тыльную сторону руки, чтобы вытереть рот. Зловоние рвоты распространяется в пределах маленького пространства и вызывает во мне новый приступ рвотных позывов.

— Ночь только началась, жена. Будет намного больше веселья.

6

Уильям Уильямс — или «Билли-мясник» — получил то, что заслужил.

Зрелище того, как его голова треснула, словно яичная скорлупа, а его желток разлился по всему изношенному ковру, было достойным концом дерьмового дня.

Я получаю большое удовлетворение от своей работы, я получаю даже больше удовлетворения от избавления мира от паразитов вроде Билли.

Билли крал у Алека Крэйвена?

Вероятно.

Билли заслуживал свой конец?

Определенно.

Вы же видели, Билли был тараканом.

Он работал на скотобойне — одном из полузаконном предприятии Крэйвена по отмыванию денег. Возможно, он был экспертом в разделке мяса, а также он имел пристрастие обманывать юных мальчиков, после чего он трахал их до полусмерти.

Наблюдение за Билли ускорило исход его жизни. Произошедшее не только успокоило зверя внутри меня, все сложилось как нельзя лучше. Такая жалость, что моя новая жена, судя

по всему, не наслаждалась ситуацией. Конечно же, живя с Крэйвеном все эти годы, она видела намного худшее? Или, возможно, поскольку это была наша брачная ночь, она ожидала цветочки и сердечки.

Я не мужчина цветочков и сердечек. И если я когда-нибудь предложу ей сердце — это будет теплое и всё ещё бьющееся после вырезания из груди сердце Алека Крэйвена.

Она привыкнет.

Скоро.

7

Пейзаж неуловимо мелькал за окном автомобиля. Как бы я не пыталась, я не могу заставлять свой мозг ухватиться за что-нибудь, что помогло бы мне сориентироваться. Мой обычный метод — сбежать в небытие — подводит меня, когда я больше всего в нём нуждаюсь.

Я слышу каждый звук, который он издаёт: от его каждого тихого вздоха до звука пальцев, беззвучно печатающих что-то на экране телефона. С каждой прошедшей секундой мои нервы становятся более издёрганными, мой пустой желудок — бурлящим, а моё горло горит при каждом сглатывании.

Я не осознаю, сколько прошло времени, или как далеко мы уехали, но хруст гравия под колёсами автомобиля почти оглушает.

— Добро пожаловать домой, миссис Хантер.

Его голос дразнящий, тон бархатный, соблазнительный, губы растянуты в одной из его коронных ухмылок, от которой побегут мурашки по моей замёрзшей коже.

Я не смею смотреть на него. Вместо этого я поднимаю глаза на открывающийся вид за сильно тонированным стеклом, но всё, что я вижу, — тёмные силуэты деревьев. Автомобиль замедляется, и деревья сменяются высокой кирпичной стеной, столь же высокой, как стена, окружающая «Крэйвен Холл». Прочная древесина и рельефные стальные ворота широко раскрыты, когда мы медленно тащимся мимо сторожевой будки. Два мускулистых сотрудника службы безопасности кивают подбородками автомобилю, пока мы проезжаем мимо, оба вооружены полуавтоматическим оружием.

Это место — крепость и тюрьма. Это не определение дома, которое есть у большинства людей. Но я — не большинство людей, и «Крэйвен Холл» в десять раз более защищен, чем всё, что я видела до сих пор. Это не меняет ситуацию, я была пленницей всю свою жизнь, и единственная вещь, которая изменилась, — моя клетка.

И мой хозяин.

Образ моей матери возникает перед моим мысленным взором, и я ненадолго закрываю свои глаза, стараясь удержать в памяти её добрые глаза и теплую улыбку. Если бы я могла остаться в моих воспоминаниях с ней, то смогла бы выдержать всё, что произойдёт сегодняшней ночью. Я могу не дожить до утра, но я справлюсь с осознанием моей возможной преждевременной кончины.

Автомобиль останавливается.

Её изображение исчезает, и я хочу рыдать от чувства потери.

«Я не могу это сделать».

«Я не могу это сделать».

Жесткий хриплый смех прорезает мои мысли, и взглядом я моментально улавливаю Коула. Его улыбка не такая нежная, как улыбка моей матери, которую я пыталась и не

сумела удержать в своих мыслях. Она — чистое зло.

— Ты думаешь о путях побега? — его смех дразнит. — Ты будешь искать их, жenuшка. Но у тебя нет шанса. Теперь ты принадлежишь мне. Папочки здесь нет, чтобы спасти тебя.

Злость пузырится желчью в моем животе и бездумно выливается из моего горла.

— Ты думаешь, что мой отец защищал меня? Ты думаешь, что моя жизнь представляла собой только привилегии и комфорт? Ты просто помешанный. Мой папочка — ещё больший монстр, чем ты, ты...

Боль опалает мою скулу от зверского удара слева, и моя голова откидывается в сторону от сидения. Прежде, чем даже хныканье покинуло мой рот, он рукой ловит в ловушку мою челюсть, жестоко сжимая моё лицо до тех пор, пока непрошеные слезы не падают из моих глаз.

— Посмотри на меня.

Мой взгляд опущен вниз, я даже не моргаю в надежде остановить мою слабость, прямо сейчас катящуюся по моим щекам, предавая меня.

— Я, бл*дь, сказал, посмотри на меня, — он грубо трясёт моё лицо в своей беспощадной хватке, и я поднимаю свои влажные глаза на него.

Он смотрит на один глаз потом на другой, разглядывая их не соответствующие цвета, погружаясь в глубину и иссушая мой мозг своим совершенным голубым пристальным взглядом.

— Твой папочка, может, и правит своим королевством в кровавой короне, но я не боюсь этого. Кровь успокаивает меня, кровь — это наркотик, которого я жажду.

Он слегка ослабляет свою хватку и просовывает свой большой палец между моими губами, пробегая мягкой подушечкой по моим нижним зубам так, будто проверяет их остроту. Инстинкт перемещает мой язык, настоятельно призывая попробовать познать его вкус, и тогда я медленно облизываю его кожу, он замирает. Его ледяной пристальный взгляд ещё раз встречается с моим, и обжигающий след от него несется прямо вниз по моему позвоночнику.

Ухмыляясь, он проталкивает свой большой палец глубже, и я вся дрожу от желания всосать его. Даже в то время, когда мозг говорит мне, что он должен вызывать во мне отвращение, моё тело похотливо сдаётся. Я жалкая в моём стремлении к прикосновению, в поисках утешения и любого контакта, который я смогу получить. Я больна. Эта пузырящаяся во мне потребность — болезнь.

— Алек обещал мне девственницу, и всё же ты сосёшь мой большой палец, как шлюха. Скажи мне, принцесса, ты думаешь, что твои жалкие попытки обольщения спасут тебя?

Его вопрос риторический, он не ожидает ответа, и я также не могу дать ему ни одного. Всё, на что я способна между захватом моего лица и толстым пальцем в моём рту, это стон. Но даже этого я не дам ему. Я не настолько глупа, чтобы откровенно продемонстрировать ему эффект, который он на меня оказывает.

— Мудрая девочка. Убедись в том, что контролируешь то, как много ты отдашь мне, поскольку я собираюсь взять всё, в независимости от того, отдашь ты это добровольно или нет.

Его глаза светятся, и вспышка красного мерцает вокруг него, цвет очень похож на тот, который окружил его перед тем, как он ударил Билли Уильямса. Я возбуждаю его, и я не уверена, жаждет он меня или просто моего уничтожения.

— И мне намного больше понравится, когда я возьму это, — он толкает свой большой

палец дальше мне в рот, пока я не давлюсь. — Принуждать тебя к покорности — ощущается как нектар на моих губах.

Я приподнимаюсь, пока его палец мощно двигается на моём языке, ощущение сладкого греховного вкуса взрывается на моих вкусовых рецепторах. Бассейн слюны в глубине моего горла угрожает задушить меня. Как быстро это началось, так быстро это и закончилось. Он резко отпускает моё лицо и вытаскивает свой большой палец из моего рта.

Я кашляю, моя грудь энергично поднимается попытке восстановить дыхание. Я потрясенно наблюдаю, как он подносит свой большой палец к полным губам и размазывает влажность по всей розовой пухлой губе, затем раскрывает их достаточно, чтобы пальцем проскользнуть между ними в свой дьявольский рот, где он начинает обсасывать его. Затем, не бросая на меня ни единого взгляда, он открывает автомобильную дверь и уходит в ночь.

Он не ждет и не зовет, чтобы я вышла из автомобиля, вместо этого я слышу, как он сказал кому-то, кого я не могу видеть.

— Вытащи мою возлюбленную жену из автомобиля и отведи её в мою комнату.

Затем он уходит. Его длинные ноги уносят его вверх по нескольким ступеням из песчаника за пределы моего поля зрения.

Дверь автомобиля с моей стороны распаивается без предупреждения, и рука в костюме протягивается, чтобы забрать меня.

— Миссис Хантер, пожалуйста, следуйте за мной.

Я пристально смотрю на чужую руку, думая, преподнести ли себя как жертвенного ягненка, кем, по сути, я и являюсь, или провести ещё один последний рубеж сопротивления.

— Миссис Хантер, я бы предпочел, чтобы Вы покинули транспортное средство добровольно, я, в отличие от вашего новоиспеченного мужа, не люблю давать волю рукам со слабым полом... — его рука вцепляется в мою руку и болезненно сжимается вокруг моего бицепса, — ...но, если у меня для этого будет причина.

Я колеблюсь в течение нескольких секунд, пока смотрю на ноги по ту сторону открытой двери автомобиля, задаваясь вопросом: этот мужчина настолько же силен, как кажется, или я, предположительно, смогла бы броситься мимо него и уйти... куда? От этого никуда не убежать.

Как только я прихожу к этому заключению, он, очевидно, теряет своё терпение и без дальнейшего предупреждения вытаскивает меня из автомобиля, практически вывихнув мне плечо. Я приземляюсь на острый гравий лицом, и единственное, чем мне удастся уберечь щеку от соприкосновения с землёй, — это моя свободная рука. Я выставила блок и смягчила удар. Руку мгновенно жалют тысячи порезов, а моё бедро буквально кричит от боли из-за моего неуклюжего приземления.

Пока я лежу, растянувшись на земле, другая пара дорогих блестящих ботинок, на этот раз коричневых, появляется в зоне моего периферийного зрения.

— А теперь, не будете ли Вы так любезны встать, я действительно не хочу волочь Вас и уничтожать Ваше красивое платье еще больше, чем сейчас.

Его голос интеллигентен и звучит практически скупающе. Как будто я — неудобство, которое он не ценит, но за которое несет ответственность.

Он тянет меня за руку, максимально растягивая мои уже поврежденные мускулы в предупреждении.

— Последний шанс, Миссис Хантер.

Я содрогаюсь, пока успокаиваю пострадавшее бедро и незячно встаю на колени, ткань

моего платья спасает их от твердой поверхности гравийной дорожки. А вот с рукой все не так просто, кровь свободно вытекает из множества порезов на моей ладони, в то время как маленькие камни глубоко врезаются в мою плоть.

Мужчина отпускает меня, как только чувствует мою капитуляцию, и я использую свою непострадавшую руку, чтобы подняться на ноги.

— Хорошая девочка. Будет мудро воздержаться от колебаний в дальнейшем. У меня гораздо больше терпения, чем у вашего нового мужа, но я всё равно ожидаю незамедлительного повиновения.

«Терпение? Он едва дал мне несколько секунд, прежде чем бросил в грязь».

Я умеряю остаточный гнев, не желая больше злить этого незнакомца. Поднимая голову, я оглядываю его длинные ноги, одетые в дорогие брюки ручной работы, грудь в официальном смокинге, который сильно обтягивает широкие плечи.

Он, должно быть, был на моей свадьбе. И наблюдал вместе с голодной толпой, как меня дарили его боссу.

Мой взгляд скользит вверх по точеной челюсти, которая, в отличие от Коула, без щетины, дальше вверх до темных карих глаз под густыми бровями.

Этот человек мне знаком, но я не могу понять, откуда я его знаю. Он, вероятно, еще один приспешник моего отца, но он выглядит чересчур изыскано, чтобы быть прихвостнем. Он классически красив, с аристократическими чертами лица и темными, идеально ухоженными волосами.

Его ауру трудно прочесть. Прямо сейчас она бледная и спокойная, как воздух перед штормом, и я взволнована тем, что не могу получить полное понимание, насколько он может быть опасен для меня.

Да, там тоже есть тьма, но также есть что-то гораздо большее, и я прилагаю большие усилия обуздать свои способности, чтобы на моем лице не отразилось замешательство.

— Вы не знаете меня, Миссис Хантер. Нам никогда не доводилось быть представленными. Я — Люк, Люк Хантер — ваш новый шурин.

Мне удаётся скрыть своё удивление. Я гляжу на свою поврежденную ладонь и потихоньку вытаскиваю некоторые из застрявших песчинок.

Он ничем не похож на брата. Фактически, они настолько разные, как день и ночь.

Совладав с лицом, я оглядываюсь назад на него, и он улыбается.

— Я знаю, не нужно скрывать свой шок. Мы совсем не похожи. Ладно... у нас есть некоторые общие цели, и, очевидно, мы разделили одну ДНК. В действительности, есть несколько вещей, которые мы разделяем, и я уверен, что Вы уясните это в скором времени. А теперь пойдём. Я не хочу больше причинять Вам боль. Я бы лучше предпочёл, чтобы Вы пошли по собственной доброй воле. Это будет гораздо проще для нас обоих.

Он протягивает руку так, как будто собирается сопровождать меня на какое-то формальное мероприятие, а не в мою новую тюрьму.

Я довольно-таки долго пристально смотрю на него, и он фыркает в неодобрении.

— Я пытаюсь сделать это хорошим способом, Фей. Пожалуйста, не заставляй меня быть тем, кого я презираю.

Произнесенные им слова звучат правдиво. Он не ищет жестокости, как его родной брат. В отличие от Коула он не жаждет насилия, но это не означает, что он не способен на это.

Я протягиваю свою трясущуюся руку, игнорируя всполохи боли в своей поврежденной ладони. Он нежно берет её и удаляет несколько маленьких камешек из моей плоти, затем

вытаскивает носовой платок из своего кармана, чтобы вытереть выступившую кровь.

— Туда, — мягко бормочет он, пока оборачивает свою большую руку вокруг моей. — Так намного лучше. Ты сможешь умыться, когда доберёшься до вашей комнаты.

Я кротко следую за ним, в замешательстве от его одобрения и мимолетной демонстрации доброты.

Он идет уверенной походкой рядом со мной и ведет меня наверх тем же путем по ступенькам, по которым поднялся и Коул немного ранее.

Теперь, когда у меня есть направление, я обращаю свой первый взгляд на здание передо мной. Это красивый особняк в южном стиле, далёкий от масштаба «Крэйвен Холла», но всё равно удивительно изящный.

Теплый свет огней, льющийся из множества окон, придаёт месту ложное чувство домашнего уюта. Если бы я не знала монстра, владеющего им, я бы нашла его успокаивающим, приветливым. При других обстоятельствах я была бы рада провести здесь время.

— Это дом нашей семьи, — произносит Люк, в то время как мы медленно держим путь к величественной передней двери.

— Наш пра-пра-прадед купил землю и построил его в качестве свадебного подарка для любви всей его жизни. Она выносила ему троих сыновей, прежде чем была изнасилована и убита человеком, который хотел её только для себя.

Я спотыкаюсь от его слов.

«Почему он рассказывает это мне?»

— С тех пор, как она умерла, наша семья стремиться к возмездию.

Его рука практически незаметно напрягается, когда он продолжает:

— Мы — пятое поколение Хантеров, что живет здесь, только сыновья, никаких дочерей. Я задаюсь вопросом, будешь ли ты первой, кто произведет на свет наследника по женской линии. Думаю, что это крайне порадует Коула, — он тихо усмехается сам себе. Я игнорирую его замечание, притворяясь, что его слова не перевернули мой и так уже взболтанный желудок.

Я никогда не принесу ребенка в этот мир. Я видела, как живут дети, и видела, как они умирают. Богатство может оказаться щедрым для многих, но в большинстве случаев, оно не защитит вас от жадности, которая превращает хороших людей в плохих, а плохих людей — в смертоносных.

— Язык проглотила? — он смотрит вниз на меня, его выражение лица обманчиво нейтрально. Он пожимает плечами, жест кажется невинным, но слова, которые сопровождают это, нет. — Я уверен, что достаточно наслушаюсь твоего голоса в скором времени. Или я должен сказать твоих криков? Видишь ли, Коул любит играть со своей едой, тогда как я представляю собой больше знатока, если тебе угодно. Однако я жду, чтобы выяснить, являешься ли ты такой кроткой, какой кажешься. Никогда точно не скажешь. Часто тихие — это те, которые приносят наибольшее удовольствие.

Он ведет меня к величественной лестнице, его хватка на моей руке усиливается с каждой ступенькой, что мы поднимаемся. У меня образовывается тянущее ощущение под ложечкой от страха, от чего желудок резко ухает вниз с каждым шагом, что мы делаем вверх.

Когда мы достигаем верхней ступени лестницы, он притягивает меня к себе, и мы проходим многочисленные закрытые двери, прежде чем он останавливается в самом дальнем конце коридора прямо перед двойными дубовыми дверями.

Он поворачивается ко мне лицом — одна рука на ручке двери, другая нежно направляет несколько выбившихся прядей волос мне за ухо.

Я выпрямляю спину, отказываясь вздрагивать от неожиданной нежности. Я могу не бояться его так же, как и его брата, но я не жажду его прикосновения.

— Здесь я тебя оставлю, Фей. Без сомнения, твой муж скоро будет здесь, чтобы увидеться с тобой, — его пальцы медленно скользят вниз по моей щеке, а затем по моей шее, останавливаясь чуть выше груди.

Он колеблется, прежде чем поднять свой пристальный взгляд к моему, его голос звучит мягко, в нем слышится намек на озабоченность:

— Хорошо подчиняйся своему новому Владельцу, зверушка. Я бы хотел, чтобы ты пережила эту ночь и осталась целой и невредимой.

Затем с мягким щелчком и сопровождающим резким звуковым сигналом, он открывает двери и толкает меня в темноту за ними.

Мои глаза отчаянно пытаются адаптироваться к тьме, но всё, что я могу видеть, — кусочек комнаты, которая подчеркнута серебряным светом, проникающим через открытую дверь.

— Сладких снов, зверушка.

Дверь позади меня закрывается, погружая меня в полную темноту. В моей голове все еще звучит эхо звукового сигнала, хотя в комнате царит тишина.

Я некоторое время стою на неустойчивых ногах. То, что ощущалось как минуты, скорее всего, было секундами. Затем я делаю пробный шаг назад и неуклюже нащупываю ручку двери. Когда мою руку поражает холодный металл, моё сердце всё ещё бьется так быстро, что я могу почувствовать вибрацию ткани, покрывающую моё тело.

«Если она откроется, куда я пойду?»

«Куда угодно, но подальше отсюда».

Я могу скрыться, могу найти телефон и позвонить ему.

Он придёт за мной, поскольку его жадность сильнее, чем чувство самосохранения, и хотя я вручу себя другому монстру, по крайней мере, это будет мой выбор.

Моя рука лежит на ручке двери, в дрожащих пальцах ощущается покалывание. Я испытываю зуд желания нажать на ручку.

— Сделай это, Фей. Открой дверь, найди телефон и позвони ему, — слова сказаны шепотом, но этого приказа достаточно, чтобы заставить меня сжать руку и нажать вниз. Металл повинуется моей команде, и ручка движется, но дверь не открывается.

«Насколько же я глупа, что подумала, что она не заперта? Что я не буду в клетке?»

Волны разочарования быстро пробегают по моим венам, и я остервенело трясую ручку, пробуя открыть неподдающуюся дверь. Наношу удар ногой по твердой древесине, который отдается глухим стуком. Я пинаю дверь ещё раз, не надеясь открыть её, больше потому, что это чувствуется хорошо — наброситься и изгнать страх из себя, превратить это во что-то более мощное. В ярость.

Пинок следует за пинком, пока моя нога не начинает болеть, так что я сменяю ногу и продолжаю. Моё дыхание сменяется частыми вдохами, сжимаю ручку двери в кулак и дергаю изо всех сил.

По-прежнему ничего. Только темнота.

— Бл*дь! — я тихо ругаюсь, мои плечи тяжелеют от усилий. Я ничего не добились, кроме саднящих ступней и болящих ног.

Прижимаюсь своим лбом к холодному барьеру. Мысли хаотично крутятся в голове, но я по-прежнему пытаюсь сформулировать план. Я не буду просто сидеть здесь и покорно ожидать мою судьбу.

— Ты закончила, принцесса?

Свет вспыхивает в углу комнаты, и я разворачиваюсь вокруг, смиряясь и полностью прижимаясь своим телом к двери, чтобы не рухнуть на колени.

Коул сидит в большом кресле с высокой спинкой. Ноги вытянуты вперед, в расслабленной руке он держит стакан с виски.

Всё моё тело дрожит при виде его.

Черные пучки ауры закручиваются вокруг его пугающей фигуры, пока ледяные голубые глаза осматривают меня с головы до ног, затем ловят мой взгляд.

Он кладет ногу на ногу, оставляя лодыжку на согнутом колене, и слегка наклоняется вперед. Движения настолько незначительные, но я вжимаюсь в дверь, как если бы он неожиданно возник прямо передо мной, а не находился на противоположной стороне комнаты.

Его глаза ищут мои и ожесточаются.

— Кто собирается спасти тебя, принцесса? Кто будет достаточно глуп, чтобы схлестнуться со мной и попробовать забрать то, что является моим?

— Мой отец.

Два слова, прошептанные слишком быстро, чтобы быть правдой.

Он невесело ухмыляется и ставит свой уже пустой стакан на пол возле ног, прежде чем встает в полный рост одним плавным, но смертельным движением.

— Ах, принцесса. Папочка не собирается спасти тебя. Никто не придёт, чтобы спасти тебя. Так что ты можешь сказать мне правду.

Он движется ко мне, а я сильнее сжимаюсь.

Каждый его размеренный шаг поражает меня прямо в грудь, как физический удар. Его движения расчетливые, но всё же лёгкие. Его тело двигается с неотъемлемой грацией охотника, и я — добыча, ослепленная его тёмной красотой, ожидающая его первого удара.

8

Люк и я часто разделяем женщин, и я знаю, что он ожидает от меня, что мы разделим и Фей. Это — неписаное соглашение между нами. Вместе мы сильнее, то, что моё — его, и наоборот.

После того, как я оставил её в автомобиле; с её вкусом на моих губах и её страхом, бегущим по моим венам, я наблюдал.

Я наблюдал за монитором безопасности, пока он играл с ней. Я видел, как он притворился равнодушным к поразительной красоте моей жены, обращался с ней с безразличием, заманивая хитростью и коварством. Он намеренно использовал обе её слабости, а также тихую силу, о наличии которой она даже и не подозревает.

Когда он бросил её на землю, я наблюдал за тем, как растёт выпуклость в его брюках, в то время как его член начал вставать. Я знаю — он хочет её. Я знаю, что он попытается завоевать её доверие своей спокойной отчужденностью.

Видите ли, мой брат маскирует своего зверя намного лучше, намного лучше меня.

Но это не означает, что его зверь менее смертоносный. В действительности, он использует эту свою способность идеально, обычно я с увлечением наблюдаю за этим

навыком, но сегодня ночью я чертовски зол.

Мои кулаки сжимаются, когда я наблюдаю, как он мягко берет её травмированную ладонь и медленно ведёт в дом.

Я бросаю последний взгляд на них обоих, прежде чем спокойно направляюсь в свою комнату.

Это не было планом.

Предполагалось, что он оставит её там, в темноте и позволит ей пребывать в беспокойстве, но я хочу непосредственно приступить к пиру.

Так что я остаюсь в темноте и жду.

Мгновением позже срабатывает сигнализация и дверь открывается.

Брат толкает её во тьму, его глаза осматривают её тело, а затем он колеблется. Я могу видеть, как он думает о том, чтобы взять её первым.

Я могу видеть похоть в его глазах, пока он бормочет:

— Сладких снов, зверушка, — затем он думает, как обставить это, и уходит, вероятно, чтобы найти меня. Сигнализация двери срабатывает, пока не остаемся только она и я.

Я могу ощущать её.

Аромат её страха.

Быстрый ритм её сердца, который зовет меня взять его, сокрушить и осушить его.

Она не двигается так же, как и я.

Несколькими минутами позже я чувствую её движение, прежде чем слышу его.

Она пробует открыть дверь.

Снова и снова, она пинает и борется, но для неё нет никакого выхода.

Её паника наполняет меня. Мой член подобен стали между моими ногами, пульсируя от необходимости взять. Взять то, что теперь моё.

Хриплым голосом она приказывает себе:

— ...позвони ему.

«Позвони ему».

Ярость взрывается в моих венах.

«Кому, бл*дь, она собирается звонить?»

«Никому».

Но я хочу знать, кто, как она думает, посмеет забрать её от меня. Я выясню это.

Затем выпотрошу его и заставлю её смотреть.

Я отдам ей его уши в качестве трофея, чтобы одно она могла носить на шее, как памятный сувенир.

Кем бы он ни был, он никогда больше не будет тем человеком, к которому она снова сможет обратиться.

Единственный мужчина, который услышит её мольбы, — я.

9

— Раздевайся.

Одно слово.

Приказ.

Команда.

Выдавленная через сжатые зубы.

Он достаточно близко, чтобы прикоснуться, но недостаточно близко для меня, чтобы

почувствовать жар его тела, и мне холодно, так холодно. Мысли об обнажении и отсутствии каких-либо барьеров между нами замораживают меня ещё больше.

— Раздевайся, или я сорву его с тебя.

Его слова — не угроза. Это обещание.

На шатких ногах я медленно поворачиваюсь и выставляю ему мою спину. Я кладу свои ладони на дверь, чтобы выпрямиться, и смотрю на него через плечо, не встречаясь глазами.

— Я не могу дотянуться до пуговиц.

Мой язык сух, пока я вынуждаю слова покинуть моё опухшее горло. Тревога перекрывает моё горло и блокирует воздух, делая мой естественно хриплый голос ещё более скрежещущим.

Его пристальный взгляд оставляет моё лицо и следует за рядом крошечных, покрытых тканью пуговиц, которые формируют линию вдоль моего позвоночника.

Коул ступает вперед и сокращает пространство между нами, его горячее дыхание щекочет мой затылок, а твердое тело накрывает меня.

Я ожидаю, что он сорвет платье с моего тела, того, чего я точно не ожидаю от него, — медленного, почти почтительного расстёгивания пуговицы за пуговицей. Подушечки его пальцев дотрагиваются до моей такой чувствительной кожи, оставляя след из мурашек на своём пути.

Когда последняя пуговка расстёгнута, он пробегает руками по обнаженной коже моей спины к плечам, затем мягко раскрывает ткань, чтобы распахнуть в разные стороны, пока платье не падает до талии и не задерживается на моих бедрах.

Я полностью выставлена его взгляду до талии, на мне нет даже деликатных крох женского белья, чтобы защитить мою скромность, поскольку платье из слишком тонкой ткани и не позволило мне надеть бюстгальтер.

Закрыв глаза, я ощущаю каждый его вздох, как он выдыхает на мою кожу, словно вспыхивающая молния моих чувств, и я жду его следующий шаг.

Я знаю, что его мягкость не продлится долго, знаю, что он скоро возьмет то, что является его, и сделает это без доброты, без любви и без заботы о теле, которое он осквернит, или о душе, которую он уничтожит.

— Раздевайся.

Жар его тела оставляет меня, когда он на один единственный шаг отступает в сторону.

Я опускаю свои дрожащие руки и захватываю ткань по бокам.

— Остановись.

Моё тело дрожит, нервы предают меня, когда я дрожу от его команды.

— Повернись.

Я закрываю глаза и зажимаю своё платье в руках сильнее. Если бы я только могла отступить в свою голову, я была бы способна действовать на автопилоте. Я могла бы быть только наблюдателем этой ситуации, а не непосредственным участником происходящего, но мой разум недостаточно спокоен, чтобы отправить меня в небытие, которое так и останется недостижимым.

— Повернись.

Его терпение иссякает. Я знаю, что должна сделать это, чтобы удержать некоторый контроль и не дать ему сделать это за меня.

Я выпрямляю колени и на неустойчивых ногах, медленно поворачиваюсь лицом к нему.

Я отказываюсь склонить голову в знак подчинения, так что я смотрю прямо в его

ледяные голубые глаза.

Он не смотрит на мои обнаженные груди, его пристальный взгляд сталкивается с моим.
— Теперь раздевайся.

Мое горло отчаянно сжимается, когда я сглатываю. Мускулы отказываются подчиняться, тело деревенеет от страха, но также под всеми этими чувствами скрыта нужда.

Я хочу повиноваться этому мужчине. Мне необходимо потакать ему, и не только потому, что я боюсь его гнева, но и потому, что он, так или иначе, привязал меня к себе.

Каким-то больным и извращенным способом я жажду его одобрения. Ещё больше я жажду его прикосновений, будь они мягкими или суровыми.

«Пожалуйста, прикоснись ко мне».

Дрожь в моих руках прекращается, мой пристальный взгляд не дрогнул, когда я собираю ткань на бедрах и спускаю её вниз, пока она не становится лужицей у моих ног.

Однако его глаза остаются зафиксированы на моих.

— Всё.

Он имеет в виду крошечную полоску белого шелка, что представляет собой мои трусики. Платье было настолько обтягивающим, что я, возможно, также должна была быть обнажена внизу, но я настаивала на наличии некоторой брони. Барьера от всего зла, с которым, я знала, мне придётся столкнуться.

Я просовываю свои большие пальцы под эластичную резинку и медленно стягиваю нижнее белье с бёдер, выпуская ткань, когда она достигает моих щиколоток, чтобы изящно упасть вокруг моих ступней.

Я обнажена, нет не только одежды, но и волос.

Приказы моего отца до сегодняшнего бракосочетания были очень точными. Он приказал своей личной помощнице или надзирательнице, как я любила её называть, удостовериться в том, что каждая моя интимная часть была без волос.

Он обещал Коулу девственницу, я предполагаю, что он думал, готовя меня: что, если я явлюсь настолько молодой и чистой, насколько это возможно, это порадует моего нового мужа и тем самым обеспечит в дальнейшем его преданность.

— Встань на колени.

Три слова, которые наполняют меня ужасом, но также и надеждой, что теперь он захочет прикоснуться ко мне.

Это испорченная надежда подобна пузырькам в моей крови и бассейну между моими ногами, от малейшего прикосновения к которому я взорвусь.

Надежда — двинутая херня. Вызывающая ещё более мерзкое признание того, что монстр передо мной возбуждает меня.

Ко мне никогда не прикасался мужчина таким образом, несмотря на угрозы многих, кто хотел вкусить единственного ребенка Алека Крэйвена. Я каким-то образом избежала этого ужаса.

Я также никогда не прикасалась к себе сама, опасаясь, что мой отец как-нибудь узнает об этом. Эта боль незнакома для меня, и я не уверена, как приглушить её. Я смущена потребностью, назревающей внутри меня. Это ощущается так, как будто всё моё тело натянуто, моя кожа слишком напряжена, мои нервы гудят, мои желания бушуют только с одной целью.

Он.

Я хочу, чтобы он использовал меня, так как сочтет нужным, даже если это причинит

мне вред, даже если это будет так больно, что я никогда не буду жаждать его прикосновений снова.

Я делаю так, как он приказал, и опускаюсь на колени, ни на мгновение не опустив взгляд.

Его массивное тело кажется ещё больше с этого ракурса, и я хочу позволить своим глазам насладиться им всем, но не смею. Я вынуждена ждать момента, когда он ударит, поскольку я знаю, что этот момент настаёт. Я могу ощущать это потрескивание в воздухе, наблюдаю, как водоворот красного и темно-фиолетового ласкает его тело.

Возбуждение. Похоть.

Он просто сдерживает свою потребность, и я должна быть напугана, когда это наконец-то вырывается на свободу. Я видела, на что он способен, но в этот момент меня просто это не заботит.

Лучше войти в вспышку красного, чем исчезнуть в сером.

Я видела слишком много красивых девушек, которые зачали. Я бы не смогла так жить и, полагаю, что именно эти мысли заставили меня произнести следующие слова.

— Я сделала так, как Вы просили. Мы собираемся смотреть друг на друга всю ночь, или Вы собираетесь взять то, что принадлежит Вам?

Он даже не моргнул, но его рука слегка дернулась, соединяясь со вспышкой красного, полыхнувшей от него, что выдала его напускную холодность.

Холодные голубые глаза уставились вниз на меня, требуя, чтобы всё моё тело дрожало, и я выдержала этот взгляд исключительно благодаря силе воли, которая пока ещё у меня осталась. Я сталкиваюсь своим пристальным взглядом с его, бросая ему вызов и нажимая на его смертоносные кнопки.

Его руки движутся со скоростью света, и я ожидаю удар, быстро закрывая глаза от понимания, что должно произойти.

Момент спустя его кулак так и не вступает в контакт с моим телом. Воздух вокруг нас напряжен, и электричество, вспыхивающее в атмосфере, практически болезненно.

Я открываю глаза и моргаю, мой пристальный взгляд падает на его руку и телефон, который он протягивает мне.

— Позвони ему.

Я смотрю на телефон, затем на Коула, не понимая его требование.

Он бросает телефон на мои обнаженные колени, и тот слегка подпрыгивает от вершины моей лобковой кости прежде, чем останавливается у моего обнаженного холмика.

— Не вынуждай меня поднимать на тебя руку, Фей. Звони ему сейчас.

Я поднимаю телефон, благодарная тому, что рука не дрожит, и смотрю назад на Коула. Я всматриваюсь в его лицо, которое остается пустым, и шепчу слова, спрашивая:

— Позвонить кому?

Это вызывает реакцию.

Его рука дергается и хватает меня за челюсть, его хватка зверская, и мои инстинкты кричат на меня, веля съежиться, но я борюсь с ними, возвращая свои слезящиеся глаза на него.

— Не играй со мной в бл*дские игры, Фей. Ты знаешь кому. Бери телефон и набери номер ублюдка, скажи ему прийти и присоединиться к вечеринке. Поскольку это собирается стать одним долгим адским празднованием.

— Я... я...не...

Он трясет мою голову и сжимает ещё сильнее.

— Звони ему. Тому единственному, кто, как ты думаешь, может спасти тебя от меня.

Ясность нахлынула на меня. Он слышал меня. Он слышал то, что я бормотала себе в темноте.

Если я позвоню ему — он покойник.

Если я позвоню ему, единственная шахматная фигура, что у меня осталась на доске, будет поражена конем (Прим. имеется в виду шахматная фигура).

Я должны дать ему что-нибудь. Я уже могу сказать, что Коул не сдастся, пока я не сделаю этого, и его аура обещает насилие. Насилие, которое будет продолжаться дни, часы, возможно месяцы. Неизбежная боль. Невообразимые ужасы.

Так что я звоню.

Набираю номер, который я знаю по памяти, но вместо того, чтобы отдавать свою пешку, я звоню моему королю.

— Отец...

10

Глупая девочка.

Красивая, слабая, глупая девочка.

Я вижу ложь в её глазах, когда она произносит имя своего отца.

Она знает, что он никогда не спасет её.

Я вырываю телефон от её уха и кидаю его в стену спальни, от чего он рассыпается.

Она спотыкается и падает на свою задницу, её голые ноги расставлены в стороны, пока она отчаянно пробует отодвинуться от того, что, она понимает, вот-вот произойдет.

Мои руки стремительно двигаются вперед и хватают её за лодыжки. Её плоть гладкая, бледная и безупречная в моих руках. С небольшим усилием, я тащу её за ноги и подтаскиваю её извивающееся тело по паркетному полу к изножью кровати. Моя хватка оставляет синяки на её нежной коже, руками тянусь к ее бедрам.

Опускаю взгляд на её обнаженные половые органы, и досада бушует в моей крови. Если бы я хотел девочку, то я бы взял одну. Я люблю, когда мои женщины выглядят как женщины, а не как подростки до полового созревания. Я люблю ощущение их жестких волос на моих пальцах, языке и члене. Я люблю наблюдать, как они становятся испачканными моей спермой.

Она борется с моей хваткой и пробует вырваться, но она не равня мне. Её грудь подпрыгивает от её безумных движений, а твердые соски зовут ко мне, просто умоляя о моих зубах.

Я выпускаю её ноги, и она немедленно пытается отползти назад, но с её нескоординированными движениями далеко отодвинуться у нее не получается.

Я нахожу её бесполезные попытки забавными и открыто ухмыляюсь в её лицо, на котором выражение паники. Что бы она не увидела в моих глазах, это только еще сильнее пугает её, и она разворачивается на четвереньках в стремлении подняться с пола.

Движение лишь представляет мне её упругую задницу, и похоть немедленно переполняет мои вены. Её киска может быть гладкой и непривлекательной, но её задница просто просится быть наполненной.

Алек может потребовать доказательства нашего траха, но он не сможет определить, какую именно дырку я заставил кровоточить.

Я чувствую, как улыбка растягивается на моем лице, и как только девчонка вскакивает на ноги, я атакую.

Спустя секунду, она находится в положении лицом вниз на кровати, её руки сжаты за её спиной одной моей рукой, в то время как другой я быстро расстегиваю молнию на своих брюках.

Её ноги бесполезно извиваются, стараясь оттолкнуть, неспособные найти силу или цель для удара, и я сильнее зажимаю их между моими бёдрами.

Мой член вырывается наружу и нацеливается прямо на колечко тугих мышц между ее ягодицами. Он нетерпеливо пульсирует от каждого приглушенного крика и хныканья, которые поглощает матрас.

Как только я пристраиваю свою длину между её упругими ягодицами и слышу её умоляющие всхлипы, дверь моей спальни сотрясает стук.

Я игнорирую его, решая проникнуть в её нетронутое тело.

— Коул! Открой грёбаную дверь. Алек Крэйвен направляется сюда.

11

В один момент я так сильно прижата к кровати, что с трудом могу вздохнуть полной грудью, в следующий — я одна.

В одну секунду мои руки крепко прижаты к спине, ноги зажаты мускулистыми бедрами, жар его тела обволакивает мою плоть, в следующую — мне холодно.

В одно мгновение мои ягодицы сжаты из-за вторжения его стального члена, почти вошедшего в моё тело, в следующее — вся моя сверхчувствительная кожа ощущает лишь холодный воздух.

Мой разум в смятении из-за всех ощущений, которым я сопротивляюсь, моё сердце практически выскакивает из груди, а мои конечности дрожат, как осенние листья, готовые упасть с деревьев от небольшого порыва ветра.

Я одна.

В темноте.

Я слышу приглушенные проклятия из-за двери спальни. Люк прокричал предупреждение, что прибыл мой отец.

Я застываю от рёва, выпущенного Коулом, прежде чем он убрал свой толстый член от моего напряженного колечка мышц и с возмущением покинул комнату, выключая весь свет на своём пути и оставляя меня дрожать от холода во тьме.

Не услышав ни слова предупреждения или угрозы о возвращении, я остаюсь только в тишине и окружении черной ночи.

В течение долгих минут я лежу, жду и прислушиваюсь, ожидая вызова на показ свидетельства нашей брачной ночи. Чтобы представить доказательство моего совращения, для того, чтобы показать моему отцу-деспоту, что его воли подчинились: его желание выполнено и его даром основательно воспользовались. Но никто так и не пришел.

Я лежу, пока хаотичные мысли крутятся в моей голове, подобно мыльной пене после мытья грязной посуды, убегающей вниз по сливу. Я не могу сформулировать план, у меня нет возможности сбежать и в течение краткой, блаженной секунды, я позволяю себе сдаться. Принять всё, что ни уготовано мне, какие бы ужасы не принесло будущее, в борьбе нет никакого смысла.

Покой сопровождает это принятие. Сладкий, небесный покой.

Сознание возвращается медленно.

Моя реальность тихо проникает в затуманенный сном разум.

Моё свернутое калачиком тело раскинулось на свежих простынях. Мои мысли вялые, как и мои растянутые мышцы. Я резко тянусь, прежде чем удовлетворенно опускаюсь, как кошка, потягивающая своё тело в солнечном свете открытого окна.

Моргаю, открывая глаза, взгляд ловит широко распахнутые тяжелые шторы, позволяющее жгучему утреннему солнечному свету заливать до этого тёмную комнату.

Белые простыни опутывают меня, мои руки обвиты мягкостью шелка, а под головой мягкая подушка.

Даже при ярком свете тишина окружает меня, но я знаю, что он здесь, я чувствую его присутствие так же, как чувствую теплоту солнца.

— Папочка шлет тебе свой привет.

Я резко подскакиваю вертикально от пронзительного звука его голоса, глубокого, властного, но резко ломающего тишину и жалящего мои уши. Я разрываюсь между желанием закрыть их руками или спрятать обнаженное тело под простыней.

Мои все еще сонные глаза встречают его пристальный взгляд, пока он сидит и наблюдает за мной из того самого кресла, которое являлось его тронem вчера ночью. Его локти опираются на бедра, тело наклонено вперед, а его глаза оценивают моё лицо.

— Мой отец здесь? — мой голос першит как ото сна, так и от криков, которые он вызвал у меня раньше, прежде чем нас потревожили вчерашней ночью. Я мягко прочищаю своё горло, в то время как отодвигаюсь дальше вверх по кровати до тех пор, пока моя спина не наткнется на изголовье.

Его губы поджимаются в отвращении.

— Нет, дражайший папочка не соизволил почтить нас своим присутствием вчера ночью, он прислал приспешника — проверить, что я выполнил свои супружеские обязанности.

Мои брови хмуриться от замешательства, и я открываю свой рот, чтобы спросить, кого именно, но он продолжает:

— Так что я отослал Гранта назад к нему с доказательством того, что меня прервали.

То, как он назвал имя Гранта, заставляет побежать мурашки по моим обнаженным рукам.

— Ккк... каким доказательством?

— Кровь. Много, много крови, но не той, что Король Алек ожидал.

Он разрывает контакт глаз и переводит взгляд в окно:

— Какой стыд. Я даже наполовину не наслаждался незапланированным убийством так, как мог, но всякое бывает, — его глаза вновь возвращаются к моим. — Скажи мне, принцесса. Ты будешь оплакивать его?

Мой желудок ёкает в смятении и панике, эти чувства сплелись между собой.

— К-к-кого?

Я ненавижу то, что я заикаюсь, показывая мою тревогу.

— Его. Мужчину, у которого были твои фотографии в телефоне.

Мой желудок чуть ли не падает на пол. Чувство, похоже на езду на американских горках, когда поезд сходит с рельсов.

— Ккк... какие фотографии?

Он улыбается. Ярko, но с пронзительным злорадством.

— Ну же, принцесса. Ты знаешь, о каких фотографиях я говорю. Хорошо... ты должны помнить некоторые из них, на тех, на которых ты бодрствовала и смотрела непосредственно в камеру. Другие... — он пожимает плечами. — Хотя, я понимаю, почему ты могла забыть, или, возможно, ты недостаточно была в себе, чтобы запомнить, — он делает паузу на секунду, по-видимому, размышляя о чём-то. — Он действительно думал, что у него есть талант художника, не так ли? Я имею в виду, некоторые из тех поз были довольно-таки экстремальны, но... были в крайней степени симпатичны, но... — Коул наклоняется вперед с проблеском отвращения и едва сдержанной похоти в своих глазах, — ...по крайней мере, я теперь знаю, что моя жена гибкая. Ох, и развлечения нам предстоят.

В этот момент мой желудок восстает со скоростью ракеты, и сухие позывы сковывают моё тело, пока я борюсь с тем, чтобы не испачкать белые простыни своей рвотой.

У него ко мне нет жалости, он просто использует этот момент, чтобы напасть на меня, словно хищник. Коул вскакивает со своего места и хватает мои волосы в свой кулак, оттягивая мою голову назад так сильно, что я задыхаюсь желчью в моём горле.

— Он трахал тебя, принцесса? Он взял то, что обещано мне?

Я со страхом открываю глаза, которые встречаются с его взглядом, там с каждой секундой все быстрее распространяется тьма. Ледяная голубая радужная оболочка его глаз практически поглощена темными зрачками.

— Он засовывал свой грязный член в любую из твоих дырок? Самое время, чтобы признаться, потому что я скоро выясню это, и если ты солжешь...

Кожу головы жалит от боли, шея выгнута под неудобным углом и немеет. Не то чтобы у меня было достаточно слов, чтобы сформулировать ответ. Его глаза быстро смягчаются, пока он всматривается в мои, ища ответ там, игнорируя влажность на моих ресницах, которая проливается и дорожками скатывается по моим щекам.

— Ты не должна отвечать, принцесса. Я сохранил его член для тебя в качестве свадебного подарка. Остальное я отослал назад твоему отцу, вместе с одной или двумя из наиболее тошнотворных фотографий. Это — позор, что я не могу быть там, чтобы увидеть момент, когда он станет свидетелем предательства Гранта или той женщины, которая ему помогала. Его личная помощница, верно? Теперь мы должны только выяснить, была ли ты соучастницей непочтительного отношения к своему отцу или ко мне, или же я был прав, оторвав яйца Гранта, прежде чем выпотрошить его.

О. Мой. Бог.

Он убил его.

Он убил моего мучителя, но также и человека, который, как я надеялась, будет моим спасителем.

Я знала, как Грант навязчиво одержим побегом со мной. Я подвергалась воздействию его развращенности с самого детства. Несмотря на фотографии, несмотря на нежелательные прикосновения, к которым он вынуждал меня, он сумел остановить себя и никогда не брал меня. Какая-то часть его здравомыслия отдавала себе отчет в том, что полное взятие моей невинности будет его смертным приговором.

Я страдала в его руках в течение многих лет.

Я потеряла счет обжигающе-горячим ваннам, которые я приняла, чтобы смыть следы его прикосновений и спермы с моей кожи.

Но я могла бы использовать его.

Он был моим единственным шансом избежать этого ада, и он бы рискнул всем, если бы я просила его прийти и спасти меня; если бы пообещала ему мир и если бы сказала, что он сможет обладать мной.

А затем, когда я освободилась бы от этой жизни, я собиралась прикончить ублюдка. Я собиралась наблюдать, как кровь моего спасителя течет по кончикам моих пальцев. Я собиралась искупаться в ней, позволяя таким образом запятнать мою душу, чтобы затем освободить себя.

Освободить меня от этих цепей, этой проклятой жизни, которую я только и знала с тех пор, как потеряла свою мать.

Теперь у меня ничего не осталось.

Годы насилия в его руках, и у меня ничего нет.

Я все ещё зверушка для ещё одного монстра, только на этот раз без надежды на спасение.

— Если ты видел фотографии, то ты знаешь, что это не было моим выбором. Я была ребенком. Дети не выбирают насилие.

На этот раз мой голос звучит уверенно и не предает меня хрипом и взрывом эмоций.

По многим причинам я рада, что ублюдок сдох.

Я опустошена от того, что моя надежда была абсолютно переплетена с его жизнью. Поэтому моя надежда тоже умерла. Но всё же, я рада, что он страдал. Мои чувства ведут войну. Смерть Гранта должна быть причиной для празднования, но не тогда, когда его последний вздох отобрал у меня любой шанс на свободу.

Ледяные голубые глаза встречаются с моими с такой интенсивностью, что заставляют меня дрожать.

— Ты права, принцесса. Дети священны, их невинность заслуживает защиты. Даже такой монстр, как я, — тот, кто берет всё, что он хочет, кто убивает без раскаяния и кто наслаждается, причиняя боль, имеет пределы. Дети — это мой жесткий предел. Те, кто охотятся на них, не монстры, они — отбросы, сосущие паразиты, для кого нет места на этой земле.

Мои глаза закрываются, скрывая от меня его напряженный взгляд, слыша, как пыл его слов охлаждается на его языке. Он не специально поделился так многим, он не хотел разделять эти мысли со мной, но сделал это.

С большим количеством силы, чем необходимо, он разжимает свою хватку и отбрасывает меня. Я падаю на кровать и отчаянно хватаю простынь, чтобы ещё раз прикрыть свою кожу, всё это время наблюдая, как он шагает через всю комнату, чтобы посмотреть на солнечный свет.

Изображение его купающегося в теплоте солнца — прямое противоречие тому, кем Коул является в действительности.

Его лицо — мягкие линии и теплая красота. Солнце проходит через его золотистые волосы, создавая ореол света, что должен быть достоин лишь ангелов.

Не дьяволов.

И если бы не мой дар, я бы не осознала резкий смердящий дым, охватывающий всего его, практически затмевая лучи солнца.

Я зачаровано наблюдаю за противоречием Коула Хантера.

Зло, заключенное в красоту, настолько интенсивное, что крадет твоё дыхание.

— Оденься, Фей. Надо много чего сделать сегодня утром, и я устал нянчиться с тобой.

Он бросает свои слова в меня, как острые ножи, но всё это время он продолжает пялиться в окно.

Я хочу послушаться, остаться там, откуда я смогу увидеть, как далеко смогу подтолкнуть его, но реальность такова, я — обнажена, только простынь обёрнута вокруг моего тела. Проигнорировать шанс одеться и, вероятно, находиться вдали от его присутствия — это явная глупость ради неповиновения.

Так что я медленно слезаю с кровати и сильнее оборачиваю простынь вокруг моих груди, слегка спотыкаясь, когда длинный хвост хлопка обматывается вокруг моих ног.

— У меня нет одежды, кроме свадебного платья.

Его глаза на короткий миг пересекаются с моими, когда он отвечает:

— Шкаф полностью укомплектован. Иди и вымой себя, я вернусь за тобой через пятнадцать минут, — затем без дальнейших инструкций он выходит из комнаты и закрывает за собой дверь.

Я смотрю на закрытую дверь в течение нескольких минут, затем подхожу к большим французским окнам и принимаю ту же позицию, что и мой муж несколько минут назад.

Я смотрю на ландшафтный сад внизу, но меня не поражает его очарование, как должно было бы быть, поскольку все мои мысли о красивом мужчине, который только что покинул эту комнату.

Он только что показал мне часть себя, что нашла отклик где-то глубоко во мне.

Да, я права, что боюсь его, и я знаю, что не испытала даже толику того, что произойдёт в будущем, но я также хочу лучше узнать его, лучше, чем когда мы разговариваем о болезненных истинах.

Где-то внутри всей его тьмы — свет. Я только видела, как на кратчайший миг он взял над ним верх, но он был там.

Искра.

Искра, которую я хочу разжечь, чтобы выжить.

С головой, полной мыслью, и сердцем, бьющимся с самыми крошечными крупицами надежды, я быстро направляюсь к огромной гардеробной и выбираю скромное синее платье, которое прикрывает большую часть моего тела. Затем я мчусь в душ, не ожидая, пока вода нагреется, и начинаю смывать с себя последние двадцать четыре часа.

У меня есть план.

Я буду подчиняться.

Я буду вести себя так, что эта вспышка света покажет себя снова, а затем я буду использовать всё, что у меня есть, чтобы разжечь и превратить это пятнышко пламени в пылающий костер.

Я не тьма, но я была достаточно ею окружена, чтобы знать, как использовать её. Я возьму всё, что мой муж скупно отдаст, но я буду той, кто останется стоять, когда пламя поглотит его.

12

— Она пролила кровь для тебя, братец? Теперь моя очередь вкусить плоть Крэйвена между моих зубов?

Люк сидит с обнаженной грудью, мокрый после своего раннего утреннего заплыва. Мой

брат любит режим. Он никогда не отклоняется от своего расписания ранних утренних разминок, так что я точно знал, где его найти, чтобы проинформировать о сегодняшних планах.

— Она не одна из наших шлюх, брат. Она — моя жена. И то, что я делаю с моей женой, — моё дело. Мы не будем её разделять.

На краткий миг его рот широко раскрывается — реакция, которая кажется странной из-за постоянного защитного фасада, которым так тщательно окружает себя мой брат. Я никогда не был собственником из-за женщины, они ничего не значат для меня, но я знаю, что мои слова будут приняты, как незначительное противостояние, и что мы всегда всё разделяли. Мы настолько близки, насколько могут быть два родных брата, несмотря на то, что мы так не похожи друг на друга. Это наша тьма соединяет нас, наша нерушимая цель уничтожить тех, кто обидел нас.

— Так что, наши планы меняются, чтобы позволить тебе поиграть в счастливую семью? Ты влюбился в одержимые глаза девчонки Крэйвена?

Я даже не осознаю, что двигаюсь, пока не прижимаю Люка к стене за горло, его ступни шаркают по полу, пробуя удержать равновесие.

— Полегче, брат. Мне не нравится твой тон.

Его глаза прищурены, но из его тела как будто вышел весь воздух, но я знаю, что это только ложное спокойствие, это — его привилегированный метод нападения. Напускное спокойствие, а затем — удар.

Я медленно опускаю его на пол, продолжая говорить, ни разу не отведя своих глаз от него.

— Нет никакой необходимости для нас дойти до драки из-за этого, Люк. Мы оба хотим одну и ту же вещь, но сейчас девочка вне игры. Она — залог, но не будет активно использоваться в нашем деле. Удали её из уравнения, она не представляет никакого значения для тебя или кого-то ещё, и не будет тронута никем, кроме меня.

Его глаза вспыхивают от ярости, и я могу видеть, как он физически кусает внутреннюю сторону своей щеки, чтобы удержать себя от ответа.

— В том случае, если я устану от неё, ты сможешь делать всё, что пожелаешь, но, по крайней мере, пока, она моя.

Я убираю напряжённую хватку своей руки с его горла и медленно отхожу назад. Я не хочу бороться с моим братом из-за этого, из-за неё, и я даже себе не могу объяснить свои действия, но я понимаю, что готов пролить кровь моей родни, чтобы доказать серьёзность моих намерений.

Тишина нависает осязаемой тяжестью между нами, прежде чем его лицо превращается в обычную приятную маску.

— Как пожелаешь, брат. Я удостоверюсь, что всё, что запланировано на сегодня, не сорвётся, и встречу с тобой здесь позже, как и планировалось.

Как будто ничего не произошло между нами, он уходит в дом.

Я только подогрел его интерес к Фей, повысил его желание к ней в десятикратном размере. Я пробудил его зверя, отказав ему в её теле, и все это без серьёзного основания.

Она сопротивлялась слезам, когда я наехал на неё из-за того извращенного насилия, и когда я заглянул в её глаза, то увидел чистую невинность, но эти факты не должны ничего значить, когда моя цель — сломать дочь Алека Крэйвена.

«Тогда почему такая реакция на требование Люка? Почему я прогневил моего брата,

чтобы спасти девчонку, которую я имею полное право разорвать на части? И почему я всё ещё пульсирую от потребности уничтожить её?»

Я хочу насладиться её плотью и носить её невинную душу, как вторую кожу.

Только вот я не желаю, чтобы кто-то ещё её испробовал.

13

Коул не вернулся за мной.

Когда сработал звуковой сигнал разблокировки замка двери, это был Люк, переступающий порог.

Его глаза встречаются с моими и осматривают меня с ног до головы и обратно.

— Очень мило, миссис Хантер. Синий идет вам.

Его слова приятны, но они произнесены без теплоты. Он кажется скучающим и немного раздраженным от того, что ещё раз выступает лакеем своего брата.

Подходя ко мне, он протягивает мне руку.

— Позвольте нам откланяться. Сегодня — день больших признаний, ваш муж желает, чтобы ты увидела из первых рук, что представляет собой быть Хантер, теперь, когда ты больше не Крэйвен.

Вспоминая его предупреждение о повиновении, которое прозвучало вчера после того, как меня выбросили из машины, я кладу свою влажную руку в его прохладную и встаю со своего места на краешке кровати.

Его глаза скользят по моему телу ещё раз и, несмотря на его беспечное поведение, я не могу пропустить вспышку похоти, что вырывается из его ауры оттенками ярко красного. Это первая истина, которую я прочла в Люке, и я не уверена, что мне делать с этим. Как узнать — хочет ли он помочь мне в моей ситуации?

«Он хочет меня».

Внезапная дрожь сокрушает моё тело.

— Нет никакой необходимости бояться меня, зверушка, — уголок его рта приподнимается с одной стороны, когда он выражает неодобрение, отводя глаза в сторону от меня. — Я не заинтересован в причинении боли тебе.

«Ложь».

Я могу чувствовать ложь также хорошо, как и вижу её.

Я опускаю глаза и концентрируюсь на своих шагах, пока он выводит нас из спальни, дальше через коридор и вниз по величественной лестнице. На верхней ступеньке Люк кладет свою руку ниже моей спины, и видение поражает меня с силой удара кулака по почкам.

Я сгибаюсь, теряя ощущение пола под моими ногами, но дело не в неизбежности резкого падения вниз по лестнице, а в том, что я вижу перед собой — два юных мальчика, один темный, другой светлый.

— Но почему мамочка не идет с нами? Коул, я хочу вернуться к мамочке.

Старший мальчик с золотисто белокурыми волосами сильно вцепился своей рукой в руку младшего темноволосого брата и быстро уводит его подальше от открытого дверного проема.

— Мамочка ушла, Люк. Она ушла, и я позабочусь о тебе, теперь только ты и я.

Темноволосый мальчик борется и незаметно вытаскивает руку из хватки брата, быстро бросаясь назад к двери.

— Она не ушла, она в кровати. Мамочка! Мамочка! Коул сказал...

Его слова резко обрываются на половине, когда он заворачивает за угол комнаты, золотоволосый мальчик следует за ним по пятам.

— Люк не надо! Остановись! — но маленький мальчик не слушает, и моё сердцебиение увеличивается в неистовой барабанной дробь, в то время как я следую за ними обоими через открытую дверь.

Вид за дверью так не похож на всё, чему я когда-либо была свидетельницей, и я чувствую, как моё тело сотрясается от шока, все мои собственные функции тела терпят бедствие.

Передо мной темноволосый мальчик стоит на коленях на полу, его руки цепляются за ногу женщины — красивой блондинки.

Её обнаженные ноги в нескольких дюймах от пола, её тело приколото к дальней стене пятью длинными кинжалами. По одному, пронзающему каждое плечо, по одному в каждом бедре и один прямо в животе. Она обнажена, её тело покрывают реки крови, которые словно накрывают её кровавым плащом. Красная кровь капает с пальчиков её ног, её поза практически подобна позе распятого Иисуса, её лицо — маска безмятежности. Ледяные голубые глаза пристально смотрят в небытие, но, несмотря на ужас, они, кажется, обрели покой. Её лицо практически совершенно.

«Как кто-то мог найти покой в такой смерти, как эта?»

Темноволосый мальчик хнычет, пока более взрослый мальчик наблюдает. Он смотрит на сцену перед ним в течение долгого времени, прежде чем его голова быстро оборачивается к открытой двери так, как будто он почувствовал меня позади себя, но его пристальный взгляд проходит сквозь мое тело.

Я осознаю его черты, от его ледяных голубых глаз до полных губ, и понимаю, что я смотрю на молодой образ моего мужа. Я хочу потянуться и прикоснуться к его невинному лицу. Я хочу сжать этих мальчиков в своих руках и забрать их подальше отсюда. Вместо этого, я наблюдаю за молодым Коулом, в то время как он колеблется вдалеке и в независимости от момента, в котором он потерялся, он бежит к своему младшему брату.

— Ну же, Люк. Мы должны уйти, прежде чем отец найдет нас здесь, — я наблюдаю, как он больше ни разу не взглянул на тело своей матери, его пристальный взгляд сосредоточен на маленьком мальчике, присевшем у неё в ногах.

Люк тихо хнычет в ответ, с его маленьких губ слетают слова.

— Не бросай нас, мамочка. Возвращайся, мамочка.

Звук голосов доносится откуда-то неподалёку. Звук шагов раздаётся всё ближе.

Я вижу панику в глазах Коула, он не хочет быть пойманным здесь, и он более решительно тащит своего младшего брата, но меньший мальчик отказывается уходить, и его хныканье превращается в полномасштабные рыдания.

Моё сердце болит за них.

Оно болит из-за маленького мальчика, трагически цепляющегося за мертвое тело своей матери, умоляя её вернуться, и сжимается от наблюдения явного ужаса, отражающегося на лице юного Коула.

Всё это время их любимая мать смотрит на них свысока невидящими глазами, в то время как темно-красная кровь капает с кончиков пальцев её рук, которые никогда снова не подарят им успокоение.

— Люк, мы должны идти. Сейчас!

Голоса становятся громче, пока они практически не достигают дверей. Я хочу спрятаться, хочу заблокировать это видение и то, что бы не следовало за ним. Я эгоистично не хочу больше ничего видеть из событий, которые превратили этих маленьких мальчиков в монстров.

Коул застывает, его тело в защитном жесте оборачивается вокруг Люка, полностью закрывая более младшего мальчика от происходящего.

Звук голосов становится громче, и я могу почувствовать их владельцев, пока они не оказываются прямо позади меня. Я не поворачиваюсь, я не хочу видеть, кто это, ленты их аур, ползущие по полу и между моими ногами, сообщают мне достаточно.

— Коул. Что я говорил тебе? Встань, СЕЙЧАС ЖЕ! — голос раздается прямо позади меня.

Коул не двигается. Он даже не поворачивает свою голову, чтобы подтвердить команду, он полностью сфокусирован на маленьком мальчике, которого так отчаянно пытается скрыть.

— Коул. Не заставляй меня идти за тобой. Встань, бл*дь, мальчишка, и прекрати валяться на полу в ногах этой шлюхи.

Однако Коул даже не вздрагивает, и я прошу его встать, повиноваться тому, кто бы не прокричал эти команды.

— Приведите мальчишку, — приказывает голос, и я ощущаю другое присутствие в комнате, и оно направилось прямо сквозь мою мысленную форму.

Мужчина с лысой головой, одетый в темный костюм, но я пока не могу разглядеть его черты. Он идет прямо туда, где неподвижно присел Коул, и хватается мальчика рукой, низко склоняясь, чтобы прошептать что-то в его ухо.

— Не успокаивай сосунка, ПРИВЕДИ ЕГО! — тьма сгущается вокруг моих ног, когда шаги другого мужчины следуют дальше по комнате, если б у меня была материальная форма, он был бы вровень с моей спиной. Я могу ощущать злую пульсацию его тела, практически как сердцебиение.

Лысый человек сжимает свою хватку и одним движением тянет теперь извивающегося Коула подальше от печальной картины, простирающейся перед ним.

Коул изо всех сил пытается вырваться, но он не ровня взрослому мужчине, и скоро мальчик оказывается на полу справа от меня и в нескольких дюймах от мужчины за моей спиной. Я смотрю, избегая победенной позы и склонившейся головы маленького Коула, на стену и кровавую демонстрацию убийства его матери.

В том же положении, что он был и мгновение назад — Люк по-прежнему прижимается к её ногам, его голова вжимается в ее тело, его хныканье начинается заново.

Снисходительный смех раздается позади меня:

— А, вижу, ты защищал убогого щенка, — шаги, раздающиеся все ближе, наконец, приводят мужчину в поле моего зрения. Он невероятно высок, с поразительными черными как уголь волосами, а его профиль кажется знакомым.

— Турок, возьми маленькое отродье и отведи его в подвал вместе с его шлюхой матерью. Если он хочет быть с ней так сильно, то он может провести некоторое время один-на-один с её гниющим трупом.

— Нет!

Худое тело Коула бросается на более высокого человека и застигает того врасплох силой борьбы, что они оба падают на пол. Его маленькие кулаки неустанно бьют в грудь

мужчины, его голова молотит из стороны в сторону, ноги наносят удары — но так и не попадают в свою цель.

Всё, что нужно, — один быстрый и зверский удар в голову мальчика, и борьба останавливается. Обмякшее тело Коула отброшено в сторону, и кровь сочиться из его носа.

— *баный неблагодарный ублюдок. Как мне, блдъ, покончить с двумя этими трусами — сыновьями этой шлюхи?* Если бы не ДНК-тест, я бы поклялся, что в них нет и унции крови Хантеров в венах, — он поднимается с пола и пинает скрюченное тело ребенка, которого он только что хладнокровно вырубил.

— Брось и этого в подвал с братом и матерью, я уверен, что мои сыновья в скором времени обретут свой дух Хантеров, когда холод, голод и вонь от её гниющей плоти будут единственным, что составит им компанию.

— Сэр, вы...

Лысый человек начинает говорить, но затихает от вскинутой руки этого монстра.

— Твои приказы просты, Турок. Забери хлам в подвал и никогда, бл*дь, не задавай мне вопросов.

Турок кивает, его руки всё ещё обхватывают плечи младшего мальчика.

— Да, Сэр. Простите, что заговорил без разрешения.

Удовлетворенный ответом, мужчина поворачивается ко мне и выходит из комнаты. И только тогда, когда я вижу полностью его лицо, на меня обрушивается ясность, окуная меня в печаль.

Я видела его раньше — в своём другом видении.

Он — тот мужчина, которому перерезал плотку молодой белокурый мальчик — юный Коул.

Этот монстр был его отцом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Понимание жалит.

Многочисленные шлепки ладони по моей щеке вырывают меня из сцены, которая испаряется из моей головы, как ранний утренний туман.

— Просыпайся, зверушка. У нас нет сейчас времени для обмороков, и мне бы не хотелось бросать тебя в подвал до тех пор, пока мы не вернёмся. Тебе не понравится там внизу. Поверь мне.

— Ты звучишь как твой отец, — бессвязно бормочу я слова и моргаю, открывая глаза, чтобы встретиться с проникновенным тёмно-кариым пристальным взглядом Люка.

— Что это было, зверушка? Ты гредишь о своём отце? Ладно, позволь открыть тебе секрет, — он наклоняется так, что его губы практически касаются моих, этого достаточно, чтобы мы разделили одно и тоже дыхание. — Я бы не стал тратить время, размышляя о дорогом стареньком папочке. Он достаточно скоро будет съеден червями.

— Хорошо, — слово незаметно проскальзывает с дыханием, но он не отпускает его. В его глазах хитрая вспышка, прежде чем они опасно шуряют. Он не кажется убежденным моим добровольно сказанным признанием и без предупреждения встаёт и поднимает меня на ноги. Его рука неумолимо сжимает кожу предплечья, он наклоняется к моему уху, его голос низкий, но обманчиво спокойный:

— Я не тот, с кем можно играть в игры, зверушка. Будет мудро с твоей стороны запомнить это.

Мои глаза встречаются с его, когда Коул появляется из-за угла и резко останавливается,

улавливая нашу близость.

— А вот и он — герой дня. Новобрачный и готовый показывать своей новой невесте бизнес Хантеров.

Отпуская мою руку, Люк проходит мимо Коула и останавливается только для того, чтобы сказать:

— Ты должен кормить свою зверушку, брат. Она чуть не упала и не сломала себе шею.

Глаза Коула по-прежнему сосредоточены на мне, пока его брат уходит и исчезает из вида. Он возвращается ко мне раздражённый и практически смущенный тем, что не знает, как реагировать на слова брата, прежде чем вздыхает, успокаивая себя, разворачивается на пятках и произносит свою любимую команду.

— Пойдём.

Он не ждет меня, уверенный в моём послушании.

Я с тоской бросаю взгляд на двойные входные двери, затем обратно на широкие плечи моего мужа, который теперь почти в конце длинного коридора.

Я делаю уверенный шаг, мое решение принято.

— Не давай мне повод идти и поймать тебя, Фей. Когда я говорю «пойдем» — ты идёшь. Кроме того, эти двери заперты, попробуй открыть их, если хочешь, тебе не уйти далеко.

Мой взгляд устремляется обратно вниз по коридору, чтобы увидеть ожидающего Коула, по-прежнему стоящего спиной ко мне.

Бросая последний взгляд на двери, я иду в другом направлении и подчиняюсь команде моего мужа — маленькими, тихими шапками.

Он, должно быть, ощущает моё повиновение, поскольку возобновляет движение, а я следую за ним как хорошая зверушка, кем я и являюсь.

За углом огромная профессионально оборудованная кухня, и я вижу, как Коул приказывает двум сотрудницам уйти.

— Сядь.

Эта команда, конечно же, для меня, поскольку мы — единственные оставшиеся люди в комнате.

Я смотрю вокруг на внушительное пространство и иду к большой барной стойке, забираясь на табурет с высокой спинкой, чтобы сесть. Коул не удосуживается проверить, повиновалась ли я, его голова глубоко скрыта за огромным трехдверным холодильником, его тело наклоняется, когда он осматривает продукты питания. От мысли о еде мой живот громко заурчит, звук эхом разносится в тихой комнате.

— Я бы спросил, голодная ли ты, — он ставит разнообразные продукты для завтрака передо мной, затем идет обратно к холодильнику и достает сок и молоко в картонных коробках, — но я слышу, что ты проголодалась.

Я наблюдаю, как он наливает себе по стакану каждого напитка, затем пододвигает коробки ко мне, так и не предложив стакан. «Он ожидает, что я буду пить из картонных коробок?»

Моя рука тянется к ним — мой голод отвергает здравый смысл.

— Я не сказал тебе, что ты уже можешь есть, принцесса.

Моя рука висит над тарелкой с выпечкой: круассан дразнит мой урчащий живот обещанием слоеного великолепия, но как хорошая девочка, которой я натренирована быть, я терпеливо жду.

Я наблюдаю, как он делает глоток молока, прежде чем ставит его передо мной, затем,

используя один палец, подтягивает тарелку выпечки к себе, прежде чем разворачивает пищевую пленку и откусывает большой кусок от круассана, который я собиралась съесть.

Его глаза наблюдают за моим лицом, его губы ухмыляются, когда он слышит, как мой живот протестует ещё раз. Крошки цепляются за его полный рот, его язык высовывается и слизывает их — его глаза всё время неотрывно смотрят в мои. Он открывает свой рот, чтобы откусить ещё раз, и колеблется, переводя взгляд на еду потом снова на меня. С напускным безразличием он кидает остатки круассана на стойку передо мной.

— Теперь ты можешь есть, — его большой палец заталкивает случайные кусочки выпечки в рот, а я смотрю, полностью загипнотизированная тем, как его влажный язык помогает отправлять крошку в рот. Я должна была дать отпор этой унижающей демонстрации власти. Я должна быть обеспокоена тем, что вынуждена ждать объедки, как собака, но я всего лишь потребность, замаскированная под сосуд, состоящий из крови, костей и сухожилий.

Этот мужчина убивает меня желанием.

Больным, извращенным, грязным желанием.

Он приподнимает свою бровь и показывает жестом на свою отвергнутую еду.

— Ешь, принцесса. Мы уезжаем через десять минут.

Затем он уходит.

Оставив меня голодной.

Такой болезненно голодной.

14

— Что, бл*дь, я делаю?

Кормлю её, забочусь о ней, а затем прикрываюсь этой демонстрацией в какой-то жалкой попытке восстановить контроль.

Она пытается влезть в мою голову и трахнуть мой мозг, эти её глаза отрезают меня от моей черной и гнилой сути.

Когда я наблюдал, как Люк прикасался к ней, его рот был практически на её, я почти потерял свой контроль. Я почти пролил кровь моего брата. И из-за чего? Из-за шлюхи Крэйвен?

Я отказываюсь становиться жертвой её хитрости.

В отличие от моего отца.

Его стремление к крови Крэйвенов превратила его в монстра, а его желание киски Крэйвен убило единственного человека, кроме Люка, которого я любил.

Да, я любил.

Мое глупое, молодое сердце глубоко любило, и я наблюдал, как эта любовь была загублена шлюхой Крэйвен.

История не повторит себя.

Она умрет, прежде чем поймает меня в ловушку.

Я не стану моим отцом.

15

Я опять на заднем сиденье автомобиля Коула. Не произнесено никаких слов, не разглашено никаких планов, я сижу и наблюдаю, как кусочек голубого неба преобразовывается в серые здания, как только мы приближаемся к Лондону. Всю поездку

Коул печатает на своём планшете, время от времени используя селекторную связь, чтобы отдавать приказы водителю. Ни разу не взглянув в мою сторону. Я должна быть благодарной за передышку, за шанс обдумать всё, что произошло за последние двадцать четыре часа, и возможность сформулировать план.

Грант мертв, и теперь я должна найти другой выход.

Люк.

Люк — это ключ.

Он хочет меня. Я только должна найти способ заставить его захотеть меня достаточно сильно, чтобы он предал своего брата.

У меня может быть план, но он будет не легким.

Автомобиль останавливается возле известного джентельменского клуба в Мэйфейр. Клуб, принадлежащий «Багряному кресту» и являющийся местом господства моего отца.

— Мой отец не приезжает сюда по понедельникам, — рассеянно произношу я, больше для себя, чем в ожидании ответа, длинные часы дороги усыпили мою бдительность, внушив ложное чувство спокойствия.

Лицо Коула медленно поворачивается ко мне, его рука тянется к двери.

— Мы здесь не для того, чтобы увидеть твоего отца, принцесса. Мы здесь, чтобы сплотить войска, мы здесь, чтобы положить начало перевороту, — он изучает моё лицо, возможно, ожидая моей реакции: это должен быть или шок, или ужас, но он не получит этого от меня. Моё тело кричит на меня, чтобы отпраздновать, но мой разум предупреждает меня, чтобы я оставалась спокойной.

— Хмм, — он даже не старается скрыть удивление от отсутствия у меня реакции. — Возможно, маленькая папочкина девочка скрывает некоторое количество своих собственных тайн, — его свободная рука поднимается и медленно тянется к моему лицу, кончики его пальцев плавно скользят по моей шее, прежде чем он нежно захватывает несколько прядей за моим ухом. — Не волнуйся, принцесса. Ты сможешь разделить со мной все свои тайны позже. Муж и жена не должны никогда ничего утаивать друг от друга, именно поэтому ты здесь. Чтобы явиться свидетелем из первых рук — относительно моих планов для Крэйвен. К концу дня «Багряный крест» будет иметь нового Короля.

Его прикосновение стремительно меняется от нежного до жестокого за один взмах его длинных ресниц, его рука сурово сжимает мой затылок, притягивая мою голову ближе к своему лицу.

— Вопрос в том: будешь ли ты по-прежнему находиться на моей стороне, Королева? — он ещё раз ищет ответ в моем лице, его глаза безжалостные в их попытке донести его образ действия в мою душу. Я позволяю его взгляду заполнить меня, ни разу не моргнув, разрешая ему увидеть в моём безэмоциональном пристальном взгляде то, в чём он так нуждается. Его взгляд меняется и фокусируется немного дольше на моём голубом глазе, его брови хмурятся, в то время как он незначительно наклоняется.

— Твоя радужная оболочка кровоточит, вблизи я бы поклялся, что в форме сердца.

В его тоне не чувствуется отвращение или насмешка над моим несовершенством, он просто констатирует то, что видит.

Возможно, именно поэтому я честно отвечаю:

— Это скорбь по моей матери, они не всегда были такими.

Его голова откидывается назад, как будто мои слова — это физический удар. Его любопытный пристальный взгляд теперь жесткий и непреклонный. Это — правда, мои глаза

изменились после несчастного случая, который забрал мою мать от меня. До того дня я была обычным голубоглазым ребенком. Мои тёмные волосы от моего отца, мои глаза — дар моей любимой матери после её смерти, как подарок того несчастного случая, когда моим новым разноцветным глазам был дарован уникальный дар или проклятие.

— Шлюхи не должны быть оплаканы, — он выплевывает слова в меня так, как если бы они жгли его рот, он словно желает навязать мне их власть.

— Моя мать не была шлюхой.

Я не должна была отвечать, я понимаю это, как только сердитое заявление слетает с моих губ. Я чувствую его незамедлительную реакцию, когда он яростно ударяет моё лицо тыльной стороной своей руки, и я откидываюсь назад, скользя с гладкого кожаного сиденья на пол автомобиля.

Кладя руку на мою пульсирующую щеку, я ослеплена в моём неуклюжем положении, но не желаю отступать, независимо от физической расплаты. Его мертвенно бледный пристальный взгляд соответствует моему.

— Все женщины Крэйвен — шлюхи, жена.

Я хочу ответить и защитить честь моей матери, но его разъяренные глаза предупреждают меня молчать.

Довольный моим подчинением, он открывает дверь автомобиля и выходит на резкий солнечный свет. Он по-прежнему командует, стоя спиной ко мне.

— Пойдём, жена. Позволь мне показать моим людям мой новый приз.

Мое неповиновение не даст мне ничего, так что я поднимаюсь с пола и практически вываливаюсь из открытой автомобильной двери на неустойчивых ногах. Я знаю это место, я знаю о людях, приходящих сюда: аристократы, миллиардеры, финансовые магнаты, члены парламента, все богатые и знаменитые. Все они состоят в «Багряном кресте» — могущественном тайном обществе, которое управляет Англией сотни лет. Более влиятельное, чем любой монарх или премьер-министр, «Багряный крест» провоцировал войны, террористические атаки и даже голод. Обеспечивая всемирный охват своими щупальцами, переплетенными по всей западной мировой иерархии. А во главе этого учреждения всегда были — Крэйвены и Хантеры. Две всемогущие семьи, которые вершат судьбы, разрушают жизни и поглощают тех, кто слабее, чем они сами.

Я поднимаю взгляд на величественный фасад и вижу тоже, что и остальная часть мира: богатство, престиж и эксклюзивность. Красивый фасад этого архитектурного ошеломляющего здания, источающего благородный воздух и умно маскирующий зло, затаившееся в его недрах.

Женщины здесь в качестве домашних животных, не допускающихся за стены. Я знаю, что попадаю в эту категорию из-за моего мужа, я глубоко убеждена, что он выставит меня как свою зверушку, что в дальнейшем будет способствовать обеспечению его имиджа, как человека, которого не следует обманывать ни при каких обстоятельствах. Мужчина, который осмелился выставить дочь Алека Крэйвена напоказ как игрушку. Только то, что большинство людей будут не в состоянии осознать, что я — дочь своего отца только лишь на словах. Я — товар, что стал достоин обмена только для его выгоды. Между нами нет никакой любви, никакой родительской защиты, предоставляемой мне. Единственная причина, по которой я осталась сравнительно нетронутой, — он берёт меня как подарок. Награда для того, кого он посчитает пригодным, и он посчитал мужчину передо мной таким человеком. Какая ирония, что затем этот же самый человек замыслил смерть Алека Крэйвена.

— Пойдём.

Рука Коула тянется ко мне, но он не напрягает себя необходимостью оглянуться назад. Он уверен, что я подчинюсь, он знает, что мне некуда бежать.

Я кладу свою влажную руку в его, и он сильно хватает её, таща меня позади себя. Его длинные шаги стремительно сокращают расстояние тротуара, и вскоре мы стоим перед изящно вырезанной дверью Империи.

Никакого охранника перед дверью, защищающего вход, — безопасность внутри здания достаточно высока для членов клуба, чтобы не волноваться о любой попытке проникновения. Всё, что требуется для получения доступа, — ваш отпечаток пальца. Простое прикосновение большого пальца Коула к осторожно скрытому сканеру, и двери щелкают, открываясь с тихим гудением.

Опять я тащусь позади моего мужа, дверь широко открывается и позволяет нам зайти в вестибюль. Темная, тускло освещенная область без окон и никаких очевидных дверных проёмов.

Солнечный свет испаряется с закрытием дверей позади меня, и красный свет освещает маленькое пространство.

— Пароль: Коул Хантер, — голос моего мужа ясен и краток, пока он произносит своё имя и пароль. Краткая пауза, прежде чем другой низкий гул предупреждает меня об открытии стены перед нами.

Мрачный коридор со встроенным светом, который отбрасывает злое свечение на полированные деревянные полы, ведущий к ещё одной двери. На этот раз, я вижу, как Коул помещает свой указательный палец на панель, и как только дверь щелкает, открываясь, я вижу, что он посасывает кончик между своими губами.

Кровь.

Конечно, кровь будет заключительным ключом в это место.

«Багряный крест» процветает на ней.

Он толкает последнюю дверь, открывая, и мы входим в роскошную приёмную. Консьерж представляет собой хорошо вооруженного мужчину, который сидит за высоким витиевато украшенным дубовым столом, контролируя камеры безопасности. Он кивает Коулу, а затем возвращается к своим обязанностям. Мои глаза жадно поглощают детали, пробегаясь по каждому открывающемуся взору дюйму, жаждущие знаний о том, что же скрывают эти стены. Слишком быстро Коул тащит меня глубже в Империю — в недра общества, порожденного жадностью.

Вводя меня через темные деревянные двери с матовыми стеклами, приводящими нас в большую, роскошную комнату, заполненную гобеленами, деревянными панелями и тяжелым запахом дыма сигар и ликера. Ниже антикварный Честерфилд (Прим. стиль английской мебели — диванов и кресел) в оттенках изумрудной зелени и бордовой кожи, расставленных вокруг столов Чиппендейл (Прим. стиль английской мебели). Мужчины всех форм и размеров развалились на местах, многие просто читают газеты или увлечены беседой, гораздо большее количество смеётся и грубо хохочет, пока как худые голые девушки стоят на коленях у их ног, воротники впиваются в их шеи, их кожа тонкая, как бумага, и многие из них украшены следами пыток.

Все глаза поворачиваются, чтобы посмотреть на нас, Коул указывает простым кивком на дальний зал, где он ожидает их.

Примерно дюжина мужчин поднимается со своих мест. Те, кто с рабами, оставляют их

со склоненными головами, без инструкций следовать за ними.

Я живо иду позади Коула, но поворачиваю свою голову, чтобы посмотреть на отвергнутых девушек, задаваясь вопросом: находят ли они моменты спокойствия в этих кратких моментах свободы от своих Хозяев или же они теперь вообще ничего не чувствуют? Их воля сломлена, их разумы уже давным-давно разрушены?

Резкий рывок моей руки сотрясает мои суставы и принуждает меня развернуть свою голову вперед, требует мой уступчивости, и я пытаюсь вытолкнуть изображение этих девушек из моей головы. Я задаюсь вопросом: сколько матерей оплакивает потерю своих дочерей и сколько из этих дочерей никогда не вернутся домой.

Коул тащит меня через другую дверь, вниз по короткому коридору — в большой просторный зал для переговоров. Он шагает в самый дальний конец, бросает мою руку и выдвигает кресло во главе большого стола для переговоров. Я смотрю на другие места и кладу свою руку на спинку одного из них слева от него, мои пальцы впиваются в ткань, готовые выдвинуть его из-за стола.

Его рука ложится на моё предплечье и сжимает, я поворачиваю голову, чтобы быть лицом к нему.

— Ты не сядешь, принцесса. Ты встанешь на колени.

Он указывает жестом на пол у своих ног, пока сам усаживается и вытягивает свои длинные ноги перед собой.

Я слышу, как мужчины проходят в комнату позади меня, мягкие скрипы кресел по отполированному деревянному полу, и знание того, что мы не одни, заставляет меня колебаться.

Это колебание не пройдет мне даром.

Длинные ноги, прежде растянутые передо мной, резко выпрямляются, и Коул атакует со своего кресла, мускулы напрягаются и растягиваются под его пиджаком. Прежде чем мои глаза встречаются с его, и прежде чем удар его жесткого движения выбивает меня из моих мыслей, мои длинные волосы схвачены в кулак, и я вынуждена встать на колени.

С острой болью от рывка кожи моей головы и с синяками от глухого удара моих колен об пол, я поставлена в позицию, которую он желает, чтобы я приняла, — на его стороне, на полу, глаза опущены, подбородок прижат к груди.

— Останься, принцесса. Позволь этим прекрасным людям смотреть, как ты поклоняешься в моих ногах, — он наклоняется ближе, его рот у моего уха, его губы ласкают мочку. — Подчинись, или я заставлю тебя сосать мой член, пока ты будешь слушать детали гибели своего отца.

Сильная дрожь пробегает через меня, и я не могу быть уверена, является ли она от возбуждения или от оскорбления.

Я желаю смерти моего отца.

Я видела и испытала из первых рук все уровни его развращенности. Вместе с этим, моя извращенная потребность в моем муже и любом виде его прикосновений только служит для того, чтобы усилить мои чувства. Большая часть меня умоляет воспользоваться шансом и взять его в рот, наблюдать, как мой язык и губы украдут немного его контроля, выпить залпом его сперму и позволить ему и дальше порочить мою душу.

— Тебе нравится, как это звучит, принцесса? Ты хочешь подавиться моим членом и позволить этим мужчинам наблюдать, как твоя слюна перемешается с моей спермой и потечет по твоему подбородку?

«Да».

Я хочу это. Принятие желания этого мужчины окатывает меня с ног о головы, словно ведро холодной воды.

Я так же развращена, как и мой отец.

Так же больна разумом и душой.

Моя мать бы рыдала, если б могла видеть меня сейчас.

Я не беспокоюсь об ответе ему. Он может ощущать мое возбуждение, и я чувствую, как он насыщается моей извращенной нуждой.

Он выпрямляется и самодовольно смеется, чтобы все услышали.

— Джентльмены, давайте сделаем это быстро. Моя новая жена «голодна», и я жажду дать вкусить ей ее «блюдо».

Приглушенные смешки вспыхивают вокруг нас, но я воздерживаюсь от взгляда на их лица. Здравая часть моего мозга управляет моими действиями на этот раз.

Он продолжает:

— Дело было сделано, соглашение в силе?

Тихие голоса отвечают из-за стола:

— Да, как договаривались. Каждый член Пирамиды дал своё полное одобрение. Алек изменил «Багряный крест» до неузнаваемости, и он больше не служит на пользу общества. Впервые в нашей истории мы согласны, что пришло время отрезать нашу голову. Все лидеры Пирамиды полностью поддерживают ваше предложение лидерства.

Вокруг все затихает. Я слышала упоминание о Пирамиде раньше. Они — главы «Багряного креста» — люди, которые управляют этим обществом наряду с моим отцом, его якобы самые преданные сторонники.

— Хорошо. Тогда всё будет сделано. И он мой?

Другой голос отвечает моему мужу — мужчина сидит ближе, но с другой стороны комнаты.

— Да. Ты найдешь его, как и было обещано, в месте, где он наиболее уязвим. Между прочим, — продолжает голос, — ...просто гениально так устранить Гранта, он, возможно, представлял бы для тебя проблему, если бы ты не убрал его. Хороший ход.

Стол дрожит, когда Коул резко садиться вертикально и бьёт кулаками по столешнице.

— Я вырезал этого ублюдка, потому что он заслужил смерть. Его преданность никогда не была на стороне Алека — она всегда была только для него самого.

Комната затихает ещё раз, и от дальнейшего я приседаю ещё ниже — мой муж вскакивает на ноги.

— Позвольте всем Вам преподать урок. Вы можете сохранить ваших зверюшек, Вы можете делать это по-своему усмотрению, это было частью «Багряного креста» с момента его возникновения, но... — от его голоса идет смертельный холод, — я не потерплю любого, кто трахает детей. Люди не трахают детей. Так что Вы, развращенные ублюдки, должны прекратить это дерьмо немедленно и наказывать тех, кто это делает, или Хантеры сделают это за вас.

Больше никто не говорит. Тишина такая оглушающая, что я слегка поднимаю свои глаза, чтобы посмотреть на разные ноги людей за столом. Ауры циркулируют вокруг их нижних конечностей, как туман, представляющие различные оттенки в настоящее время, но я вижу только одну ауру того, кто испуган, и она принадлежит телу человека непосредственно слева от меня. Его аура кричит от страха и сильной дозы негодования. Этот мужчина любит

насиловать детей. Этот мужчина хочет уничтожить Коула навсегда за угрозу своих педофильных желаний.

Его нога дергается, и я молюсь, чтобы он сдвинулся. Я жажду, чтобы он раскрыл сам себя. И я чувствую, что мой муж тоже что-то видит. Возможно, глаза мужчины предают его, возможно, его рот открылся, чтобы протестовать. Чтобы он не сделал — этого достаточно для нападения моего мужа.

Я подаюсь назад и падаю на свою задницу, в то время как тело Коула бросается вперед, и его кресло отлетает назад, ударяясь о стену с такой силой, что замысловато вырезанные ножки откалываются.

Я поднимаю голову, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Коул ныряет через стол, вытаскивая большой зазубренный охотничий нож из кобуры на его щиколотке. Таким плавным движением, которое выглядит практически нереальным, он набрасывается на мужчину, чье паникующее тело тем временем сражается, чтобы встать, и плавно перерезает его яремную вену с такой силой, что он практически обезглавлен. Его безжизненная голова отброшена назад, кровь брызжет из ужасной раны, а шейные позвонки единственное, что удерживает её привязанной к его дрожащему телу.

Начинается паника, мужчины выхватывают пушки, некоторый из них направлены в Коула, некоторые друг на друга, но это не волнует моего мужа.

Он отталкивает стол, вставая в полный рост, и угрожающе впивается взглядом в каждого человека в комнате.

— Это всего лишь проба того, что случится с теми, кто проигнорируют моё правило. Я не Алек-мать-его-Крэйвен, я — Коул Хантер, и вам потребуется больше, чем несколько пушек, направленных в мою грудь, чтобы убрать меня.

Мужчины стоят с широко распахнутыми глазами, большинство — не борцы, и у тех, кто с оружием в вытянутых руках, в глазах плещется истинное опасение, пока их руки трясутся под весом оружия.

Это элита. Эти мужчины отдают приказы убийцам выполнять их требования, они не убивают сами, это ниже их достоинства. Большинство, вероятно, никогда не стреляли из оружия.

Однако Коул выглядит достаточно опасным, чтобы пролить кровь каждого в этой комнате, даже не дрогнув.

Просто на случай, если кто-то думает иначе, двое мужчин прорывают ряды и медленно встают с каждой стороны моего мужа.

Я узнаю их обоих.

Это — Грим и Люк.

Остальные мужчины смотрят вокруг друг на друга, прежде чем трое занимают места во главе стола.

Трое мужчин, кого я знаю, — отнимут всё у людей вокруг и одержат победу.

Оружие медленно опускается, и кресла дрожащими руками ставятся на место, пока все они начинают рассаживаться.

Когда последний мужчина занимает свое место, Коул улыбается. Он кладет руки на плечи Люка и Грима, похлопывая по ним еще раз.

— Хорошо. Я рад, что все согласились. Теперь, если вы извините меня, джентльмены, у меня есть изнывающая от «голода» жена, которой нужно срочно помочь насытиться.

Они кивают ему, прежде чем он поворачивается ко мне и шагает вперед.

— Ты насладились зрелищем, любовь моя?

Его рука хватает меня за предплечье, и он поднимает меня на ноги.

— Я искренне надеюсь, что так, поскольку это — только прелюдия к финалу сегодняшней ночи. Я уверен, что тебе понравится.

В то время как он выводит меня из комнаты, я улавливаю периферическим зрением Грима. Его лицо — маска чистого удовольствия, когда он наклоняется над убитым мужчиной и отрывает его голову от тела.

16

Претензионные ублюдки.

Заседая за столом, господствующие над всеми, они думают, что неприкасаемые.

Они — средство для достижения цели.

Каждый из этих тварей думает, что я — бешенный пес под их контролем.

Перерезать тощую шею Реншоу — это избавило меня лишь от части давления, что я ощущаю в своем желудке.

В то время, когда я перерезал его вену, мои люди были на его детской порно-ферме.

Величественное и благородное поместье, которое передавалось из поколения в поколение, — дом Лордов и Леди — являлся тщательно продуманным фасадом для центра размножения. Женщин силой принуждали размножаться, а их отпрысков использовали как массовку в кровавой порнухе (Прим. порнографический фильм, кончающийся настоящим убийством одного из актёров) или в вызывающих отвращение порнофильмах. Дети, даже младенцы, использовались как живые игрушки, которых можно насиловать, бить и убивать.

Прямо в этот момент мои люди казнили там каждого сотрудника и освобождали женщин и детей.

Его извращенная жена, так высоко чтимая Леди Эмилия Реншоу — идейный вдохновитель фермы. Ее должны были взять живой.

Её обещали Гриму. Я давно поклялся, что её голова была его и только его.

Я мог ощутить пульсацию возбужденной энергии от него, пока он впитывал вид отстраненного от должности Реншоу. Его поиск мести и жажда крови, разожжённая в его венах, более осязаема, чем комната, наполненная страхом.

Он заслужил это.

Он заслужил носить её голову как корону и искупаться в её крови.

Генри Реншоу.

Просто юный, избитый мальчик, над которым надругались, — таким он был, когда я встретил его впервые.

Теперь он мощный и неумолимый противник.

Мой брат, если не по родственной крови, то по пролитой точно.

Грим.

Как бы я хотел понаблюдать, как жизнь покинет глаза мрази, которая является его матерью. Хотя, зная Грима, он сделает запись в качестве сувенира.

Я оставляю моих братьев с их задачами.

Адреналин от нашей победы, которая ощущается такой близкой, что я могу буквально ощутить ее, переполняет меня желанием чего-то ещё. Чего-то более сладкого.

Моей жены.

Я жажду её сладких криков.

И она будет кричать.

Фей Крэйвен.

Шлюха Крэйвен.

Никакой частице ее не удастся спастись.

17

Воздух в автомобиле наполнен эмоциями, которые я подавляю в себе.

Быть наедине с Коулом, после того как я стала свидетелем того, как он забрал ещё одну жизнь, должно было оттолкнуть меня, но нет.

Я замужем менее двух дней, и уже четыре человека умерло от его рук.

Я не буду себе лгать и говорить, что он не ошеломил меня, это не так. Те, кто был убит, все заслужили свою зверскую смерть.

Убийцы, насильники, педофилы — все зло, что по праву отправились к своему создателю.

Я не настолько невинна, чтобы верить в то, что мой муж — хороший человек. Я могу видеть тьму в нём. Настолько мощную, что я готовлюсь к тому, что она поглотит меня целиком, и я не уверена, что достаточно сильна, чтобы выжить.

— Твои глаза будут оплакивать твоего отца так же, как и мать?

Я поворачиваю голову к Коулу, он не смотрит на меня, но пристально наблюдает за миром за стеклом автомобиля.

Его вопрос смущает меня. Моё состояние не имеет никакого отношения к собственному выбору, а вообще-то к травме головы, которую я получила в аварии. Однако, я отвечаю, давая ему чуть побольше моей правды.

— Я не буду горевать об этом мужчине. Мои глаза — часть меня, они не будут оплакивать его.

Он медленно поворачивается, чтобы оценить меня. Его лицо настолько поразительно красиво, что у меня практически перехватывает дыхание, когда он позволяет открыто уставиться на него.

— Он отказывался побаловать тебя подарками или перекрыл тебе доступ к трастовому фонду? Ты зла на него за то, что он отказал тебе в дизайнерской одежде или роскошной тачке? Скажи мне, принцесса, как отец теряет любовь своей дочери?

«С чего же начать?»

«С какого плохого момента начать свою историю?»

«С наиболее худшего из всего».

Намного большего, чем любые наказания, отмеренные рукой моего отца, или часы изоляции, что я пережила. Намного большее, чем презирать свою собственную плоть и кровь.

— Он убил мою мать.

Моя правда. Чистая и простая.

Что-то вспыхивает в его глазах, и его аура тонко меняется, становясь вместо уже привычной полностью черной — дымчато-серой с пульсирующим бледно-зеленым.

Симпатия.

Он с пониманием относится к моей причине.

Это продолжается всего лишь секунды до того, как черный полностью поглощает все другие цвета, и его взгляд становится жестким.

— Возможно, она заслужила это.

Его слова вливают ярость в мои вены, и я снова говорю не подумав.

— Возможно, я тоже заслужила умереть. Я была просто ребенком, когда наш автомобиль вылетел с дороги той ночью, когда она пыталась уйти от него. Ночью, когда она пыталась спасти меня от этой жизни, — разгневанная я продолжаю: — Возможно, я тоже заслужила годы наказаний, изоляции и голода. Извращенные способы, которыми он пытался сломать меня, чтобы я расплатилась за грехи моей матери. Возможно, закрывать маленького ребенка в клетку не больше её тела и опускать в резервуар, полный ледяной воды, а затем наблюдать, как она борется за воздух — ещё одно, что я заслужила. Или, возможно, это была жестокость моей надзирательницы, что было самым подходящим наказанием. Способ, которым она дразнила меня привязанностью, как ослика морковкой, а просто выбрасывая её подальше. Или способом, которым она наблюдала, трахая себя пальцами, пока Грант заставлял меня позировать для него, трогать его, втирать его сперму во всю мою кожу. Возможно, именно это дочь предательской шлюхи и заслужила.

Мой голос срывается на заключительных словах, рыдание, перехватившее моё горло, жаждет вырваться на свободу. Но он не заслуживает моих слез, Коул никогда не получит моих слёз.

Его ледяной пристальный взгляд схлестнулся с моим, кажется, что на целую вечность. Когда он прерывает зрительный контакт и снова смотрит в окно, я мгновенно ощущаю потерю и оборачиваю свои руки вокруг себя, чтобы отразить холод, исходящий от моих костей.

Потерянная в своих мыслях, я не замечаю, как мы приезжаем назад в имение Коула до того момента, пока мы не паркуемся перед передними дверьми. Автомобиль останавливается, и Коул выходит, затем он делает что-то неожиданное: моментом позже моя дверь открывается.

Он не отпускает свою любимую команду, но его раскрытая ладонь сообщает мне, что он ожидает от меня.

Слегка потрясённая его демонстрацией учтивости, я медленно размещаю свою руку в его, дрожа от теплоты его прикосновения и того ощущения его большой руки, касающейся моей маленькой ладони.

Он не вытаскивает меня из автомобиля, он ждет, пока я вылезу, и я могу почувствовать его взгляд, даже если и не смотрю в его лицо.

— Я должен заняться кое-какими делами. Я провожу тебя до нашей комнаты и велю прислуге принести тебе еды. Мы уезжаем в восемь. Я ожидаю, что ты будешь готова к этому времени, думаю, что ты насладишься развлечением этого вечера.

Я могу только кивнуть.

Нет никакой причины вызывать его гнев, плюс, я могу провести время в одиночестве, чтобы собраться мыслями и обдумать все.

Когда он оставляет меня одну в нашей комнате, я сажусь на край кровати и пробую успокоить разбежавшиеся мысли. Я долго сижу, пока солнце не поднимается высоко в небе, а затем начинает опускаться. Проходят часы, но я не двигаюсь до тех пор, пока низкое гудение не указывает, что кого-то разблокировал замок и вошёл в комнату.

Я поднимаю голову и вижу, как Люк входит в комнату, держа наполненный едой поднос, который он относит к французским дверям и ставит на маленький столик, расположенный между двумя креслами. Он закидывает виноград себе в рот, перед тем как

повернуться ко мне лицом, его рот поглощает сочный плод, когда уголки губ приподнимаются в усмешке.

— Ты должна есть, зверушка. Иди и поешь со мной, я обещаю не кусаться.

Я наблюдаю за его расслабленной позой и тем, как обыденно он наклоняется за другим плодом, в то время как его глаза не оставляют меня.

Люка, как всегда, трудно прочесть. Он — один из немногих, о которых мой дар не дает ясного представления. Это интригует и расстраивает. Живя с моей способностью в течение многих лет, когда я нахожусь в окружении таких людей, как Люк, я осознаю, как сильно на неё полагаюсь. Так же, как и большинство людей принимают свои решения, основываясь на пяти чувствах, я делаю свои, используя мою «обреченность» (Прим. на англ. языке «обреченность» созвучно имени героини — Фейнесс) или ясновиденье.

Без этой способности, я обращаюсь к моей интуиции, того, чего мне серьёзно не достаёт.

Люк дружелюбный? Сомнительно.

У него есть скрытый мотив? Определенно.

Могу ли я использовать его для своего преимущества? Увидим.

Медленно встав, я иду к нему и сажусь на одно из кресел с высокой спинкой. Он улыбается сам себе и занимает другое. Мы достаточно далеко друг от друга, что я не чувствую себя задыхающейся, но все же достаточно близко для него, чтобы прикоснуться ко мне, если бы он пожелал это сделать.

— Коул прислал тебя?

Я задаю свой вопрос, но опускаю взгляд на еду на столе. Тянусь, чтобы захватить немного сыра, которого в действительности мне не хочется, но я должна держать свои руки занятыми. Волнение — одна из моих подсказок.

Мои глаза возвращаются к его лицу, чтобы увидеть, как он кусает блестящее красное яблоко. Он жуёт его, прежде чем небрежно посмотреть на меня и ответить:

— Нет, я увидел горничную, несущую тебе поднос, и подумал, что тебе бы понравилась некоторая компания. Это было неправильно? Ты предпочитаешь сидеть в изоляции?

Я беру крекер с тарелки и подношу его к своим губам.

— Нисколько. Это твой дом, и ты волен делать всё, что пожелаешь.

Он ещё раз подносит яблоко к своим губам, затем опускает его, не укусив. Его глаза следуют от моего лица вниз по моей груди и так до самых ног. Затем он поднимает свой пристальный взгляд, чтобы встретиться с моим ещё раз.

— Я бы мог сказать что-нибудь грубое, что-нибудь такое, что я желаю с тобой проделать, как только ты надоешь моему брату, но я лучше демонстрирую, чем рассказываю, — он ухмыляется, и его первоначальный фасад беспечности исчезает. Его слова передают ревность, которую он затаил по отношению к Коулу. Его усмешка вынужденная, и в течение короткого момента его аура высвечивает слабый цвет. Оранжевый, ярко оранжевый — цвет предательства.

Независимо от того, были ли это его эмоции, что он излучал постоянно, или лишь единожды он почувствовал это в отношении своего брата, я не могу сказать. Это мелькнуло слишком быстро, чтобы быть полностью уверенной.

— Проглотила язык, зверушка? Ну-ка, ты же можешь пообщаться со своим новым братом, можешь же?

Я прочищаю своё горло, отталкивая все мысли в сторону. Остается лишь мой план. Я

должна найти способ, как использовать Люка, а это возможность начать собирать от него информацию.

— Почему вы оба ненавидите Крэйвенов? Почему, когда наши семьи были связаны более сотен лет, ты и твой брат хотите разорвать эту связь?

В этот раз нет никакой ошибки в его эмоциях — его аура вспыхивает красным. Злой, жестокий и кровожадный красный, который быстро был поглощен тьмой, такой же, как и та, что цепляется за Коула.

Он кладет половину своего недоеденного яблока на стол и прижимает свой указательный палец поперек губ, размышляя.

Я пользуюсь возможностью посмотреть на него, изучить его черты и почувствовать его мужское совершенство.

Если Коул имеет ангельскую красоту, Люк — это обратная сторона монеты с его темными и задумчивыми чертами.

— Проглотил язык, братец?

Я не знаю, почему провоцирую его, кроме как из-за того, что я хочу увидеть: также быстро он срывается, как и его родной брат.

Да, также.

Тяжелое кресло с высокой спинкой, в котором я сижу, опрокидывается назад, весь воздух покидает мои легкие со свистом. Боль от соприкосновения моей спины с полом настолько неожиданная, что крадет мой кислород.

Спустя считанные секунды, он на мне, его руки прижимают меня к грубой ткани обивки, его туловище между моих согнутых ног, которые бесполезно свисают в воздухе.

Теперь я вижу всю правду о Люке и тьму, что он так хорошо скрывает, тьму, что сигнализирует, возвращаясь к жизни, и пульсирует вокруг его тела.

Я поднимаю свой подбородок настолько, насколько могу в моем положении, и смотрю на него, подзадоривая его пойти дальше.

— Напористая маленькая сучка, не так ли? Скажи мне, сестра, ты будешь кричать, когда я поймею тебя, закованную в мои цепи? Будешь просить пощады своими пухлыми губами, когда я вырежу свои инициалы на твоей плоти? Ты будешь проливать реки слёз, когда я вставлю член в твою вагину, или вместо этого ты будешь рыдать от порки моей тростью?

Наконец Люк показывает мне себя. Каждый прогнивший угол его души широко открыт и обнажен, чтобы я смогла лицезреть.

— Я принадлежу Коулу. Ты думаешь, что он позволит тебе первым вкусить его жену, братец?

Последнее слово остается незаконченным на моих губах, когда он вскидывает руку, чтобы схватить меня за горло. Его пальцы оставляют синяки на моей коже и сдавливают мое горло.

Я позволяю своему триумфу отобразиться в моих глазах, даже в то время, когда чёрные мушки начинают мелькать у меня в глазах, он нужен лишь только для того, чтобы ещё больше разозлить его.

— Отпусти её, Люк, — глубокий голос моего мужа доносится от двери и озвучивает четкий приказ, он стоит в нескольких шагах от брата.

Я поднимаю свои руки и вцепляюсь в его, безуспешно пытаюсь ослабить его крепкую хватку. Большие руки Коула ложатся ему на плечи, его угрожающий тон безошибочен даже для меня, чье тело и ощущения падают вниз из-за недостатка кислорода.

— Отпусти. Её. Ты не хочешь, чтобы я причинил тебе вред, брат. А я сделаю это без сожаления.

Злые глаза Люка смотрят в мои, и они — последняя вещь, которую я вижу, прежде чем мой мир полностью уходит во мрак.

Последние приглушенные слова, что я слышу, прежде чем падаю в небытие:

— Я предупреждал тебя, Люк.

18

«Почему Люк в моей комнате с моей женой, когда я запретил ему находиться рядом с ней, и что Крэйвенская шлюха сделала, чтобы сломить его обычное непоколебимое хладнокровие?».

Видя, как его руки на её горле забирают жизнь из неё, пробуждает мой гнев как ничто другое.

Я вижу кровь.

Много, много крови.

Крови моего брата.

Потребовалась каждая унция моего самоконтроля, чтобы не выпотрошить его на месте.

Когда Люк не слушается моего приказа отпустить её, и когда я вижу, как свет оставляет её разноцветные глаза, я полностью теряю контроль.

Моё тело действует на автопилоте, мой брат пригвожден к дальней стене с моим любимым ножом у его горла, прежде чем он успевает сделать свой следующий вздох.

Его руки трясутся от напряжения. Его глаза сверлят меня с недоверием и тяжелым чувством предательства.

«Я собираюсь искупаться в крови моего брата, кто — моя единственная семья, и за что? За жизнь Крэйвен?»

Это второй раз, когда та шлюха встала между нами. Однако я не могу опустить своё оружие от горла Люка. Я всё ещё бушую от потребности порезать его плоть.

— Я предупреждал тебя, брат. Я говорил тебе не трогать её, — выдавливаю я сквозь стиснутые зубы, лезвие входит дальше в его кожу, проливая первую кровь.

— Ты забыл, Коул. Ты забыл, кто она, что её семья сделала с нами. Каждый раз, когда я вижу тебя с ней, я вижу, что ты забываешь немного больше. Я спасу тебя от неё, прежде чем она превратит тебя в нашего отца.

— Я ничем не похож на нашего отца, а она — не её мать, — меня трясет от ярости, большое тело моего брата выглядит меньше в моей безжалостной хватке.

— Я не забыл и никогда не забуду.

Мой взгляд оставляет его лицо и падает на женщину на полу у наших ног. Её волосы разметались вокруг головы словно нимб. Бледная кожа безжизненна, пухлые губы синие. Это первый раз, когда я смотрю на неё и не вижу Крэйвеновскую шлюху — я вижу Фей. Жертву обстоятельств — точно такую же, как и мы.

— Она не такая, как они. Она также не такая, как мы, и от того, что я увидел, она не заслуживает нашего гнева.

Признание потрясает меня, и я обращаюсь к разъяренному лицу моего брата, ловя взгляд презрения, полностью нацеленный на меня.

— Ты пал под её чарами, Коул. Ты слеп, но я могу видеть. Мой неприкасаемый брат околдован одержимой шлюхой.

Я убираю лезвие от его горла и наношу удар в висок. Удар в голову идеален в этом случае, чтобы отправить его в отключку.

Он резко падает на пол, а я наклоняюсь, чтобы переместить его поверженное тело, заботясь о его комфорте.

— Ты ошибаешься, мой брат. Она не такая, как мы, поскольку в ней ещё есть невинность. Я никогда не трогаю невинных. Так же, как и ты.

Затем я отхожу от его тела и подхватываю мою жену, выходя из этой комнаты и направляясь в комнату по соседству.

Мой брат захочет мести, когда очнётся. Я только хочу перенаправить её на отца Фей и убережь ее от его поисков мести.

19

Я парю.

Спокойствие окружает меня, и впервые с тех пор, как я была маленьким ребенком, я не одна. Я чувствую себя в безопасности. Я чувствую заботу, и я желанна.

— Я умерла?

Хриплый смешок прерывает тишину, и я чувствую движение рядом со мной, но с осознанием приходит и боль.

Она стучит молотком в моих висках и пульсирует за моими глазами. Воспаленное горло болит и жжет, словно я выпила кислоты.

— Нет, принцесса. Ты очень даже жива.

Я несколько раз моргаю и открываю глаза, встречаясь с проникновенными голубыми глазами моего мужа, только его взгляд не ледяной, он нежный, ненастороженный и беспокоит меня даже больше, чем тот факт, что он лежит рядом со мной, опираясь на свой локоть.

Я неловко перемещаюсь и пытаюсь подтолкнуть себя в вертикальное положение.

— Что произошло? — мой неестественный хриплый голос представляет собой больше писк, слова словно царапают мое горло.

— Полегче, Фей. Вот, выпей это, только медленно.

Коул дает мне стакан холодной воды, и я делаю большой глоток, но жидкость отказывается проходить через мои пострадавшие мышцы горла, и я задыхаюсь, хрипло поперхнувшись напитком, намочившим весь перед моего платья. Влажная ткань прилипает к моим грудям, выставляя на обозрение каждую окружность, и я могу почувствовать горячий взгляд Коула, подобно клейму на моей коже.

Я вздрагиваю, когда его рука тянется ко мне, но меня шокирует, когда он медленно подносит стакан к моим губам.

— Маленькими глотками.

Мы встречаемся взглядами, когда его нежное поднесение стакана к моему рту позволяет мне принять немного напитка.

В то время как жидкость бежит вниз по моему горлу, охлаждая поврежденную плоть и успокаивая боль, я вспоминаю причину, по которой я так сильно травмирована.

Я аккуратно убираю свои губы от стакана и отодвигаюсь назад на большой кровати.

Мои глаза перемещаются от его лица и рассматривают обстановку комнаты.

Она намного больше той, в которой я прежде была, и оформлена в холодных голубых тонах.

— Это была моя ошибка, я спровоцировала его.

Я не оглядываюсь на Коула. Вместо этого, я намеренно воспользовалась возможностью, чтобы осмотреть мою новую клетку. Взгляд падает на портрет красивой женщины, распятой на кресте, женщина с длинными светлыми волосами и поразительными голубыми глазами. Она одета в простое белое платье и носит корону из кроваво-красных роз. Единственная слеза падает из уголка ее глаза — мельчайшая детализация картины приносит ощущение, что кажется — протяни руку и сможешь вытереть ее.

Это поразительно.

Это душераздирающе.

Поскольку я знаю, кого изображает картина.

— Она красивая.

Он поворачивается от моих слов и смотрит на произведение искусства, его глаза упиваются ей, как будто он видит её впервые.

— Она была.

Его слова нежны, такой тон я прежде никогда не слышала от него. Печаль в оттенках голубого, более темного, чем стены комнаты, окутывает его, лаская кожу.

— Ты похож на неё.

Его глаза находят мои. Замешательство очевидно в их глубинах.

Быстро, чтобы прикрыть свой промах, я заикаюсь.

— У-ууу тт-ебя её глаза.

Его рука поднимается к лицу, его пальцы слегка прослеживают кожу под его нижними ресницами. Он, кажется, не осознаёт это движение, но я смотрю с увлеченным вниманием. Этот жест — непосредственный в своём целомудрии — так отличается от всего, что я когда-либо видела, что делал этот сложный и ожесточённый мужчина раньше.

Он обращается обратно к картине, прежде чем встает и направляется к двери. Кулак напрягается вокруг ручки — его аура меняется ещё раз, и тьма охватывает его.

— У тебя есть час, чтобы собраться, — он дарит один последний мимолетный взгляд на картину, и его резкий голос возвращается. — Я хочу, чтобы ты видела, как жизнь покидает глаза твоего отца, как я смотрел, как жизнь оставляет её.

Затем он уходит.

На этой двери нет никакого автоматического замка, и я слышу поворот ключа, прежде чем его шаги отдаляются, и я остаюсь в тишине.

Вокруг лишь тишина и слёзы его матери.

Проходит меньше часа, когда я слышу, как ключ, поворачивающийся в замке ещё раз.

Я была неспособна переодеться, так как этот шкаф был укомплектован только мужской одеждой — еще один знак, что это комната Коула. Лучшее, что я смогла сделать: освежиться и обернуть несколько холодных полотенец вокруг моей шеи, в попытке успокоить повреждения и уменьшить красные отпечатки рук, которые покрывали шею.

Я сижу, вытянувшись в струнку, мой живот сводит от беспокойства.

Если Люк войдет в эту комнату — я покойница.

Его ненависть ко мне никогда не смягчится. Она циркулирует в его теле, как кровь, и вплетена в самую суть его существа.

Но не Люк входит в комнату, а миниатюрная старая леди с улыбающимися глазами и вьющимися тёмными волосами с проседью.

В руках она несет чистую одежду, а позади неё молодой мальчик не старше четырнадцати лет входит в комнату, неся поднос с кофейником, супницей и мягкими булочками.

— Господин Хантер пожелал, чтобы Вы надели это. И не хотели бы Вы поесть что-нибудь, прежде чем уедете.

Она раскладывает одежду на пуфике в ногах кровати, а мальчик ставит поднос на столик в дальнем углу комнаты.

Как только их задачи выполнены, мальчик уходит из комнаты, женщина следует за ним. В то время, как она приближается к двери, я обращаюсь к ней:

— Спасибо, миссис...?

Она поворачивается ко мне с широкой улыбкой:

— Я — Анна, миссис Хантер. Главная экономка в «Хантер Лодж», а молодой парень со мной — Саймон, он провел с нами примерно два года, но Вы будете видеться с ним только когда закончиться семестр, так как он идет в школу «Академия Бриайрбрук».

«Бриайрбрук» — это эксклюзивная школа-интернат для мальчиков, и я задаюсь вопросом, как сына экономки приняли в такое элитное учреждение.

— Спасибо, Анна. И пожалуйста, зовите меня Фей, — я пожимаю плечами, добавляя: — Я не совсем привыкла к своей новой фамилии.

— Он — прекрасный человек, самый лучший из тех, за кого вы могли выйти замуж, миссис... Я имею в виду — Фей. Я уверена, что вы скоро полюбите быть Хантер, — затем она уходит с мягким поклоном головы. Ее аура безмятежна, ни лжи, ни злого умысла в её словах.

Уместно было бы полагать, что персонал такого человека, как Коул, испытывает страх перед своим хозяином, а не такое уважение, и я уверена, что ни один здравомыслящий человек не захочет видеть своего ребенка около него, тем более впечатлительного маленького мальчика. Встреча с Анной и Саймоном полностью озадачила меня, я поняла, что неспособна разгадать своего мужа.

Беря простые черные брюки и кремовый кашемировый свитер, что Анна оставила для меня, я быстро стаскиваю платье и нахожу чистое нижнее белье в маленькой груде одежды. Только я натягиваю маленький клочок бледно голубого шёлка на свои бёдра, как дверь открывается ещё раз, и я мигом хватаю свитер в попытке прикрыть себя.

Стоя в открытом дверном проёме, мой муж пристально смотрит на меня. Его глаза бродят по моему телу и задерживаются на неприкрытых участках кожи.

Похоть струится из него, его осанка выпрямляется, прежде чем он заходит в комнату, пинком закрывая за собой дверь. Он двигается в моём направлении, затем взгляд падает на нетронутую еду, и он меняет направление, направляясь в близлежащую ванную.

— Поешь, принцесса. Тебе необходимо подкрепить твой желудок.

Дверь ванной грохочет на петлях от силы его хлопка, а я медленно выпускаю дыхание, которое я даже и не поняла, что задержала. Мои руки трясутся, пока я натягиваю свитер через голову, но прежде чем я успеваю натянуть брюки, я слышу, как дверь открывается ещё раз, резко ударяясь о стену.

Полуголый Коул, одетый только в брюки от костюма, его ремень и верхняя пуговица расстёгнута, демонстрируя дорожку тёмно-русых волос, исчезающих в нижнем белье, шагает через комнату с огнем в его глазах.

Я отступаю. Задняя часть ног ударяются о пуфик в конце кровати, и я прижимаю

черные брюки так сильно перед собой, как жалкий щит, как будто отступление от этого мужчины пойдет мне на пользу.

В мгновении ока мы — лицом к лицу.

Кожа его ботинок прикасается к коже моих ступней, и я неспособна прекратить задерживать дыхание.

— Ты хочешь меня, принцесса?

Его рука тянется, и он нежно прослеживает линию моей челюсти кончиком своего пальца. Всё мое тело — дрожащий комок нервов только от одного прикосновения.

— Ты хочешь этого нежно или грубо?

Мой голос представляет собой не больше, чем мучительный шёпот:

— Ласково, я уже испытала на себе грубость.

Его рука останавливает движение и опускается. Его глаза яростно сверлят меня.

— Ласка и грубость переплетены друг с другом. Твои глаза упиваются моим видом и добротой, судя по всему, и всё же твоё тело питает отвращение к злу.

На этот раз он поднимает свою руку, чтобы провести по моей ключице.

— Даже если ты борешься с этим, я могу почуять, что ты хочешь меня, Фей. Это сочтется из твоей кожи и чертовски сводит меня сума.

Я дрожу. Я не могу ничего поделать. Как человек, изголодавшийся по прикосновению, он пробуждает во мне желания, каких я никогда и не помышляла, что могу ощущать.

— Тогда возьми то, что твоё, не спрашивая у меня разрешения, которое я не способна дать.

Слова вылетают из моего предательского рта, его аура, полностью исчезнувшая прежде, вспыхивает самым ярким красным.

В мгновение ока, я прижата к кровати, удерживаемая за мою поврежденную шею. Хватка Коула вокруг моего горла крепка, но он не намерен причинить боль.

Красный пульсирует вокруг него, почти принимая самостоятельную физическую форму, и всё, что я могу сделать, — подчиниться. Моё тело реагирует на него, и я роняю брюки из своих рук. Я развожу ноги, чтобы предоставить больше места его мощному телу. Голубой шёлк, что прикрывает мои интимные части, влажный от возбуждения, а мои соски настолько твердые, что болят.

Он позволяет своим глазам медленно скользить по моему телу, и низкое рычание вырывается из его груди, когда они добираются до вершины моих бёдер.

Используя костяшки пальцев своей свободной руки, он медленно очерчивает контур губ моей киски через влажную ткань. Прикосновение настолько нежное, что физически причиняет боль, и пульсация между моими ногами настолько безжалостная, что я не могу сконцентрироваться на чем-то ещё.

Его прикосновение успокаиваются, и его движения останавливаются, когда он твердо нажимает на мой холмик, вытягивая хриплый стон из моих губ.

Его глаза темнеют, веки прикрываются, и греховные уголки рта поднимаются в его фирменную ухмылку.

— О, у меня есть твоё разрешение прямо здесь, — он жестко потирает своими костяшками мой клитор, кружа и надавливая до такой степени, что удовольствие смешивается с болью. Затем он останавливается и подносит свою руку к моему рту, растирая мою влажность по всей поверхности моих губ. — Но отсюда я хочу твоё согласие. Когда ты будешь умолять меня трахнуть тебя, только тогда я сделаю так, чтобы боль, которую ты

ощущаешь между своих бёдер, исчезла.

Он резко разжимает свою хватку на моём горле, и прежде чем у меня появляется шанс сделать свой следующий вздох полной грудью, я слышу хлопок двери ванной ещё раз.

Он оставил меня такой напряженной, как туго натянутая тетива лука.

Пульсация внутри меня такая сильная, что я чувствую её на кончиках пальцев рук и ног. Хотя он ошибается.

Независимо от того, что он делает с моим телом, я никогда не буду умолять.

Я полностью одета к тому времени, когда Коул появляется из ванной.

Он одет в свой идеальный, сшитый на заказ костюм, ткань обтягивает его тело, выгодно подчеркивая мускулистую фигуру. Этот вид — настоящая эротическая фантазия каждой женщины: одетый в дорогой, сшитый на заказ костюм, предназначенный лишь для того, чтобы увеличить пульсацию между моими ногами.

Я изображаю безразличие. Мой пристальный взгляд сталкивается с его, мои глаза игнорируют красный туман, который нисколько не рассеялся.

Может быть, я отчаянно желаю его, но я тут не она такая. Коул может притворяться незаинтересованной мной, но мой дар точно позволяет мне видеть, насколько я зацепила его, и я использую это знание для укрепления моей решимости.

Он медленно оценивает меня. Я могу видеть, как работает его мозг, но я никогда не смогла бы предположить, какие следующие слова выйдут из его рта.

— Ты останешься здесь.

Мое сердце останавливается в груди.

«Он не собирается свергнуть и убить моего отца? Его планы изменились?».

«Или ещё хуже, он отошлёт меня назад?».

Вы можете сказать, как надо так напортачить в своей жизни — когда место, где вы стали свидетелем ужасных убийств, где вас чуть не задушили до смерти, где вам угрожали практически ежечасно, — становится лучшим местом, чтобы остаться, чем отправиться домой.

Дом.

Что за абстрактное слово.

В панике я бросаюсь вперед, делая несколько шагов, останавливаясь только тогда, когда мой мозг начинает функционировать, и я резко замираю в футе от него.

— Нет. Возьми меня с собой.

Мольба готова сорваться с моих губ, но я удерживаю её.

Мой голос вышел более смелым, чем я думала, его глаза сужаются в неодобрении.

— Ты не та, кто командует здесь, принцесса. Если я говорю, что ты остаёшься, — ты остаёшься.

Выпрямляя позвоночник, я стою перед ним, моё тело бросает ему вызов, отрицая лишения меня силы.

— После всего того, что он сделал, не лишай меня этого. Не отстраняй меня от наблюдения за мужчиной, которого я презираю, мужчины, который украл моё детство, детство, которое сделало меня этим... — я указываю на себя, презрение в моем голосе очевидно, — ...не отнимай моё право увидеть, как он заплатит за свои грехи.

Мой голос обрывается на последнем слове, и я проглатываю ком в своём горле, смаргивая влагу с глаз.

Он молча оценивает меня. Не спускает с меня глаз, и я благодарна, что он не замечает, что я прижимаю обе руки к своим бокам, чтобы прекратить их дрожь.

— Тебе станет легче?

Его голос мягок, когда он, наконец, отвечает. Он ждет ответа, но видит моё замешательство.

— Смотреть на меня, сдирающего кожу с твоего отца живьем, поможет отправить твоих демонов на покой? Ты достаточно жаждешь его крови, чтобы слышать его крики вечность? Сможешь ли стерпеть, что твоя плоть, твоя семья, будет убита мужчиной, которому ты теперь принадлежишь, пока смерть не разлучит нас? Ты хочешь этого, принцесса?

Я не колеблюсь.

— Да.

Если мой ответ — отречение от моей души, что ж, так тому и быть.

Он кивает. Принимая правду, он протягивает свою руку мне.

— Тогда, пойдём. Если это то, чего ты жаждешь, — его кровь, я могу обеспечить тебя достаточным ее количеством, чтобы насытить любую потребность в мести, которая у тебя есть.

Я кладу свою руку в его, ленточки черноты, что сейчас являются настолько нормальными для меня, оборачиваются вокруг наших переплетенных пальцев и выются вокруг наших запястий.

В этот момент, несмотря на причины нашего брака, несмотря на ещё не осуществление супружеских обязанностей, мы — одно целое.

Мы — тьма.

20

Я никогда не испытывал такого чувства правильности.

Зверь внутри меня успокаивается от её прикосновения.

Бог, возможно, покинул и обрек меня на ад еще со дня моего рождения, но если это было ради того, чтобы я достиг этого момента, так тому и быть.

Преисподняя может вечно изжигать мои кости до горстки пепла, ради одного проблеска этого момента или хотя бы ещё одного ее прикосновения...

Я выхожу из моей комнаты, глаза моей матери смотрят мне в спину, рука моей жены в моей ладони, я клянусь и Богом, и Сатаной — я заставлю его заплатить.

Он будет носить свои грехи, написанные на его коже кровью.

Я буду носить его кожу, как трофей.

Она будет носить мою темную душу, как обещание.

21

Мы достигаем нашего пункта назначения — величественного особняка в викторианском стиле в Голландском парке, облицованного красным кирпичом и производящего сильное впечатление, одним из наиболее эксклюзивных памятников архитектуры.

Здание преимущественно уединенное, защищенное высокими кирпичными стенами и окруженное чистыми, ухоженными садами.

Я никогда не была здесь раньше и никогда не слышала, чтобы «Багряный крест» владел чем-то значимым здесь.

Пока я впитываю красоту старинных садов и симпатичного, увитого плющом фасада этого изящного дома, Коул рычит команды в свой телефон.

— Цель на месте? Хорошо. Очистить область, следовать протоколу пять и убрать всю охрану. Избавьтесь ото всех, кроме цели.

Кто бы ни был на том конце линии, он произносит что-то, что заставляет Коула глумиться:

— Не причиняйте вред ни одному из его товаров. Я хочу, чтобы всё это благополучно упаковали и доставили к Анне. Деликатно, Грим. Ты слышишь меня? Ты получил своё возмездие, а теперь время для моего.

Его приказы Гриму означают, что Люк тоже где-то здесь, и это знание заставляет мой пульс резко участиться, адреналин так быстро зашкаливает, что все четыре мои конечности дрожат.

Сквозь стук сердца в ушах и звук открытия автомобильной двери, я слышу:

— Хорошо. Сука это заслужила.

Он завершает звонок и выходит из автомобиля, мой паникующий пристальный взгляд впивается в его протянутую руку.

«Ты сама просила об этом, Фей. Бери его чертову руку и направляйся в этот дворец со стальным позвоночником и соблазнительным ароматом крови на твоих губах. Время пришло».

— Пора, Фей, — его рука проникает глубже в автомобиль, мой муж, по-видимому, читает мои мысли.

Моя рука прикасается к его, и все моё тело действует на автопилоте, ведя меня от автомобиля к великолепному особняку перед нами, но это не то, что сейчас я вижу перед глазами, это — юный Коул.

Я перевожу взгляд на руку, которую сжимаю, и вижу мягкую женскую ладонь, ногти с идеальным французский маникюром, гладкую как шелк кожу, а не мощную хватку моего мужа.

Я поднимаю свой пристальный взгляд, и он натывается на естественную красоту его матери. Её длинные светлые волосы развеваются и взлетают от дуновения ветерка, другая её рука счастливо раскачивается, в то время как она держит руку маленького мальчика — Люка.

Счастливый смех вырывается из его крошечной груди, темное небо трансформируется в яркий солнечный день.

Я наблюдаю, как моя рука тоже раскачивается, чередуясь с движениями Люка, и я чувствую радость, исходящую от невинной души Коула.

Я поворачиваюсь и смотрю на здание перед нами, мать Коула мягко разговаривает с Люком, сказав ему, что он должен лучше себя вести:

— Будьте хорошими, мои мальчики. Папа ждет нас внутри, мы же хотим показать ему, насколько мы все хорошо воспитаны. Он встречается с большим количеством важных людей, и мы не хотим сделать так, чтобы он плохо выглядел, ведь так?

Я отвечаю кивком в тандеме с Люком, но в его глазах пляшут чертики, очевидно, у мальчика другие планы.

Она притягивает нас в свои объятия, нежно даря поцелуй в каждый из наших лбов, прежде чем мы проходим через открытые двери в прохладное, отделанное мрамором фойе.

Женщина колеблется мгновение, как если бы она ожидала кого-то, чтобы поприветствовать нас, и прислушивается к эху смеха, раздающемуся из дальней части особняка, мы движемся в направлении звука, наши шаги отзываются эхом от стен, объявляя о нашем прибытии.

Голоса раздаются из открытой двери, которая ведет во внушительный рабочий кабинет. Стены заставлены книгами от пола до потолка, лестницы размещены вокруг комнаты, чтобы помочь добраться до верхних полок.

В центре огромного пространства — стол и расположенные в особом порядке кресла.

За столом сидит человек, такой же молодой, как и Коул сейчас, и я узнаю в нём Алека Крэйвена, а на другом кресле восседает мужчина, которого я не узнаю.

— Ах, вы сделали это, входите, входите, — мой отец показывает жестом руки «выметайся» человеку перед ним, чтобы тот ушел, и незнакомец встает и покидает комнату, не удостоив нас взглядом.

Я не упускаю вспышку раздражения в глазах моего отца, пока он осматривает обоих мальчиков.

— Джек разве не велел тебе приехать одной, Мелинда?

Я могу почувствовать, как предчувствие настигло тело Мелинды, она не ожидала такого приема, она приехала, чтобы увидеть своего мужа, и смущена его отсутствием.

— Новый помощник нашей экономки передал сообщение от Джека, и я не думала, что он будет против, если мальчики приедут встретиться с ним тоже. Он поблизости?

Она осматривает обширное пространство, даже если очевидно, что он не здесь.

Алек встает и медленно выходит из-за стола, его глаза пожирают женщину, стоящую перед ним, прежде чем взгляд опускается на каждого из мальчиков. Он, очевидно, надсмехается, даже если и пытается это замаскировать.

— Его вызвали по поручению, он просил тебя подождать до тех пор, пока он не вернется, — с фальшивой улыбкой он смотрит на Коула, и я могу почувствовать, как его молодое сердце замирает, потому что даже в своей детской невинности он распознает зло.

— Почему бы тебе не забрать твоего брата в игровую комнату? Она вверх по главной лестнице, первая дверь справа, — это не пожелание, и как только мой отец произносит это, его взгляд опять опускается на мать Коула. — Возможно, мы смогли бы выпить, пока ждём Джека. Я уверен, мальчикам будет намного лучше сыграть в бильярд, чем торчать здесь.

Её глаза вновь осматривают огромное пространство даже при том, что очевидно, что ее мужа здесь нет.

Снова каждый осознает, что это не предложение, а приказ, каждый, кроме нетерпеливого и возбужденного Люка, который подпрыгивает на носочках, оглядываясь вокруг, поверх меня со своей вездесущей неутомимостью, вспыхивающей в его глазах.

Выпуская обе наши руки, Мелинда опускается на колени так, чтобы находиться на нашем уровне, неловкость явно написана на её лице.

Кладя руку на мою щеку, она смотрит в глаза своего первенца и нежно ласкает его кожу.

— Возьми своего брата, повеселитесь. Я приду и найду вас, как только ваш отец приедет. Хорошо?

Когда Коул кивает в ответ, натянутая улыбка растягивает её губы, и я чувствую каждую нервную частичку, сочащуюся из её тела.

— Ты такой хороший мальчик, Коул, — она поворачивается к Люку и взъерошивает его волосы, обращаясь к ним обоим. — Только последи за этим маленьким негодником для

меня, а ты веди себя как твой старший брат. Побудьте в игровой комнате — никаких хождений по дому.

Алек вставляет замечание:

— Плохие вещи случаются с мальчиками, которые суют свои носы туда, куда не следует, — его тон зловещий, и он, понимая свою ошибку, смеется и добавляет: — Но поскольку вы оба хорошие мальчики, всё будет просто прекрасно. Теперь бегите и поиграйте. Ваша мать придёт и заберет вас в скором времени.

Люк немедленно выпускает руку своей матери и выбегает из комнаты, не сознавая напряженность, которую он оставляет позади. Коул колеблется и остается прикованным к месту, его глаза умоляют мать не заставлять его уходить. Дрожащей рукой она слегка гладит его волосы и шепчет:

— Иди, я буду здесь, — её бледное лицо выдаёт каждую её эмоцию.

Неохотно, на тяжелых ногах Коул разворачивается и следует за своим братом вверх по величественной лестнице. Когда он оглядывается назад на открытую дверь, его мать больше не стоит там, где он её оставил, и его желудок скручивается от беспокойства.

Я могу чувствовать борьбу внутри него.

Должен ли он последовать за Люком и позаботиться о нем, или бежать назад к его матери и отказаться оставить её?

Он не знает, что происходит, но всё чувствуется неправильно.

Всё чувствуется плохо.

— Пошли, я хочу исследовать это место, — рывок на его руке вынуждает его обернуться, чтобы посмотреть на младшего брата, и как только он собирается отчитать его, маленький мальчик убегает, прямо из комнаты, где им велели оставаться, дальше вниз по длинной, широкой прихожей.

Не имея выбора, кроме как последовать за ним, прежде чем Люк втянет их в серьезные неприятности, он делает последний шаг на лестницу и бросается в направлении, где скрылся его родной брат.

Он пропускает многочисленные закрытые двери, до того как ловит маленького мальчика, который очень шустрый для своего возраста, и видит, как он проскальзывает в тёмную комнату.

Коул медлит.

— Люк, Люк, вернись сюда, — кричит он шепотом в щель дверного проема, не желая заходить, не желая доставлять им обоим неприятности. Но его брат не отвечает.

Делая маленький шагок, он пробует снова, чуть более громко на этот раз:

— Люк, иди сюда, или я скажу папе, когда он приедет, что ты снова не слушался. Не думай, что я этого не сделаю.

По-прежнему ничего. Тишина.

Когда хныканье разносится в темноте, все другие мысли покидают Коула, кроме одной. Удостовериться, что Люк в безопасности.

Широко открывая дверь, он ступает во мрак, его глаза приспособляются к потере света достаточно, чтобы уловить клочок света, исходящего из дальнего конца пространства. Это — другая дверь.

Быстрыми шагами он идёт вперед к ней и толкает, открывая ее, его глаза оценивают тускло освещенное пространство.

Первая вещь, которую он видит, — его брат, стоящий на коленях на полу на расстоянии

примерно в фут, его лицо обращено на стену перед ним.

Подняв голову, чтобы посмотреть, Коул отшатывается назад в шоке, его спина натывается на стену с глухим стуком.

К стене прикреплен мужчина.

Он изнурен, избит и истекает кровью. Его голое тело на стене привязано к большому кресту X-образной формы наручниками с шипами. Его голова низко повисла, склонившись к груди, но гвозди в шарике-кляпе во рту отчетливо видны, и его лицо искажено в молчаливом крике. Рубцы от ударов плетью, подобно жуткой дорожной карте, испещряют его кожу, и как только мои глаза охватывают низ его тела, я проглатываю свой ужас, не в состоянии озвучить своё отвращение. В это время маленькая фигура Коула за секунду резко оседает на пол, прежде чем он бросается вперед и блюёт на голые половицы.

Из члена мужчины торчит толстая игла, которую засунули в мочеиспускательный канал. Искалеченная длина раздута и покраснела, искаженная форма, кровь, капающая с головки, чтобы сформировать алую реку на полу у его ног, где всё это сливается с другими телесными жидкостями в огромную лужу.

Человек не двигается, несмотря на то, что его дыхание очевидно из-за треска его легких с каждым слабым вздохом.

Когда Коул поднимает голову ещё раз, его глаза охватывают остальную часть комнаты, его тело полностью содрогается, когда другие люди оказываются в поле зрения.

Стройная женщина привязана к скамье. Её голые груди порезаны на квадратики, её соски были удалены, и все возможные фаллические инструменты выступают из каждого её отверстия.

Маленькая девочка, голая и связанная, в крошечной клетке, её вялый взгляд затуманен, тень смерти передаёт каждый ужас, который она вынесла, её сломанное тело свидетельствует о нестерпимой боли. И наконец, мальчик-подросток с самыми зелеными из зеленых глаз привязан к креслу, очень похожему на кресло дантиста.

Коул зажмуривает свои глаза, закрываясь от любого ужаса, отказываясь принимать больше деталей, его живот скручивается ещё раз, угрожая вывернуть все внутренности.

Он вздрагивает, когда что-то касается его колен, его руки бьются в конвульсиях, пока он пытается прижаться назад к стене, его пристальный взгляд встречает маленькое заплаканное лицо Люка.

— Прости. Мне жаль. Мне так жаль.

Люк рыдает, его крошечное тело сотрясается в ногах Коула.

С большим количеством решимости, чем любой маленький ребенок должен обладать, Коул заставляет себя встать, притягивает Люка в свои объятия и быстро вытаскивает маленького мальчика из заполненной ужасом комнаты в темноту снаружи.

— Мы должны идти в игровую комнату, Люк. Мы должны забыть это, всё из этого, — он жестко встряхивает брата. — Ты слышишь меня? Мы ничего не видели, мы просто играли в пул.

Видение рассеивается со звуком шепота и дрожания Люка в согласии.

Мои глаза фокусируются, как только мы входим в то же самое вымощенное мрамором фойе, что и в моем видении.

Моё тело начинает неудержимо трястись, останавливая быстрый шаг Коула.

— Фей, сейчас не время для одного из твоих припадков. Я говорил тебе поесть. Если ты

не можешь удержать всё это, тебе лучше остаться в автомобиле.

Его тон не подлежит обсуждению.

«Разберись со своим дерьмом».

Бледное, маленькое тело, не больше пяти или шести лет, темные вьющиеся волосы, руки связаны за её спиной, ноги широко раздвинуты...

«Блокируй это».

Зеленые глаза, темные волосы, ноги в стременах, руки привязаны к подлокотникам кресла дантиста, разбитая винная бутылка, врезающаяся между его ногами, кровь, струящаяся по зубчатому стеклу...

«Дыши, Фей. Отключись от этого, запри крепче».

Вязальная спица, виден только лишь дюйм...

«Нет. Остановись. Дыши».

Я вырываю свою руку из хватки Коула и вытираю свои потные пальцы о штанину. Каждое неустойчивое дыхание задерживается в моём горле.

— Фей.

Его голос — предупреждение. Он отошлет меня, а я должна увидеть это до самого конца. Если мой отец здесь, он должен оплатить большее количество грехов, чем я могла бы когда-либо представить.

«Будь ветром».

Я закрываю свои глаза на краткую секунду, глубоко вздыхаю, чтобы избавиться от остаточных изображений, которые навсегда выгравированы в моём мозгу, и поворачиваюсь лицом к мужу.

— Заставь его заплатить.

Нет никакой надобности вдаваться в подробности.

Коул крепко стоит на ногах, его тело возвышается над моим, его пристальный взгляд оценивает мои шансы не упасть в обморок и доставить ему ещё большие неудобства.

Я протягиваю руку, имитируя его обычную позу.

— Я готова.

Что бы он ни увидел на моём лице, он быстро всё принимает и пропускает свои пальцы через мои, его большая рука обволакивает мою, такую маленькую в сравнении с его.

Мы движемся к величественной лестнице перед нами, его быстрые шаги ни на секунду не замедляются, чтобы подождать меня. Когда мы достигаем вершины, он понижает свой голос и замирает, его глаза вглядываются в глубину прихожей.

— Какой бы я не отдал приказ — ты подчиняешься. Если ты облажаешься здесь, я буду не способен защитить тебя. Мы зашли так далеко только потому, что люди твоего отца и его система безопасности выведены из строя. Наш человек внутри позаботился обо всём, и дорогой старенький папочка не ожидает посетителей, так что я могу гарантировать, что он предаётся своему любимому времяпрепровождению.

Его глаза встречаются с моими, и среди взрыва красного, который так часто вспыхивает вокруг Коула, я ловлю краткий проблеск тёмно-зелёного — волнение. Он волнуется за меня, за то, что я собираюсь увидеть. Он многого не знает, что я уже засвидетельствовала глубины развращенности моего отца. Я готова столкнуться лицом к лицу со всем, и я более чем жажду наблюдать, как этот ублюдок заплатит своей кровью.

Я хочу сказать ему.

Я хочу объяснить всё, что видела, и раскрыть все мои секреты. Я хочу рассказать ему, что я знаю, почему он на этом пути. Почему этот красивый мужчина, обладатель одной из ослепительных внешностей, но с плохой жизнью, превратился в монстра.

Это потому что он был сделан худшими монстрами и искупался в их развращенных действиях. Сегодня вечером я буду наблюдать, как он сразит наихудшего из них.

Моего отца.

Вместо того, чтобы рассказать ему, я киваю.

Простой жест, который ничего не подразумевает под собой, но, несмотря на это, означает многое.

22

Сегодня будет финал.

Несмотря на всё, что я сделал в прошлом, сегодня вечером решится моя судьба и отсекутся сломанные кусочки моей души.

Не потому, что я собираюсь убить человека, чья смерть стала главной причиной моего выживания, а потому что вынуждаю Фей стать частью своей болезни.

Поскольку заставляю ее засвидетельствовать из первых рук этот акт, как предполагалось, моего финала. «Я поймею тебя, Алек Крэйвен. Теперь я вижу всё так, как есть».

Ещё одну несправедливость.

Она — просто ещё одна жертва господства Крэйвена, несмотря на их кровь, текущую по её венам. Что начиналось как месть за деяние, совершенное давным-давно, вместе с деяниями, совершенными за мою собственную жизнь, теперь превратилось в месть с эпическим размахом.

Сегодня вечером дочь, вероятней всего, увидит, что отец творит со своими врагами.

И их семьями...

Сегодня вечером она испробует судьбу, которая выпала на долю моей матери, тот образ жизни, которого мы оба должны были придерживаться — я и мой брат.

Сегодня вечером она станет свидетелем действий против маленьких детей, в то время как их родители беспомощны и вынуждены смотреть.

Она увидит, как её отец выбирает самых молодых и самых слабых, прилагая самые большие усилия, чтобы они вынесли боль от побочных действий.

Каково это должно ощущаться, когда мужчина наблюдает, как его крошечную дочь насиуют снова и снова, и снова?

На что должно быть похоже, когда мать наблюдает, как её сына разорвали изнутри?

Интересно, каково это — молиться, чтобы те, кого вы любите, умерли как можно быстрее, так чтобы им больше не нужно было выносить боль? Чтобы смотреть, как жизнь утекает из глаз детей, что мать-природа создала и обязала защищать. И все ради чего?

Власти.

Денег.

Жадности.

И голода, который лишь наиболее ужасающая пытка может насытить.

Но не наблюдение за смертью её отца беспокоит меня.

А поглощение его грехов и принятия их как её собственных.

Никакой здравомыслящий человек никогда не переживет это.

Она уже сломана, несмотря на то, что остаётся сильной.

Она уже испытала небольшой вкус боли, которая должна прийти.

Но справится ли она с наводнением, которое собирается настичь её?

И самый большой вопрос: почему, бл*дь, меня это волнует?

23

Коул медленно ведет меня вниз по широкому коридору.

Стены обклеены дорогими обоями с золотыми листьями, полы — полированный деревянный паркет с персидскими ковровыми дорожками. Целый дом, напоминающий «Крэйвен Холл», — от художественного оформления до дорогостоящей обстановки. Если у меня и были сомнения относительно того, что это место принадлежит моему отцу, произведения искусства на стенах прогнали их прочь. Он всегда был коллекционером искусства, и часть коллекции украшает стены — это в его стиле. Не то, чтобы он приверженец, просто хочет обладать тем, что жаждут другие.

Когда мы достигаем конца величественной прихожей, то заворачиваем за угол и сталкиваемся лицом к лицу с Люком и Гримом. Воздух вокруг них слегка колеблется от волнения. Яркие объемные водовороты их аур пульсируют в воздухе красным и черным.

Я готовлю себя столкнуться лицом к лицу с яростью Люка, но ни один из мужчин не достаивает меня взглядом. Оба сосредоточены исключительно на моём муже.

Один кивок от Коула — всё, что требуется для них обоих, чтобы вытащить своё оружие.

В пальцах Люка гладкий черный пистолет, в то время как Грим удерживают небольшой ручной топор и устрашающе выглядящий охотничий нож. Также не ускользает от моего взгляда то, что у Коула нет никакого оружия. Он хочет использовать свои руки. Хочет покрыть их сладким свидетельством мести.

Движением руки Грим медленно открывает дверь перед нами и заходит в комнату, Люк следует за ним.

Коул не идет следом, его рука никогда не оставляет мою, его поза расслаблена, несмотря на ожидание, которое я могу почувствовать в его венах. Комната, в которую мы входим, темна и кажется пустой, точно такая же, как в моем более раннем видении, и точно так же, как и тогда, мы спокойно направляемся к дальнему концу комнаты, до того, как мы подходим к другой двери. Только, в отличие от моего предыдущего видения, безопасность была обновлена: замок открывается отпечатком пальца и мигает ярким зеленым светом.

Двое мужчин обеспечивают Коулу доступ, и он использует свою свободную руку, чтобы прижать большой палец к сканеру — дверь щелкает, немедленно открываясь.

В порыве движения Люк и Грим прорываются внутрь комнаты и прирастают к месту.

Коул проходит мимо мужчин и оставляет меня одну в дверном проёме. Дьявольский рёв вырывается из его груди, и воздух в комнате полностью замирает. Время, по-видимому, останавливается на его пути, его гнев — живое существо, которое захватило власть в пространстве передо мной.

— Отнеси, бл*дь, его вниз и вызови Дока сюда.

Люк мчится вперед, его тело все еще закрывает мне вид, пока Грим бросается мимо меня, его тяжелые ноги стучат, когда он за моей спиной выходит из комнаты и исчезает в прихожей. Я слышу, как где-то в отдалении он звонит доктору.

Оба, Коул и Люк, стоят в океане свежей крови, но их тела всё ещё скрывают её причину.

Я хватаюсь за дверной проем, не желая ни в коем случае входить в комнату, моё предыдущее видение всё ещё свежо в моём сознании.

Комната выглядит так же, как в моем видении: скамья — где женщину порезали на куски, как свежую тушу в мясной лавке — всё там же по-прежнему, как и клетка, и кресло дантиста. Здесь также некоторое количество новых приспособлений, включая «Колыбель Иуды» — табурет, имеющую форму пирамиды, окруженный веревками, которые используются, чтобы опустить человека вниз с намерением медленно и болезненно нанизывать отверстия жертвы на кол, растягивая их. И средневековая дыба, простирающейся вдоль дальней стены, пол перед ней окрашен запекшейся кровью. Эти новые дополнения указывают на длительное использование этой комнаты, зловоние в воздухе подтверждает собой регулярность присутствия здесь жертв.

«Сколько мужчин, женщин и детей погибли здесь?».

В то время, как я задаю себе вопрос, я эгоистично осознаю, что не желаю знать ответ.

Дделаю рваный вздох с облегчением, что не могу чувствовать присутствие тех, кто умер, если б стены состояли из аур, я уверена, что никогда бы не пережила этого зрелища.

Низкое мычание, сопровождаемое глухим стуком тела, упавшего на пол, возвращает моё внимание к Коулу, Люку и окровавленному человеку в их ногах.

Я могу видеть, как жизнь убывает всё дальше из этого бытия, и слабая аура рассеивается в пустоту.

Я делаю шаг вперед, перевожу дыхание, задаваясь вопросом: окажусь ли я сейчас лицом к лицу с моим отцом.

— Нет.

Слово незаметно проскальзывает на свободу, когда я вижу лицо человека.

Это — мужчина из моего недавнего видения, тот, кто сидел с моим отцом в кабинете, когда Мелинда и мальчики впервые прибыли сюда. Он, возможно, на двадцать лет старше, но это — точно он. Только теперь он собирается сделать свой последний вздох. Множество ножей торчат из его тела, красные реки крови на полу быстро увеличиваются, в то время как он истекает кровью перед нами.

Лицо синее, его невидящие глаза открыты, а голос слаб, но ясен.

— Он знает. Он знает, что вы идете за ним.

Коул наклоняется вниз, как только мужчина резко кашляет, красные брызги вылетают из его рта и покрывают одну сторону лица моего мужа.

— Он хочет, чтобы ты последовал за ним. Это — западня. Он знает, что вы видели видео. Он знает, что ты убил Джека. Он на один шаг вперед. Вы нуждаетесь в...

Предложение тает на его губах, его тело опадает, и его аура исчезает.

— *бать!

Люк вскакивает на ноги, переворачивая всё на своём пути.

Клетка сорвана и брошена в противоположную стену, скамья опрокинута в гнев. Его глаза обращаются к кресту на стене, и он начинает пытаться оторвать её с крепежа, его окровавленные пальцы впиваются в древесину, его ногти вырваны из плоти от жестоких попыток разрушить каждое устройство пыток в этой комнате.

Коул наблюдает за своим братом, не пытаясь его успокоить. Он понимает его потребность выпустить свою ярость. Но, в отличие от неспособности его брата успокоиться, я вижу, как Коул использует свой гнев, чтобы насытить себя. Тьма вокруг него растёт до тех пор, пока не угрожает занять большее пространство.

— Док прибыл.

Грим проходит мимо меня, его тело склоняется над полом рядом с покойником.

— Как, бл*дь, он узнал? Кто, черт возьми, предупредил его?

Его вопросы переполнены необходимостью убивать. Это выливается из него волнами. Кем бы ни был этот мужчина, они все оплакивают его. Он был важен для них. Они значительно ощущают его потерю. Он был одним из них.

— Я не знаю, однако найду кого-нибудь, кто снимет записи камер слежения. Я хочу выяснить, кто ответствен за это, и я хочу знать, куда делся этот ублюдок, — Коул ещё раз смотрит на своего мёртвого товарища. — Филипс предупредил меня о западне. Если этот трусливый ублюдок думает, что меня легко поймать в клетку, он ошибается. «Багряный крест» теперь мой, и я буду использовать все их ресурсы, чтобы добиться его головы.

Его глаза останавливаются на Гримере, два человека всё ещё игнорируют тот факт, что Люк громит комнату.

— Найди крысу. Приведи её мне до полуночи.

Грим кивает, его лицо расплывается в широкой маниакальной усмешке.

— О, и Люк, остановись от уничтожения дыбы. Я хочу отправить её в «Хантер Лодж». У меня есть несколько клиентов, которые должны почувствовать натяжение.

— *бать, да! — Грим хлопает его в грудь, соглашаясь.

Когда он почти поднимается, то наклоняется ближе к Коулу и вытаскивает что-то, висящее вокруг его шеи, и с гордостью показывает предмет.

Коул улыбается:

— Я вижу, что у тебя есть трофей, брат. Надеюсь, что ей не хватает её брильянтов.

— Зола и кости не могут носить серьги, она не нуждается в них там, куда она ушла, — с этими словами он встаёт, и я невольно смотрю на предмет вокруг его шеи.

В то время как он добирается ближе ко мне, мне видно отчетливее. Через дырку на кожаном шнурке висят два человеческих уха, украшенные большими брильянтовыми серьгами.

Эмилия Реншоу. Мать Гримера. Все, что от нее осталось, — жуткое ожерелье, гордо висящее на шее её сына.

Грим встречается со мной глазами, когда проходит мимо, его зубы сияют в широкой гордой усмешке. У него совершенные зубы, его резцы остры и выглядят так, как будто они способны разорвать вам горло.

Как только он покидает комнату, Коул сосредотачивается на своём брате, который, наконец, остановил свое неистовство разрушения и стоит перед стеной, его лоб касается голой штукатурки, его спина в буквальном смысле приподнимается от усилий.

Коул приближается к нему, как к одному из диких зверей. Медленно, осторожно, просто ожидая, что Люк будет атаковать.

Когда остается менее шага, он кладет свою руку на плечо брата и наклоняется к нему.

Всё тело Люка выпрямляется и становится напряженным. Его кулаки сжимаются по бокам, кровь капает с них и соединяется с цветом крови на полу.

— Время уезжать, брат, — тон Коула всё ещё мягок. Он ощущает боль своего брата, но не потворствует ей.

Наблюдать за ними вместе в этот момент — странно интимно. Их связь очевидна, в то время как они дают и черпают силы друг у друга. Сражение истощило тело Люка, и Коул убирает свое прикосновение, отступая и аккуратно обходя безжизненное тело Филипса.

Мой муж вытаскивает свой телефон из кармана, и я слышу простую команду:

— Пришлите уборщика, — затем он вспоминает обо мне. Его голова поворачивается в мою сторону, лицо лишено эмоций, мысли заблокированы.

Он смеряет меня взглядом. Он задаётся вопросом, имею ли я какое-либо отношение к небольшому сюрпризу от моего отца. Я могу практически видеть, как его голова отрицательно поворачивается из сторон в сторону, но всё равно это прожигает мою грудную клетку — то, что он изначально поддерживал эту мысль.

Хотя, кто я такая, чтобы мне доверять?

Он прав, не доверяя мне. Я — враг, в конце концов.

— Он будет скрываться у всех на виду.

Его глаза сужаются от моего предположения.

— И почему ты так думаешь, принцесса?

Я прочищаю своё горло, мои слова до хорошего меня не доведут.

— Говори.

Команда исходит от Люка. Хладнокровный, но все же крайне ужасающий Люк подходит, чтобы встать рядом со своим братом.

Я сглатывает сухость во рту, нервно облизываю губы, молясь тому, чтобы передаваемая мной информация была правильной.

— У него есть протоколы на случай переворота. Только самым высокопоставленным членам Пирамиды известно о них.

Люк скрипит зубами и делает шаг вперед.

— Мы знаем, зверушка. Его безопасный дом в Шотландии...

Я перебиваю его, неспособная скрыть свой внезапный взрыв гнева.

— Если бы вы позволили мне закончить, я бы сообщила, почему я знаю, что ваша информация ложная.

Оба мужчины впиваются в меня взглядом, и вместо того, чтобы сжаться, я выпрямляюсь в полный рост, расправляю свои плечи и продолжаю:

— Да. Дом в Шотландии — это крепость, и его местоположение настолько конфиденциально, что только избранные знают, где он, но избранные — это слишком много для моего отца. Он не доверяет никому. Я знаю, где он будет скрываться, я помню, как он говорил моей матери много лет назад, как он будет держать её вечность и что её никогда не найдут, так как она будет спрятана в самом очевидном месте.

— Он в «Крэйвен Холле».

Мои глаза опускаются на Коула, и взрыв гнева ярко светится в нём, прежде чем он усмехается.

— Ублюдок думает, что он один может обыграть нас, мы попадем в жесткий переплет в безопасном доме, а информатор готов предупредить нас о его прибытии, но мы не озадачились наблюдать за «Крэйвен Холлом». Насколько глупым надо быть, чтобы спастись бегством в очевидное место?

— Не глупым. Умным, — вставляет замечание Люк.

— Но недостаточно умным, — улыбка Коула смертоносна, света в его глазах достаточно, чтобы ужасать любого, но не меня. Я нуждаюсь в убийце в нём, чтобы стать сильнее, чем прежде.

— Пойдем, принцесса, или я должен говорить — моя королева? Наши подданные ждут, и ни один из них не ожидает увидеть тебя на моей стороне. Мне нравится иметь элемент

неожиданности, и ты превращаешься в моё секретное оружие.

Я не думаю, что он подразумевал под этим похвалу, но как женщина эмоционально изголодавшаяся, которой я и являюсь, я воспринимаю это как правду, и мне хочется улыбнуться, греясь в теплом жаре, пробужденном его словами.

Он обращается ко мне и берет меня за руку, но Люк останавливает его, хватая за предплечье, чтобы остановить его движение.

— Ты доверяешь шлюхе Крэйвен, брат? Ты желаешь поставить под угрозу годы нашей работы из-за того, что она сказала? — он выплевывает слова через стиснутые зубы, яд в его тоне безошибочен.

Взгляд Коула становится задумчивым, затем он отвечает:

— Доверие — это сильное слово. Если ты спрашиваешь: верю ли я ей, то мой ответ — да.

Он не доверяет мне, а почему он должен это делать?

— Если она ошибается... — слова Люка режут мою грудную клетку как нож. Коул освобождает свою руку от захвата брата и движется за моей рукой. — Если она ошибается, ты сможешь наказать её, брат.

— Без каких-либо условий?

Коул смотрит непосредственно на меня, но говорит с Люком, слегка кивая своей головой, сопровождающей его слова:

— Без каких-либо условий.

Если я ошибаюсь, мне уготована участь, ожидающая моего отца.

Если я ошибаюсь, это будет моя кровь, капающая с кулаков Люка.

Я беру руку моего мужа и принимаю свою судьбу.

24

Алек Крэйвен всегда умудрялся оставаться на шаг впереди нас.

Его прапрадед был тем, кто начал эту давнишнюю вражду, которую мы, Хантеры, скрывали из поколения в поколение, просто выжидая наше время, чтобы уничтожить династию, и она прервется на Алеке.

В день, когда он заманил мою мать, чтобы погубить, самый первый день, когда я и мой брат были лишены нашего детства, — день, предопределивший его судьбу.

Он умрет от моей руки.

Его род умрет вместе с ним.

Убийство Филипса было шикарным ходом. Человек был предан нам, начиная с того дня, когда он вломился к Крэйвену, насилующему мою мать на столе с декоративной резьбой в его доме в Голландском парке.

Он не просто изнасиловал её, он также заставил её вести себя так, как будто ей это нравилось.

Он сделал запись, где она стонала его имя, её наманикюренные ногти царапали его спину, когда он с силой врезался в каждое из её отверстий.

Она истекала кровью для него, окрашивая его стол своей добродетелью.

Затем он оставил свидетельство, чтобы нашел мой отец, а остальное — история.

«Что заставляет любящую жену и мать кричать в принудительном экстазе, когда сам дьявол трахает её задницу на сухую?»

«Любовь».

Ее любовь к нам погубила её.

Он показал ей прямую трансляцию нас из его камеры пыток. Он описал в ярких красках, как он и его люди неоднократно насильвовали пятилетку до смерти. Они насильвовали её, пока заставляли родителей ребенка смотреть. Потом они осквернили их сына-подростка. Засовывали предметы в его тело до тех пор, пока он не стал истекать кровью от внутренних повреждений.

Она слышала каждую ужасающую деталь, пока плакала из-за её мальчиков, за которыми беспомощно наблюдала на зернистом экране слежения, на который камеры транслировали этот ужас. Когда он закончил свою историю, он дал ей выбор.

Она выбрала нас.

Мой отец превратился в монстра из-за Алека Крэйвена.

Он убил свою единственную истинную любовь из-за Алека Крэйвена.

Его мечь?

Жена Алека Крэйвена.

Мать Фей.

Шлюха Крэйвен.

Она заслужила такое название за то, что забрала нашего отца от нас. Монстра, которого мы боялись, она заманила в свою кровать.

Наши юные глаза знали, что он убийца.

Наши опустошенные сердца не понимали, почему он безжалостно зарезал нашу мать за грех, который он продолжал скрывать.

Наши невинные жизни превратились в наказания, возмездие и избиения, и всё это в то же самое время, когда он выставлял перед нами на показ шлюху Крэйвен с его нежными прикосновениями и сердечными обещаниями спасти её от жизни в ловушке, в которой она оказалась.

Только теперь я понимаю, что это был ещё один вынужденный грех.

Расплата за смерть нашей матери.

Возмездие за роман, которого никогда не было.

Наш отец прятал своего вновь пробужденного зверя всякий раз, когда шлюха Крэйвен была рядом.

Она влюбилась в его обещания безопасности.

Все это время он дразнил её мужа и подталкивал к действиям.

Он не любил её.

Он презирал её.

Фей и меня объединяет еще одна вещь.

Обе покойные матери были уничтожены любовью.

Любовь убивает.

Это не сердечки и цветочки.

Это — смерть и кровь.

25

И снова я оказываюсь внутри Империи.

По крайней мере, теперь в другой комнате. Эта богато украшена темными деревянными полами, которые так сильно отполированы, что клянусь, можно увидеть отражение в них, а тёмно-красные стены с тяжелыми драпировками создают иллюзию утробы матери.

Шикарные диваны из мягчайшего бархата расставлены на протяжении огромного пространства, все сосредоточены на вращающейся платформе в самом центре комнаты, которая на три фута выше уровня пола. Посередине сцены установлена кровать. Огромная, покрытая винилом, она может с удобством разместить дюжину людей, возможно даже больше.

Хотя комната безупречно чиста, никакое количество хлорки или чистящих средств не смогут когда-либо удалить запах секса.

Он цепляется за воздух, покрывая всё и вся туманом грязи и похоти, с какой бы стороны ваши взгляды не отклонялись.

Комната пуста, не считая меня, Коула и Люка, за кем я покорно следую к наиболее доступной зоне отдыха, в то время как они занимают места, я по-прежнему спокойно стою около своего мужа.

Нервы начинают пузыриться в моём животе, и моя голова идет кругом, когда я задаюсь вопросом: почему Коул выбрал именно эту комнату для обращения ко всем руководителям членов Пирамиды.

Эта комната, очевидно, используется для сексуального развлечения. Кровать достаточно большая, чтобы предположить, что она видела достаточную долю массовых оргий, а диваны, разбросанные по комнате, — все с превосходным видом на сцену, — указывают, что какие бы действия здесь не происходили, многие стремятся на это посмотреть.

Коул и Люк сидят в расслабляющей тишине, но с каждым моментом ожидания мой страх только увеличивается. Мы недолго ждем, прежде чем множество людей начинают неторопливо входить в комнату. Как только они занимают свои места, один из сотрудников, как кажется, появляется из ниоткуда, чтобы прислуживать им.

Коул сжимает руку, что я положила на подлокотник дивана, и притягивает меня сесть рядом с ним.

Из-за полупрозрачного занавеса появляются достигшие брачного возраста молодые девушки в различной стадии обнажения, в сшитых портным костюмах, словно воплощая любую мужскую прихоть.

Спиртные напитки заказаны и поданы.

Девушки заказаны и поданы.

Некоторых всего лишь заставили сесть рядом с мужчинами, которым они должны здесь уделить внимание, в то время как другие работают в парах и начинают показывать сексуальные действия друг с другом на полу, у мужских ног.

Когда комната наполняется до предела, ласки становятся более развратными.

Там, где мы все трое сидим, — одно из основных мест в комнате с полным обзором каждого, кто входит, и я наблюдаю, впитывая всех и каждого. Я группирую в определенном порядке имена мужчин, которых я знаю, и запоминаю лица тех, кого нет. Я жила этой жизнью достаточно долго, чтобы понимать, что знание — это сила, так что я впитываю каждую каплю.

Коул и Люк устанавливают зрительный контакт только с несколькими мужчинами и обмениваются кивками, прежде чем отвернуться.

Мой взгляд скользит по комнате, преднамеренно надолго не задерживаясь на любой из разыгрываемых передо мной сцен, но невозможно не замечать то, что происходит, и некоторые из видов заставляют меня ерзать на месте.

Человек слева от меня откидывается на диван, его ноги широко расставлены, в то время

как одна рука подносит хрустальный стакан со скотчем к его губам, тогда как другая наматывает на кулак волосы симпатичной блондинки, пока она заглывает его член от самой головки до основания с непринужденностью профессионалки. Так ни разу и не сделав рвотных движений, тогда как его ленивые толчки — тяжелые беспощадные удары глубоко в её горле. Его брюки по-прежнему на нём, так что видно только его член из расстёгнутой ширинки, сцена становится только еще более эротичной из-за этого.

Двое других мужчин разделяют диван справа от меня, оба глотают свои спиртные напитки до того, как ставят их на спину голого раба, которого они купили, стоящего на четвереньках у их ног.

Позади них другие мужчины оживленно болтают, едва бросая взгляды на двух девушек, которые перед ними. Две девушки растянулись в позе шестьдесят девять, вылизывая киски друг друга с необузданным голодом. Девушки извиваются друг на друге, лица в экстазе, громко выкрикивая похотливые стоны, полностью забыв о комнате вокруг них. Я замечаю, что они не носят ошейники, — это не рабы, по-видимому, это просто девушки, желающие поучаствовать в действе логова распущенности.

Я ерзаю ещё раз, слыша гортанный стон, срывающийся с губ одной из девушек, в то время, когда она кончает на язык другой. Коул останавливает мои взволнованные движения, разместив свою руку на моём бедре и твердо сжав.

Он наклоняется в мою сторону, его мягкие губы скользят по моему уху.

— Тебе неудобно, принцесса? Или ты неспособна сидеть неподвижно из-за боли, которую ты ощущаешь между своих бёдер?

Его рука хватает меня сильнее, перемещаясь выше по моей ноге, от его большого пальца и ладони через мою одежду глубоко в мою плоть просачивается жгучее тепло, но недостаточно близко к самой боли, о которой он говорит.

Я должна чувствовать отвращение, а не возбуждение из-за необходимости быть свидетелем всего этого. Только мысль о том, чтобы сделать все эти вещи с Коулом, приводит к тому, чтобы моё сердцебиение превратилось в отбивающую барабанную дробь в верхней части моих бедер.

Его член у меня во рту.

Его губы на моей чувствительной плоти.

Его бедра неумолимо толкаются, вводя себя глубоко в мою киску.

У меня слышно перехватывает дыхание, когда его пальцы сгибаются, и кончик его мизинца задевает мой чувствительный холмик.

Я одновременно хочу оттолкнуть его и притянуть ближе, не желая большее его прикосновения, но нуждаясь в этом также сильно, как и в следующем дыхании.

«Не здесь, не бери меня здесь».

Мой разум молчаливо умоляет его не заходить дальше.

Мой тело осознает, что будет неспособно остановить его, если он решит взять то, что его.

Я — его, чтобы обладать мной. Его, чтобы использовать. Его, чтобы причинить удовольствие... или боль.

Его мизинец по-прежнему остается у моих прикрытых материалом интимных частей тела, не шевелясь, не увеличивая давление, всё же я едва могу дышать из-за взрыва чувств внутри меня.

Я концентрируюсь так сильно на удержании этих чувств внутри меня, что

величественные двойные двери в огромной комнате закрываются до того, как я успеваю полностью восстановить контроль над собой.

— Шоу вот-вот начнется, принцесса.

Его голос щекочет моё ухо, дрожь прорывается вниз по моему позвоночнику, а мой пристальный взгляд следует по пути всех остальных на вращающуюся сцену.

Предвкушение звенит в воздухе, и мне приходится закрыть глаза из-за взрыва цветов, циркулирующих в комнате. Волнение, похоть, а от некоторых — апатия. Если я смогу сконцентрироваться, то увижу лица тех, чья аура сообщает мне, что они не хотят здесь находиться по какой-либо причине. Смогу ли я найти друга или врага в глазах мужчин, которые не желают принимать участие в том, что должно произойти?

Я полностью поглощена блокированием эмоций каждого в комнате, так что мне требуется время, чтобы заметить, что теперь я сижу одна.

Мой паникующий взгляд ищет Коула и Люка и натывается на сцену, где они оба стоят, их присутствие привлекает всеобщее внимание, прежде чем любые слова были произнесены.

Тишина накрывает комнату.

Девушки, которые заботились о каждой прихоти мужчин, собравшихся здесь, отосланы по щелчку руки, они уходят, не оглядываясь назад. Только рабы остаются, глаза опущены в пол, выражения их лиц — кроткие, раболепные и повинующиеся.

Мои глаза ещё раз находят братьев Хантер.

Коул с его мощным телом и лицом ангела, и Люк с его таким же внушительным телом, но с темной красотой.

Как только они уверены во всеобщем внимании, Коул говорит:

— Братья, сегодня вечер нового порядка. «Багряный крест» таким, какой он был, умер и возродился подобно фениксу, восставшему из пепла, — мы переродились, жаждущие нашего нового бытия.

Все по-прежнему пригвождены к месту взглядом моего мужа, и я могу видеть цвета в комнате, где подавляющее большинство хочет работать с Хантерами на благо нового лидерства. Хотя здесь есть несколько, кто не хочет этого изменения. Я задаюсь вопросом, знает ли Коул, кто они, и также это очевидно для него, как и для меня?

Коул осматривает комнату, прежде чем продолжает:

— Стало очевидно, что в наших рядах есть змея. Я пока все ещё не уверен, кто именно Иуда и единственный ли он, или же предателей больше одного. Но, поверьте мне, когда я говорю, что мы выясним, кто нас предал, — мы сделаем это, и человек поплатится кровью.

Я ещё раз поворачиваю свою голову, чтобы осмотреть комнату — мои глаза болят от вспышек аур, пульсирующих и постоянно изменяющихся.

Большинство сердиты, эти мужчины, которые изучают место так же, как и я, их взгляды оценивают, пытаюсь вычислить, кто из их «братьев» пошел против них. Некоторые волнуются, и я не могу сказать это из-за того, что им есть, что скрывать, или они боятся, что их ложно обвинят, но один человек выделяется. Его аура плотна от гордости. Он самодоволен, его основательно пустое лицо легко маскирует обман, который я могу видеть, он скрывается за его идеальным внешним видом. Он смотрит на Коула и Люка, ни разу не отведя свой пристальный взгляд и, хотя я слышу движение, исходящее из-за сцены, мои глаза по-прежнему зафиксированы на этом мужчине, так что я вижу тот самый момент, когда тщательно продуманная манера поведения ускользает.

Отрывая свои глаза от мужчины, теперь окруженного толстыми облаками потрясения,

гнева и удивления, я обращаюсь к сцене ещё раз, чтобы выяснить, что же сломало его.

Грим стоит между Коулом и Люком, его жуткое ожерелье гордо располагается на груди, маниакальная улыбка растягивает губы, а у его ног расположена голая, связанная женщина с кляпом во рту.

Я знаю её.

Несмотря на веревки, врезающиеся в её кожу, кляп, засунутый в её рот и широкую повязку на глазах, я знаю её — я узнаю её, где угодно.

Магдалена Крэнмер. Моя бывшая надзирательница.

Она — старше меня лет на десять, стала моим личным ассистентом в свои поздние подростковые годы, где-то в двадцать с небольшим. Даже маленьким ребенком я знала, что не было ничего хорошего в ней. Но это не остановило меня от поиска её привязанности, я жаждала этого и постоянно попадала в её манипулирующие игры, которые всегда заканчивались ужасно для меня.

Я смотрела на своего прежнего мучителя, пока она пыталась сделаться такой незаметной, настолько это только было возможно на большой сцене, втягивая голову в плечи и пытаясь прикрыть свое тело связанными руками. Я должна была чувствовать себя плохо из-за неё, но я не чувствовала ничего.

Хорошо, это не совсем правда, мне было любопытно. Мне хотелось узнать, почему Грим схватил её и почему у мужчины на противоположной стороне комнаты такая сильная с ней связь.

Мне не пришлось долго ждать, чтобы получить ответ, по крайней мере, на один из моих вопросов.

Я вижу, как Коул кивает Гриму, который ухмыляется в ответ. Затем Грим наклоняется вниз, достаточно для того, чтобы намотать на свой кулак длинные темно-рыжие волосы Магдалены, вырывая из нее хныкающий звук, прежде чем она бесполезно пытается вырваться из его хватки. Я вижу, как возбуждение вспыхивает вокруг него, пока он наблюдает за её борьбой, и он позволяет ей несколько секунд подождать, прежде чем жестко тащит её и ставит на ноги, используя только её волосы как рычаг.

Она качается и угрожает рухнуть в его сторону, её голова неловко крутится, пока женщина пытается уменьшить боль от натяжения кожи её головы. Грим не позволяет ей эту передышку и тянет её перед собой, одна рука удерживает её голову, другая — сжимает шею.

Тем временем, Коул продолжает говорить:

— Позвольте мне представлять вам разогрев сегодняшнего вечера, — он указывает рукой в её сторону, как будто объявляет нового исполнителя на сцене. — Это Магдалена. Некоторым из вас она знакома, некоторым — нет. Вам не нужно знать, кто она — только то, что она сделала. Мэгги отсюда снабжала Алека информацией. Информацией, которую она не могла бы выяснить самостоятельно. Но, это еще не все... — он быстро смотрит на меня, прежде чем продолжает, — она пыталась сломать кое-что моё.

Глаза Коула осматривают комнату, в то время, когда он говорит, и останавливаются на мужчине, за которым я прежде наблюдала. Я вижу искру красной вспышки его ауры, прежде чем он позволяет своему пристальному взгляду упасть на следующего мужчину.

— Таким образом... ставя под угрозу всё, что мы планировали годами, она снабжала Алека информацией, поэтому должна поплатиться за это, — он вновь переводит свой пристальный взгляд на мужчину до того момента, как вновь отвести его. — Она должна заплатить за убийство Филипса, — он кивает Гриму, и я вижу, как его лицо в шрамах

загорается, проходят секунды, прежде чем он подносит свой любимый охотничий нож к горлу Магдалены.

— А также за обман кое-кого, кто принадлежит мне — она должна тоже заплатить.

Грим вжимает острие ножа в плоть Магдалены достаточно жестко, чтобы струйка крови полилась из пореза, оплетая шею и скатываясь между грудей.

— Обычно, — продолжает Коул, — я бы предложил её любому, кто захотел бы её взять и использовать — попрактиковать содомский грех с ней, чтобы продемонстрировать ей, что случается, когда предаешь новый «Багряный крест». Но... — его глаза опускаются на того же мужчину ещё раз, — это будет слишком легким наказанием для нее.

Когда последнее слово покидает его губы, Грим принимает его реплику и отрывает свой нож от её плоти.

Я осознаю то, что должно произойти, но не могу оторвать взгляд.

Одним быстрым движением, словно наблюдая, как горячий нож проскальзывает в масло, он погружает лезвие в центр её груди, как раз под её грудной костью, и тащит его вниз, разрезая кожу прямо до пупка и останавливаясь только тогда, когда нож доходит до уровня таза. Он ослабляет свою хватку на её волосах, и почти как в замедленном движении она соскальзывает на пол с негромким глухим стуком, что издает тело.

Положение её тела позволяет фатальной ране широко раскрыться, и её внутренности выливаются из неё. Кровавая масса внутренностей просачивается из её тела, как клубок окровавленных змей, кувыркаясь и проливаясь мясистой кучей снаружи живота.

Магдалена задыхается и трясется от шока, её движения только помогают большему количеству внутренних органов извергнуться из ее вспоротого живота.

Меня рвет прямо там, где я нахожусь. Это происходит мгновенно и полностью бесконтрольно. Моё тело оправляется от шока, и я хочу в отчаянии изгнать вид, звуки и запахи, которые заполняют эту комнату.

Никто не приходит ко мне на помощь. Моё скрюченное тело сгибается, и я задыхаюсь, неспособная следовать командам моего мозга, чтобы прекратить исторгать рвоту.

Никто не двигается, и, несмотря на то, что всё двоится из-за болезненных слез, ослепляющие мои глаза, я всё ещё могу видеть различные водовороты цветов, вращающиеся по комнате в беспорядочном безумстве, мой мозг неспособен справиться с натиском.

Единственный выстрел прорезает воздух, сопровождаемый глухим стуком большого тела, падающего на пол. Этого достаточно, чтобы заставить меня встать вертикально, последующий головокружительный натиск и вспыхивание цветов, угрожает заставить меня извергнуть рвоту ещё раз.

Я смотрю на сцену и вижу Люка, стоящего твердо, его пистолет вытянут перед ним.

Я следую за направлением его руки к его цели и вижу мужчину, за которым я ранее наблюдала, — резко осевшим на пол с единственным огнестрельным ранением в его лбу.

Все взгляды в комнате прикованы к упавшему мужчине, либо к Коулу, и я чувствую, что должна сесть, прежде чем упаду.

Я слышу его голос, но не могу достаточно сосредоточиться, чтобы увидеть его лицо.

— Ладно, это было также легко, как предложить ослику морковку.

Использование им моих ранее произнесенных слов не остаётся незамеченным мною, и я напряженно слушаю, когда его глубокий голос продолжает обращаться к пораженной публике в комнате.

— Об этих двух наших проблемах мы позаботились, я надеюсь, что не будет больше

никаких причин искать, а так же напоминать всем, что мы разделяем общую цель.

Ропот согласия проносится по всей комнате, но никто не высказывается. Коул принимает это как достаточное подтверждение согласия и заканчивает:

— Спасибо за ваше время, джентльмены. Согласно нашему регулярному контакту, вы все будете кратко проинформированы о приобретении первичной цели завтра, и я лично принесу вам голову человека, который превратил нашу организацию не более, чем в одну дурную славу. Я надеюсь, что все вы насладитесь остальной частью вашего вечера, моя жена требует некоторой заботы и внимания, так что я оставляю вас в способных руках моего брата, если у вас есть любые вопросы или предложения.

Я слышу движение, и когда поднимаю взгляд на своего мужа, он держит свою руку перед собой, ожидая, что я приму её.

Когда он видит, что я неспособна двигаться, он ступает вперед, нагибается и поднимает меня на руки.

Я полностью ошеломлена.

«Это причина, — говорю я себе, — почему должно быть так хорошо, положить мою голову на его плечо, закрыть глаза и отгородиться от всего мира. Единственная причина, по которой я охотно принимаю комфорт его крепких объятий».

Мы оставляем Империю, не обменявшись и словом. Он забирается на заднее сиденье своего городского автомобиля, не отпуская меня, и я располагаюсь в его объятьях. Я не уверена, были ли это секунды или минуты, но мой разум полностью закрывается, наряду с моим телом, и я засыпаю, слушая мощный ритм сердца Коула.

26

Я никогда раньше не держал так женщину.

Я никогда не чувствовал, чтобы чьё-то тело стало близким моему, я никогда не чувствовал теплые изгибы, прижимающиеся к моей твердости.

Единственное время, когда я прикасаюсь к женщине, — когда трахаю её.

Я доминирую, я контролирую, я никогда не предлагаю комфорт.

Это полностью чуждо мне, и что более пугает — это правильность, которую я чувствую.

В то время как автомобиль везет нас обратно в «Хантер Лодж», я сижу с Фей в моих руках и смотрю, как она спит.

Её маленькая грудь вздымается и опускается от каждого мирного вздоха, и её лицо ещё более бледное после того, как она стала свидетельницей места преступления, расслаблено. Её насыщенные розовато-алые губы слегка приоткрыты, и я могу чувствовать каждый выдох её теплого дыхания, когда оно проходит через хлопок моей рубашки и щекочет кожу на моей груди.

Эта женщина красива.

Это моя женщина.

Я, возможно, хотел сломать её, я всё ещё хочу сломать её, но под всем этим я также хочу восстановить её.

«Как я мог так облажаться?»

«Как может кто-то такой сломанный, извращенный и уродливый, как я, когда-либо попытаться восстановить кого-то, как она?»

Ужасная, омерзительная и совершенно чудовищная сущность, которая делает меня тем, кем я являюсь, несомненно, поглотит её красоту и порвет её в клочья.

И, что хуже всего, я эгоистично позволю этому произойти.

В свою очередь, я использую своё уродство, чтобы уничтожить всё, что причинило ей вред.

В красоте есть мир.

А у меня, бл*дь, так долго не было мира, и нет ни единого шанса, что я позволю кому-нибудь или чему-нибудь забрать это у меня.

27

Я просыпаюсь одна, окружённая простынями Коула и заключенная в его аромат.

Несмотря на темноту, охватывающую комнату, я знаю, что нахожусь в его кровати и обнажена.

Неуверенно потягивая свои ноги, я отодвигаюсь от теплоты, где только что лежала, к более прохладным хлопковым простыням и спокойно оцениваю моё тело, несмотря на знание, что ничто не случилось со мной. Рациональная часть моего мозга борется, чтобы высказать своё мнение — требует, чтобы я проверила.

Полностью удовлетворенная своей психической оценкой, я внимательно прислушиваюсь к любым звукам в пределах комнаты и определяю, что я действительно одна. Я выскальзываю рукой из-под одеяла и вожусь на тумбочке, пока не дотягиваюсь до лампы.

Теплое сияние лампы подтверждает, что я точно в голубой спальне Коула. Край искусственного освещения поражает низ полотна, изображающего его мать, — выдвигая на первый план только кончики пальцев её ног, и хотя темнота делает невозможным увидеть полное изображение, мои глаза следуют к её лицу. Я не могу помочь, но задаюсь вопросом: что случилось с ней в день моего видения? Что мой отец сделал, чтобы вызвать её смерть? Поскольку я знаю, что он был причиной этого, даже если отец Коула был тем, кто совершил этот акт.

Её образ запечатлен маслом и не раскрывает своих тайн, а я сижу и даю обещание мёртвым матерям, им обеим: и моей, и Коула, что, так или иначе, мужчина, который забрал их от детей, заплатит самую высокую цену.

Щелчок открывающейся двери обрывает мою молчаливую клятву, и секундой позже мой муж заходит в комнату, одетый в тот же костюм, что и прошлым вечером.

Его помятый внешний вид и тёмные круги под ледяными голубыми глазами указывают, что он вообще не спал прошлой ночью. Я должна чувствовать облегчение от того, что он не лег со мной, но не чувствую, я чувствую только необъяснимую печаль. Я отслеживаю его движения, пока он пересекает комнату и заходит в ванную.

— Ты была права, принцесса, — его низкий голос звучит слегка приглушенно из-за закрытой двери ванной. — Он в «Крэйвен Холле».

Я слышу журчащую воду, сопровождаемую звуками чистящихся зубов. Он появляется минутами позже: грудь обнажена, кнопка и ширинка его брюк расстёгнуты, выставя темно-русую полосу волос, исчезающую в его черных боксерах, с капельками воды, стекающими с кончиков его длинных волос.

Его взъерошенный и влажный вид притягивает взгляд, скульптурная грудь слишком сильно сияет в тусклом искусственном освещении.

Я не должна желать этого мужчине, несмотря на нашу разделенную цель.

Я смотрела, как этот мужчина убивает, и видела, как он наслаждается убийством, но всё

же я отчаянно желаю его прикосновений.

Я отвожу свои глаза прочь, прекращая сверхвнимательное изучение голого торса и удерживаю взгляд на простынях, обернутых вокруг меня. Мои пальцы рассеянно возятся со швом хлопка, мой разум нуждается в движении, чтобы отвлечь меня от моих ничем не оправданных мыслей.

— Посмотри на меня, Фей.

Я медленно поднимаю свой взгляд, как будто моим глазам тяжело и требуется вся моя сила, чтобы повиноваться. В действительности, я знаю, что обнаружу, когда подниму их, и это знание вынуждает меня сдерживаться, посылая дрожь ожидания вниз по моему позвоночнику. Это дрожь страха, поскольку я не хочу увидеть то, что он хочет продемонстрировать мне, но это также — дрожь нужды, поскольку я никогда не хочу видеть что-либо ещё.

Затем я поднимаю глаза, нагло уставившись на его тело, скольжу взглядом от его лица до грудных мышц и ниже, ниже, ниже... неспособная остановиться до того, как они опускаются на его очевидную эрекцию, натягивающую ткань брюк.

С медленным вздохом, я выдыхаю. Один его полуголый вид, и мне так нелегко остановить немедленное возбуждение: болезненное ощущение распространяется непосредственно между моими бедрами.

Мои соски напрягаются и превращаются в острые пики, тонкая ткань простыни ощущается угнетающей на моей возбужденной коже. Воздух в комнате превращается из прохладного в удушающий за считанные секунды.

Я вижу, как кулаки Коула сжимаются у него по бокам, его левая рука дергается практически незаметно, прежде чем начинает целенаправленно двигаться, вытаскивая твёрдую длину из брюк. Его рука скользит вниз до того, как обводит круг у основания, его хватка твердая, и головка его члена покрывается влагой от прикосновения.

Я проглатываю сухость во рту.

— Наблюдай за мной.

Команда. Всегда команда. И его тон заставляет меня подчиниться.

В его приказе не было необходимости, так как я уже прикована к месту, и мой пристальный взгляд приклеился к каждому ритмичному движению кисти по его стержню.

— Должен ли я рассказать тебе, о чём я думаю прямо сейчас?

Вопрос.

Слова — нежелательные нарушители, вторгающиеся в сцену, разыгрываемую передо мной.

— Нет, — шепчу я ложь осипшим голосом.

— Нет? — в его голосе таится намек на поддразнивание, но не легкое, а жестокое и служащее только для того, чтобы усилить моё желание до невыносимо высокого уровня. — Разве ты не хочешь узнать, какого рода мысли делают меня таким твердым? Несмотря на всю хрень, которая произошла за последние несколько дней, эти мысли никогда не выходили из моей головы. Издеваясь надо мной, подталкивали меня взять тебя и сломать, пока ты больше не будешь отзывать ни на кого, кроме меня.

— Нет. Не надо, — звучат слабые слова. Слабая отговорка, прозвучавшая в моем ответе, никого не убеждает, мы оба знаем, что я хотела бы сказать другие слова.

— Я не верю тебе.

Его движения замедляются, в то время как он начинает поглаживать медленными

движениями кулака до самой головки, где его ладонь неторопливо вытирает капельку предэякулята, прежде чем он скользит твердой хваткой вниз по всей длине.

Он ухмыляется, и я могу слышать это в его голосе, несмотря на то, что мои глаза жадно продолжают поглощать вид передо мной.

— Тебе нравится наблюдать, не так ли, принцесса? Я заметил это в «Империи». То, как ты ерзала на своём месте, сжимая свои бёдра, пока те девочки вылизывали киски друг друга. То, как ты отодвигалась и извивалась, когда наблюдала за тем, как мужчина таранит своим членом горло своей рабыни.

Я трясую своей головой, неспособная больше выразиться словами.

— Я тоже люблю наблюдать, но это не чужие губы оборачиваются вокруг моего члена — вот, о чём я думаю, когда делаю это, — он делает шаг к кровати, и я инстинктивно отодвигаюсь дальше по матрасу. — И это не чужая тугая киска, которую я чувствую, стискивает меня до оргазма, — ещё один шаг вперед, но мне некуда бежать. — Это не их длинные волосы, которые я представляю, намотаны на мой кулак.

Его движения кисти набирают темп, и мне удается резко отодвинуться на самый дальний край кровати, пока я не упираюсь спиной в стену, пойманная в ловушку.

У меня появляется возможность быстро взглянуть ему в лицо, и его улыбка напоминает мне льва, готового атаковать свою добычу.

Он останавливается, когда его голени достигают края кровати. Движения по его длине ни разу не замедляются.

— Я расскажу тебе секрет, принцесса. С той секунды, когда я увидел тебя и поклялся заставить другую шлюху Крэйвен заплатить, я боролся с этим, — он показывает жестом на свой твердокаменный член, яростно усиливая хватку на нем.

— Пришло время тебе выполнить твои супружеские обязанности и освободить своего мужа от его бремени.

И хотя я стремлюсь сделать это, я лишь бессмысленно пялюсь на покрасневшую и раздувшуюся головку его члена, которую он безжалостно стискивает в своём кулаке, я хочу, нет, я нуждаюсь попробовать её на вкус, но я ведь не должна чувствовать подобное.

Он сказал, что заставит меня умолять его. Он будет долго ждать. Никто не может желать того, чего у него никогда не было.

Упрямо выпятив подбородок, я встречаюсь своими глазами с его глазами, наполненными похотью.

— Если ты чего-то хочешь от меня, тебе лучше это взять. Я никогда не отдам тебе это по доброй воле.

Затем он смеется — звук чуждый моим ушам, но являющийся ещё большим эротическим возбуждением.

— Ох, принцесса. Твоё тело уже подчинилось мне много раз, или ты забыла? Ты можешь обманывать свой разум, веря лжи, но твоё тело предаёт тебя.

Я качаю головой, отказываясь принимать то, что я знаю — это правда. И я глупо рассчитываю на то, что, натянув крепче на себя простынь, я остановлю то, чтобы не собиралось произойти со мной.

Я визжу, когда его свободная рука выхватывает и вырывает из моих рук простыню одним резким рывком. Потрясенная своей выставленной напоказ наготой, я двигаюсь недостаточно быстро, чтобы укрыться от его руки, захватывающей мою лодыжку, и ещё одним мощным рывком я опрокинута на край кровати, моё дыхание затруднено.

Я могу пинаться, кричать и царапаться, но это будет бесполезно.

Для меня нет никакого спасения — мы оба это знаем, и в этот момент я не хочу вырваться на свободу.

Ещё один рывок, и мои ноги свисают с края кровати с обеих сторон его массивных бедер. Мое лоно выставлено на обозрение и раскрыто.

Он продолжает поглаживать свой огромный пульсирующий член, пока его глаза пожирают вид моих розовых широко раскрытых складочек, за несколько дней волосы на моем выбритом холмике отрасли и покрыли чувствительную кожу.

Он глубоко вздыхает, пробуя в воздухе аромат моего возбуждения, и я знаю, что он может ощущать его, поскольку он густой и опрометчиво цепляется за каждую пылинку в комнате.

— Я не собираюсь трахать тебя, принцесса. И причина, почему я не собираюсь делать это — это то, что твоя блестящая киска говорит мне, что ты хочешь меня, даже когда другие твои губы говорят, что нет.

Он ускоряет свои движения, толкаясь в свой кулак снова и снова, пока его глаза упиваются моим видом.

Практически болезненное гудение моих половых органов преобразуется из боли в пылающую нужду, и мои бедра сжимаются в ответ, захватывая его ноги и стискивая их в бесполезной попытке подавить боль между ними. Этот контакт и визуальное подтверждение моей нужды вызывает его оргазм. Он издает стон, что вырывается глубоко из его горла, в то время как выплескивает струи густой молочно-белой горячей спермы по всем моим жаждущим складочкам.

Жар его семени обжигает мою чувствительную плоть, малейшее прикосновение южнее пупка, вероятней всего, вызовет моё освобождение, и все же он отказывает мне в этом. Вместо этого он наблюдает за мной, пока я дрожу, когда его тёплое семя покрывает мою киску, все складочкам. Последствия его освобождения всё ещё сочатся из его тела, словно свидетельство, стекают вниз по изгибам моей задницы и скапливаются на простыне подо мной.

Я напряженно дышу, несмотря на то, что я ничего не делала, кроме того, что лежала здесь и принимала то, что он мне давал.

Мои конечности дрожат, моё тело горит, и я чувствую себя пустой. Такой пустой, что я знаю о только одну вещь, которая подавит эту нужду внутри меня.

Но я никогда не буду умолять об этом.

Никогда.

28

Как только Фей предупредила нас о том, что Алек, вероятней всего, будет в «Крэйвен Холле», а не в своём безопасном доме в Шотландии, Люк обеспечил тайное наблюдение за особняком.

Дом, как казалось, пустовал.

Ни штата, ни видимой охраны, всё место выглядело недавно покинутым.

Кто-то ещё мог предположить, что Фей ошиблась, и Алек действительно сбежал.

Суть в том, что, когда вы скрываетесь от неограниченных возможностей, которые в активе у такой организации, как «Багряный крест», вы должны удостовериться, что прикрыли все тылы.

Используя наши безграничные контакты с британскими военными, Люк приобрёл для использования тепловизор-дрон (Прим. беспилотник, показывающий тепловое изображение). Один полет над «Крэйвен Холлом», естественно, дал результат — многочисленные помещения, занятые владельцами.

Гораздо большее количество людей, чем просто Алек и его охрана, были сокрыты внутри, и это знание подкинуло множество вопросов.

Стали поступать сообщения о пропаже членов семей некоторых лидеров Пирамиды. Жены, дети, любовницы — численность ежечасно увеличивалась, пока не стало очевидно, что Алек защищал свою безопасность человеческим щитом, составленным из самых близких и дорогих для членов высшей иерархии «Багряного креста».

Этот ублюдок был умным. Слишком умным. Всегда на один шаг впереди, отдавая приказы.

Всю ночь я проводил совещания и вел телефонные беседы с оправдано озлобленными, нервными и мстительными мужчинами. Мужчинами, которые желали бросить всё, над чем мы работали, чтобы обеспечить безопасность своим любимым.

Мы не могли позволить этому произойти.

Это не только вернет полную власть Алеку, но и также обеспечит нам смертный приговор. Мы будем ходячими мертвецами.

Мы были должны действовать быстро, пока, в конце концов, не закончим сами наш переворот.

Имея план местоположения, я собирался вернуться в свои апартаменты, быстро переодеться и привести в действие наш план нападения.

Мы поклялись ценой собственных жизней не только спасти каждого похищенного человека, но и сделать это в пределах двадцати четырех часов.

Ставки были высоки.

Стоимость неудачи — ещё выше.

Тогда почему, как только я вошел в комнату и один раз взглянул на дочь Алека Крэйвена, я стал нуждаться в ней с такой интенсивностью, которая потрясла мои принципы?

Вместо того, чтобы организовывать наше нападение, я дробил на вид её блестящей розовой киски, используя всё своё самообладание, чтобы не вонзить себя в неё, не желая ничего больше на свете, кроме как разорвать её пополам.

Это тикающий будильник, звонящий в моём ухе, сообщающий мне, что время вышло, разжёт мою кровь, отправляя мою жажду по ней стремительно вверх?

Была ли это мысль о её возвращении в «Крэйвен Холл» в случае моей неудачи, что заставила меня хотеть её с усердием, которое пожирало меня изнутри?

Один последний шанс взять то, что может быть только моим на кратчайший миг.

Один глоток сломанной девушки, чьи глаза отражают противоречия моей души.

Я — Тьма.

Самая мрачная из всех.

Она — Свет.

«Испортит ли она меня своей добротой?»

«Найду ли я искупление в её мягкости кожи и теплоте её плоти?»

Наблюдая, как моя сперма капает вниз по её бедрам, я понимаю, что не её я отвергаю. И не её я наказываю.

А себя.

— Одевайся, принцесса. Ты пойдешь с нами.

Я смотрю в её разноцветные глаза, игнорируя маленькие идеальные груди, которые поднимаются с каждым резким вздохом.

— Не вытирайся. Я хочу знать, что оставил моё клеймо на тебе.

Я знаю, что она подчинится.

Я знаю, что она жаждет, чтобы мой зверь продемонстрировал своё лицо и взял её.

И он сделает это.

Я нуждаюсь в нем, голодном и жаждущем, для того, что грядет. Не удовлетворенном. Непресыщенном. Не прирученным её телом.

«Скоро», — безмолвно обещаю я.

Скоро.

29

Я в окружении наемников в маленьком заброшенном коттедже в миле или около того от «Крэйвен Холла». Мужчины — бывшие агенты САС (Прим. секретный парашютно-десантный спецназ британских спецслужб) и прочие эксперты в убийствах, все они подчиняются и внимательно прислушиваются к братьям, которые оплатили их услуги.

Я должна больше обращать внимания на то, что происходит вокруг меня, но всё, что я могу ощущать, — засохшая сперма Коула, прилипшая к моей самой интимной плоти, и зуд потребности потереть её.

Мой муж, напротив, не имеет таких проблем — отбросив меня из своих мыслей и практически забыв, что вынудил меня пойти с ним, он приказал, чтобы я села на заплесневелый, покрытый грязью диван в обветшалой передней комнате дома, и больше не смотрел в мою сторону с тех пор.

Его обученные убийцы находятся в каждом доступном месте, пока Коул и Люк выкрикивают приказы, в то время как прослушивают информацию, поступающую по не отслеживаемой радиосвязи, пока я сижу, почти незаметная, и тщетно пытаюсь оттолкнуть запятнанные похотью образы освобождения Коула.

Я очищаю свои мысли от этого сорняка, красочно расцветающего в море моих мыслей, пытаюсь вырваться из видения: член в его кулаке и горячее семя, извергающееся на мою кожу. Сильно концентрируюсь на словах, доносящихся из комнаты, и предполагаю, что мой отец удерживает в руках козырные карты в виде женщин и детей. Удерживать семьи некоторых высших членов «Багряного креста» в заложниках внутри стен «Крэйвен Холла», несомненно, является последним плацдармом обороны Алека Крэйвена.

Он убьёт их всех.

Я знаю, что никто не будет спасен.

Этого знания достаточно, чтобы вытащить меня в сокрушающее настоящее и ударить сразу всем весом атмосферы в этой крошечной лачуге, которая наполнена напряженностью. Тестостерон и шлейф гнева обрушивается на меня безжалостными нападками, и всё же, мое внимание по-прежнему сосредоточено на метке Коула, скрытой под моей одеждой.

— Мы выступаем в сумерках. Группа «1» входит на территорию первой и обеспечивает охрану внутреннего периметра. Затем подаёт сигнал для группы «2», пока «5» перелезает через стены и захватывает «Холл» через крышу. Группы «6» и «7» останутся позади до тех пор, пока вас не вызовут с целью предотвращения побега нашей мишени. Он — наша первая и единственная цель. Он нужен мне живым, пока я ясно не обозначу иное. Заложники

должны быть обнаружены и освобождены максимально быстро. Их доставкой занимается отряд «8», и обновите ваши предыдущие позывные. Всем всё ясно?

Собравшиеся солдаты кивают и ворчат, соглашаясь. Это логично — не включать меня в любую из этих команд Коула, это просто лишено смысла. Всё, что я поняла, — мой отец должен быть захвачен живым.

Коул хочет быть тем, кто убьет его.

Он имеет право надеть отрубленную голову прежнего короля как корону, и каждый человек в этой комнате знает об этом.

— Хорошо. Мы выезжаем через, самое большее, шесть часов. До этого времени держите ваши защитные позиции открытыми и соблюдайте тишину.

С его заключительным словом все мужчины покидают комнату, кроме Люка и Грима.

— Ты привел свою игрушку для траха сюда с собой, потому что...? — спрашивает Люк, впиваясь в меня взглядом через всю комнату.

— Не сейчас, Люк, — отмахивается Коул, не обеспокоенный гневом, который, как я могу видеть, открыто сочиться из его брата.

— Она Крэйвен. К ней следует относиться соответственно, а не выставлять перед твоими людьми как нечто ценное. Она никчемная — в действительности лишь гребаное ведро для спермы, позволь мне пустить её по кругу в качестве стимула, позволь каждому из этих мужиков использовать её дырки...

Он остановлен посередине своей напыщенной речи рукой моего мужа, обернутой вокруг его горла, пока Коул легко отрывает своего брата на несколько дюймов от земли.

— Следи за своим языком, брат. Она — причина, по которой мы здесь. Без неё мы бы были в Шотландии, идя по ложному следу, а лидеры Пирамиды заключили бы сделку с Алеком Крэйвеном, чтобы вернуть свои семьи, пообещав наши головы как разменную монету. Так что достаточно этой херни о шлюхе Крэйвен. С этого момента ты воспринимаешь её как Хантер.

На Люка, похоже, не влияет то, что Коул лишил его кислорода, и его глаза по-прежнему испепеляют меня взглядом, обещая месть.

— Ты понял? — Коул грубо трясёт его так, как если бы его шестифутовый странный брат ничего не весил.

Люк даже не моргает, несмотря на тот факт, что его губы синеют от недостатка кислорода.

— Не шути со мной, Люк. Фей — недоступна для тебя и всех остальных. Я заклеил её. Она принадлежит мне, и настало время для тебя привыкнуть к этому.

Он бросает Люка на землю, словно тряпичную куклу. Даже когда его лёгкие начинают подниматься, ловя так необходимый его телу воздух, Люк ни на мгновение не отрывает свой взгляд.

— Понял, брат, — наконец скрипит он. — Но когда она перережет твоё горло, а она так и сделает, я буду ожидать нечто большее, чем просто извинение.

Коул не беспокоится о том, чтобы ответить.

Вместо этого он идет ко мне, протягивает свою руку и ждет, когда я её приму.

Я моргаю в замешательстве, не от его руки, а от краткой искры фиолетового, которая окружает его. Это продолжается только в течение нескольких секунд, прежде чем постепенно исчезает в постоянно окружающей его тьме.

Я никогда не сталкивалась с этим цветом раньше. Я не знаю, как прочитать его, или что

он означает, так что я по-прежнему сомневаюсь.

Он прищуривает свои глаза, пальцы его раскрытой ладони сгибаются, подзывая меня. Он может видеть моё замешательство.

— Возьмите мою руку, принцесса.

Это — команда, но не типичная, и мой разум скачет как горстка шариков в стеклянной банке. Я перевожу свой взгляд обратно на его руку, ту, что мгновение назад держала за глотку его брата, и без дальнейших размышлений принимаю её.

— Мы будем наверху, пока не придёт время выезжать. Я предполагаю, что вы удостоверитесь, что всё готово для нашего отъезда, — Коул выдает свои указания, ни разу не взглянув на своего брата и не ожидая подтверждения.

Он ведет меня по хрупкой деревянной лестнице, сгибающейся под каждым шагом и настолько гнилой, что кажется маловероятным, что она выдержит мой вес. Нежно подталкивая, он ведет меня вверх, древесина скрепит под нашими ногами, угрожая раскрошиться. Когда мы добираемся до верха, он сопровождает меня через одну из двух дверей, и мы входим в пыльную мрачную спальню. Старая кровать — единственная мебель, оставленная в маленьком пространстве, голый матрас, запятнанный и грязный, металлическое основание повреждено и покрыто ржавчиной. Я делаю маленький шаг вперед и исследую остальную часть комнаты. Голые отштукатуренные стены, сырые пятна, покрывающие их, обвалившийся потолок, гнилые плинтусы и изношенный ковер. Воздух заплесневел и густой, пыль, которую мы подняли, когда заходили, забивает мои легкие, заставляя меня кашлять.

Коул шагает мимо меня, раскрывая рваные занавески, и позволяет исчезающему солнечному свету литься в это место, выдвигая на первый план каждый разрушенный и гнилой дюйм. Быстрым толчком он поднимает створку окна на дюйм или два. Рама скрипит в знак протеста, и я вижу, как водовороты пыли исчезают в открытом воздухе. Я ревную к их свободе и к их способности уплыть прочь с ветерком.

«Будь легким ветром, растворись».

Мантра, которая не работает в присутствии Коула. Вся его сущность требует моего внимания. Каждая молекула внутри меня, что дает мне жизнь, воду, кровь, кислород, всегда вытягивается в его направлении.

— Ты боишься, принцесса?

«Да».

Он смотрит на меня в отражении окна. Его пристальный взгляд ищет ответ в моём лице.

— Нет.

«Ложь».

Я боюсь его провала. И своего возвращения к жизни пленницы. Но разве это не то, кто я теперь?

— Я имел в виду себя. Ты боишься меня?

Его тон мягкий, опасный.

— Да.

Непроизвольная правда слетает с моих губ.

«Я боюсь его».

Не из-за того, что он может сделать со мной, а из-за вещей, которые он может заставить меня почувствовать.

Желанная. Жажущая. Защищенная.

Его глаза темнеют, ноздри раздуваются. Я возмутила его своей честностью.

— Я сказал тебе, что не возьму тебя. Несмотря на знание того, что ты жаждешь меня, я поклялся, что ты должна произнести слова, не заманивая меня зовом своего тела. И всё же, ты по-прежнему не веришь мне.

Его ледяные голубые глаза сверлят мои.

— Я не могу дать тебе то, что ты хочешь. Я не дам тебе то, что ты хочешь. Если ты хочешь этого по-плохому, возьми.

Я потрясаю себя своими решительными словами.

Я могу дать ему то, что он жаждет, но, сделав это, я останусь ни с чем. Я стану никем.

Его губы складываются в ухмылку.

— Ох, принцесса. Ты отдашь мне то, что я хочу, и скоро. Твой рот говорит тебе вещи, в которые, как ты думаешь, тебе следует верить, но твоё тело, твои глаза, твоя душа — все они сообщают мне кое-что ещё. Почему ты продолжаешь бороться? Ты почувствуешь себя намного лучше, если сдашься.

Мой кулаки сжаты по бокам, руки трясутся от потребности нанести удар. Конечно, он не упускает мою реакцию, и это просто веселит его ещё больше.

Самодовольный смех льётся из его рта:

— Всегда такой борец, — он поворачивается и делает несколько шагов в мою сторону. — Именно поэтому мой брат жаждет тебя так же, как и я, — ещё шаг, и он на расстоянии вытянутой руки. — Только он любит ломать людей за их борьбу, в то время как я... — ещё шаг вперед, и я могу почувствовать жар от его большого тела, — ... я люблю обуздывать это.

Он резко выбрасывает вперед руку и хватает моё запястье, разворачивая меня, пока моя задница не прижимается к его переду, а обе мои руки прижаты позади меня. Его рот возле моего уха шепчет:

— Это не слабость — признать то, что ты хочешь, Фей. Сила приходит от того, когда ты честен сам собой о своих потребностях.

Его свободная рука обхватывает мою челюсть и поворачивает мой рот к своему. Его губы парят над моими, высасывая воздух из моих легких.

— Ты дрожишь от этого, я могу ощущать пульсацию этого внутри тебя.

Он лениво проводит своими пальцами по моей челюсти, вниз по шее, между моими грудями. Предатели-соски напрягаются от близости его прикосновения, проступая под тонкой тканью моего свитера. Его рука теперь движется более целеустремленно, пробегая вниз по моему животу, и прижимается к моей тазовой кости. Он глубоко вдыхает:

— Даже отсюда я могу почувствовать запах этого.

Он проворно щёлкает кнопкой моих брюк, его пальцы ни на секунду не замедляются, они ныряют под ткань, и он жестко обхватывает мои интимные места. Его большой палец находит остатки его освобождения и глубже втирает высохшую сперму в мою кожу.

— И теперь я собираюсь попробовать это.

Он использует свою ногу, чтобы раздвинуть мои колени, заставляя меня предоставить ему больший доступ. Мои изголодавшиеся легкие поглощают его тёплое дыхание, когда они, наконец, раскрываются от потребности в кислороде.

Медленно, так медленно его пальцы перемещаются ниже и находят мою влажность. Моё тело предаёт меня и облегчает его поиски, в то время как он использует свидетельство моей нужды в нём против меня и погружает свои пальцы в мою болезненную и

возбужденную плоть.

Его губы всего лишь в миллиметрах от моих, поглощая моё хныканье, когда его пальцы начинают свою работу.

Точными движениями он погружает свой указательный палец внутрь меня — приводя меня в восторг своим прикосновением. Моя жаждущая киска сжимается вокруг вторжения, умоляя его ввести палец ещё глубже.

Его движения мучительно медленные, когда он двигает своим пальцем — один, два... — собирая мою влажность и размазывая её по моим припухшим складочкам к моему ноющему комочку нервов, что некогда был скрыт, но сейчас бесстыдно выпрашивает его опытное прикосновение.

Нежно, так нежно, что я не могу не извиваться, когда Коул кружит вокруг него, вновь и вновь подводя меня к самому краю безумия. Мои бёдра толкаются в его руку и совершают вращательные движения, стремясь к освобождению, которое только он может мне дать.

— Скажи это, принцесса. Отпусти и произнеси это, — его опаляющее дыхание, такое сладкое на моём языке, требует моего подчинения, и я, наконец, сдаюсь.

— Возьми меня.

Едва на рваном выдохе слетают с моих губ эти тихие слова, как моё следующее дыхание украдено движущей силой его рта на моём. Оказывая наркотическое действие на меня, грабя и забирая остатки моей решительности.

Его пальцы набирают темп: щелкая, кружа и потирая меня, заставляя мои ноги дрожать, а внутренности — делать сальто. Пучки электричества подкрадываются к пальчикам моих ног, а мой внутренний взор захватил целый водоворот цветов, несмотря на мои сильно зажмуренные глаза. Его другая рука выпускает мои запястья и сбрасывает брюки с моих бёдер прямо на пыльный пол, в то время как его пальцы наигрывают взрывной ритм на моём клиторе. Затем обе его руки на мне, и я вырываюсь на свободу от его рта, когда два пальца трахают мою киску, извлекая крик удовольствия и боли. Я выгибаюсь назад, и только его сильное тело останавливает меня от падения на пол, его голодный рот находит мой ещё раз, пока наказывающие толчки и неустанные пальцы подводят меня к краю. Он идеально считывает сигналы моего тела, и одновременно с одним заключительным, резким толчком пальцев внутри меня, другой рукой он наносит жесткий удар по моему клитору.

Я кричу в его рот. Не заботясь о том, кто может услышать меня, когда волны моего освобождения пульсируют через всё моё тело и объединяются между бёдрами. Моя сердцевина сжимается вокруг его пальцев, глубоко врезающихся в меня, ноги неспособны удержать мой вес.

Обе его руки оставляют мою киску, и он подхватывает меня на руки. Его лоб упирается в мой, когда неровное дыхание вырывается с его губ, как будто он был именно тем, кто только что испытал умопомрачительный оргазм — мой первый сногшибательный оргазм.

Мой первый в жизни оргазм.

Я истощена.

Вялая в его сильных руках. Моё тело и душа улетают с ветром.

«Будь ветром, улетай».

В нём я нашла свою свободу.

— Спи, принцесса. Я с тобой.

И я так и делаю.

Я улетаю прочь в его сильных руках, не заботясь о том, что я только что отдала ему

всю себя.

30

Мой тщательно продуманный мир рушится.

Алек Крэйвен играет в эту игру лучше, чем я. Само его существование теперь представляет угрозу не только жизням его пленников, но и моей собственной единственной семье. Люку.

Если мы потерпим неудачу, то умрём.

Если мы потерпим неудачу, возможно, и Фей умрёт вместе с нами, так что я отказываюсь думать об ужасах, которые предстоят ей, если она попадет назад в когти своего отца.

Я должен быть внизу с моими людьми и с предельной точностью планировать наше нападение, гарантируя наш успех, а не лежать на грязной кровати с Фей Крэйвен, спящей в моих руках, с опьяняющим ароматом её влагалища на моих пальцах.

Фей Хантер.

Она больше не Крэйвен.

Никто, никто не заберёт её у меня.

Когда она разлетелась на миллион кусочков в моих руках, когда её тугая девственная киска сжала мои пальцы, как тиски, и её крики наполнили мои легкие, воодушевив моего зверя, она предопределила свою судьбу.

Моя. Навсегда моя.

Пока смерть не разлучит нас.

31

— Просыпайся, принцесса. Ты идешь с нами.

Голос врывается в мою дремоту, я потягиваюсь, а мои ноющие мускулы протестуют против этого движения. Что-то щекочет мой нос, и я начинаю кашлять, мои глаза быстро распахиваются от ощущений.

Облако пыли окружает меня как результат, перемещенный на дряхлой старой кровати.

Коул стоит перед открытым окном, едва видимый в свете луны. Он — сплошные тени и тёмные места. Всё это подходит для визуализации мужчины, способствующего процветанию тьмы.

Воспоминания о нашей более ранней активности затопляют мой разум, окрашивая мои щёки в красный цвет. Удачно для меня, что темнота скрывает мою реакцию, но мой наблюдательный муж не упускает того, что я потираю бёдра друг об друга в слабой попытке успокоить боль, пульсирующую внутри моей сердцевины всякий раз, когда он находится рядом.

— Ах, принцесса, — смягчается он, оставляя свою позицию у окна и подходя ко мне. — Я знаю, что ты всё ещё болезненно нуждаешься во мне. Если бы у нас было больше времени я бы смог исправить это, но давай оставим это для празднования нашей победы, хорошо?

Рукой он тянется вперед и обхватывает мою челюсть, его пальцы широкое раскрыты, предоставляя возможность большому пальцу нажать на уголок моего рта, а его мизинец поглаживает чувствительную кожу моей шеи.

Так же, как и в первый раз, когда мы были одни, я высовываю свой язык между губами, чтобы облизать кожу его большого пальца. Его вкус ощущается чем-то пряным, но всё равно

сладко взрывает мои ощущения.

— Ты можешь попробовать себя, принцесса? — он толкает свой большой палец в мой рот, чтобы я пососала его. — Я не могу дождаться, когда поглощу твою киску и испью тебя досуха.

Боль между моими бёдрами усиливается, и из меня вылетает непреднамеренный стон. Он хихикает, вытаскивает свой большой палец из моего рта и точно так же, как тогда в автомобиле, сосет его.

— Моя жаждущая жена, которой теперь так не терпится добавки, когда ты наконец-то подчинилась мне. Ох, те вещи, которые я покажу тебе, Фей... Теперь твоё тело принадлежит мне так же, как твоя душа. Подойди.

Он раскрывает свою ладонь, и так же, как всегда, но на этот раз более охотно, чем когда-либо раньше, я принимаю её.

— Я пойду с вами в «Крэйвен Холл»?

Часть меня хочет наблюдать за тем, как будут разворачиваться события, в то время как большая часть — более здравомыслящая часть моего мозга — хочет быть как можно дальше от дома моего детства.

— Нет. Тебя отвезут в наш безопасный дом. Ты слишком большая ответственность.

Его слова ранят. Они разрезают мою недавно смягченную броню на груди и пронзают теперь моё открытое сердце.

— Более мудрый мужчина захотел бы меня использовать, более благоразумный мужчина позволил бы мне показать способ пройти незамеченной.

Мои слова должны были уколоть, но слетают с моих губ как попытка обидеться.

— Хорошая попытка, принцесса. У нас охвачено всё здание. Там нет никаких секретных входов.

Он тянет меня к двери, и моя гордость, моя глупая, дурацкая гордость, заставляет меня раскрыть мои тайны.

— Так ты не знаешь о бункере и туннелях под «Крэйвен Холлом»? Хм, я предполагала, что человек твоих способностей должен был позаботиться об этом.

Он останавливается наверху лестницы, его спина напрягается от моей слабой попытки оскорбить его умственные способности.

— Я предполагаю, что ты все-таки пойдешь с нами, принцесса. Ты можешь раскрыть то, что тебе известно о тайных проходах и потайных входах, — его голос холоден. Сердит. Но не из-за меня. Коулу не нравятся удары исподтишка, а моя информация только что сделала это.

В конце лестницы нас ожидает Люк.

Он впивается в меня взглядом, пока мы спускаемся, его ненависть ко мне выливается волнами изумрудного зелёного.

— Автомобиль здесь, чтобы забрать твою зверушку...

— Она идёт с нами, — Коул прерывает его, прежде чем он может закончить. Его тон не подразумевает споров.

— Она, черт возьми... — начинает протестовать Люк, прежде чем Коул разрезает своей рукой воздух, призывая его к молчанию.

— У неё есть информация, которую ты должен был выяснить, так что достаточно херни, Люк. Она едет.

— Какая информация? — он прищуривается в недоверии ко мне, когда мои ноги вступают на последнюю гнилую ступеньку.

Коул не отвечает на вопрос. Вместо этого он тянет меня к двери, а затем бросает через плечо:

— Отправь группу захвата, моя зверушка будет развлекать нас во время транспортировки.

Мы выходим в душный ночной воздух под знакомую полную луну. Не холодно, но ощущение дежавю ползет по моей коже, заставляя меня дрожать.

— Холодно, принцесса?

Затем следует жест, которого я никогда не ожидала бы от моего мужа: он сбрасывает свой пиджак и набрасывает его мне на плечи. Его пряный аромат вторгается в мои чувства и изгоняет чувство тревоги, которое проникло под мою кожу. Я приветствую теплоту, несмотря на отсутствие холода. Его пиджак походит на непроницаемую броню, и я чувствую, что она мне ещё понадобится, прежде чем эта ночь закончиться.

Проскальзывая своими руками в рукава, я позволяю Коулу отвести меня к тёмному внедорожнику. Тонированные стекла скрывают всех пассажиров.

Когда он широко открывает дверь и жестом указывает мне залезать внутрь, я сталкиваюсь лицом к лицу с Гримом.

Его тёмные, практически чёрные глаза встречаются с моими через водоворот кроваво-красного тумана, который окружает его. Нервная энергия буквально сочится из него — потребность убивать укутывает его беспокойным туманом.

Он кивает Коулу и перебирается на заднее сиденье, оставляя передний ряд пустым для нас.

— Залезай, принцесса. Настало время закончить это, и если ты поделилась правдивой информацией, то можешь стать возможностью для каждого из нас всё ещё остаться живым завтрашним утром.

Тревога струится по моим венам. Я знаю, что моя информация верная, но это не означает, что мой отец не попытается сорвать любые попытки проникнуть в «Холл».

Коул забирается сзади меня, стремительно сопровождаемый Люком, который отдает приказ, чтобы мы выезжали. Пока мы двигаемся по бездорожью прочь от сгнившего деревянного дома, Коул требует, чтобы я раскрыла все свои тайны.

— Расскажи нам всё. Каждый проход, скрытый альков.

Мои глаза встречаются с его, и я колеблюсь.

— Я могу рассказать тебе, но мне понадобятся дни. Под «Крэйвен Холлом» есть лабиринт туннелей, некоторые — тупики, некоторые приводят к склепам и подвалам. Если вы хотите получить доступ к внутренней части и удивить монстра внутри, вы должны позволить мне показать путь.

Все мужчины неотрывно смотрят на меня, пока Коул решает, принять ли моё предложение. Правда в том, что они никогда не найдут незамеченными правильный путь. Они нуждаются во мне, и, оценивая взглядом лицо моего мужа, вижу, что он понимает это. Но это не означает, что ему нравится происходящее.

— Ты победила, принцесса, — наконец, уступает он. — Ты сможешь показать нам путь в ад.

Я выдерживаю его пристальный взгляд, когда слышу, как Люк отдает новые приказы через скрытый наушник, передавая полученную информацию.

Как только он заканчивает, то смотрит на меня и предупреждает:

— Новая сестра или нет, если ты заведешь нас в западню, даже мой брат не остановит

меня от того, чтобы выпотрошить тебя.

Я инструктирую Коула, как доставить нас к пастбищу примерно в четверти мили от стен «Крэйвен Холла». Для любого оно выглядит как невзрачное поле, используемое для домашнего скота или лошадей, но я знаю разницу. Я знаю, что позади ветхого сарая, который всё ещё стоит, несмотря на отсутствие крыши и одной из стен, скрывается люк к бункеру. Я нашла его однажды, много лет назад, когда скрывалась от Магдалены. Исчерпав все укрытия на верхних этажах, я пробралась в поисках убежища на нижние этажи, зная, что мой отец уехал по делам на несколько дней.

Это было во время отсутствия моего отца в его многочисленных поездках из «Холла», когда Грант наносил мне визиты. Магдалена стремилась предоставить ему доступ в дом под видом своего любовника, удовлетворяющего все её садистские прихоти.

На самом деле, я была их игрушкой, игрушкой для них обоих, чтобы растлеть меня.

Наблюдая, как автомобиль моего отца заводится, я знала, что у меня есть самое большое час, чтобы исчезнуть. Преисполненная решимости найти местечко, где меня никто никогда не найдет, я на цыпочках спустилась по трём лестничным пролетам в библиотеку и по чистой случайности сдвинула рычаг, замаскированный как подсвечник, стоящий на небольшом столике у дальней стены. Глубинный звук отразился эхом и разнесся по комнате, я замерла, опасаясь, что выпустила какого-то монстра, которого скрывал мой отец. Того, что скрывала ложная стена с книгами, та, что открылась достаточно, чтобы я могла проскользнуть.

Слыша голос Магдалены, зовущий меня на верхних этажах дома, я понеслась в открывшуюся щель, как мышка поспешно юркает в норку. Сырой холодный воздух и тьма передо мной должны были оттолкнуть меня от этого, но я предпочла это тому, что ожидало меня, если бы я вернулась. Я неумело шарила впереди, мои руки пробегали по выложенному кирпичу, дальше и дальше в темноту, пока я не ударила по старому встроенному выключателю, вызывая к жизни устаревшие лампы, которые висели на стенах. То, что открылось передо мной, было рядом узких коридоров. В последующие дни я часто сбегала в эти коридоры, зарабатывая гнев Магдалены, поскольку Гранту приходилось уезжать, не получив своего времени для игр.

В последний день, перед тем, как должен был возвратиться мой отец, Магдалена угрожала привязать меня к кровати, чтобы я прекратила мою игру в кошки мышки. Я клялась и обещала, что буду хорошо себя вести, и она поверила мне. Я не была уверена, почему, возможно так было, потому что им обоим нравилось принимать участие в их больных играх, и связанный ребенок не будет выглядеть так симпатично на их мерзких фотографиях. Какой бы ни была её причина, это был день, когда я пошла дальше в недра «Крэйвен Холла» и нашла бункер.

Когда я повернула замок на странной двери на потолке металлической комнаты, я задыхнулась от травы и грязи, повалившейся на меня, прежде чем яркий солнечный свет ударил мне в глаза, показывая внешний мир, по которому я так тосковала.

К сожалению, там меня и нашла Магдалена.

Она не связала меня, поскольку хотела найти мое потайное место. Она видела, как я вошла в скрытую дверь и следовала за мной всё время.

Я никогда больше не использовала секретные проходы, а она обещала не рассказывать моему отцу об этом так долго, пока я позволяю Гранту засовывать свой член мне в рот и

пока я проглатываю неприятно пахнущую жидкость, бьющую струёй из его головки.

Я больше боялась наказания моего отца, чем мысли о Магдалене и Гранте, так что я согласилась, и именно так забрали мой последний кусочек детства.

Мы заезжаем на поле, и я не обеспокоена тем, чтобы дождаться инструкций. Мои воспоминания всё ещё свежи в моём разуме, они вытягивают меня из автомобиля, и я бегу трусцой к задней части сарая с моими компаньонами, наступающими мне на пятки.

Мои глаза осматривают траву, ища любые признаки беспорядка и не находят ничего. Я знаю, что люк где-то здесь, я просто должна его найти. Поднимая ноги, я топчусь по мягкой траве, луна проливает как раз достаточно света, чтобы продемонстрировать насколько глупо я выгляжу.

Когда я поднимаю голову на трех людей, то вижу, как они уставились на меня, каждый с различным взглядом на лицах, ни один из них не рад видеть, как я марширую по кругу, напрасно пробуя найти секретный дверной проём.

— Достаточно, — ревет Люк, на моём третьем круге. Делаю шаг и останавливаюсь, но не раньше, чем каждый слышит эхо металла под моей ногой.

Почти смешно видеть их реакцию, они всё ещё уставились на меня так, как будто я лишилась разума, и хотят убить меня из-за полного разочарования. Грим двигается первый и подбегает туда, где я стою, он бросается вниз на колени и начинает выцарапывать грязь как одержимый. Через мгновение остатки грязи и травы полностью отодвинуты в одну сторону, демонстрируя небольшой люк.

Он поднимает свою голову и усмехается мне, его белые зубы зловеще сияют в лунном свете, широкий шрам искажает его лицо с каждым нервным тиком его черт.

— Зверушка проделала отличную работу.

В его глазах проблеск маленькой толики уважения. Я, так или иначе, заработала одобрение этого сумасшедшего.

Я задаюсь вопросом: заперт ли люк.

Также быстро, как мне приходит эта мысль в голову, пальцы Грима обхватывают внешний край люка и тянут. Скрежет металла об металл эхом отзывается в ночи.

— *бать, — восклицает Люк, пока идет вперед и всматривается во мрак. Его глаза сужаются, когда он переводит взгляд от открывшегося люка на меня, — Это всё ещё может быть западня. Она по-прежнему шлюха Крэйвен, в конце-то концов.

Его слова отскакивают от меня. Облегчение от того, что бункер не только найден, но и открыт, смыло все мои заботы.

Коул выступает вперед и становится рядом с братом, его глаза останавливаются на мне.

— Так может быть, брат. Именно поэтому Фей пойдёт первой, а мы последуем за ней. Сообщи группам, чтобы ждали нашу команду и готовились к сигналу атаковать.

Люк ухмыляется мне, его аура передаёт его мысли. Он думает, что его брат снова увидит меня такой, какая я есть. Вражеской шлюхой. Когда я перевожу взгляд от Люка к Коулу, я вижу что-то ещё. Я вижу короткий взрыв фиолетового, цвет, о котором я не обладаю никаким знанием, он озадачивает меня и заставляет спросить о том, что он только что почувствовал, так, чтобы я знала, как считывать его в будущем.

— Ну же, Фей. Настало твоё время повести нас. У тебя есть вся власть здесь, я не хочу сожалеть, что предоставил её тебе.

Тонко завуалированная угроза всё же нанесла по мне удар, но и побудила к действию.

«Я всё ещё не доказала свою ценность? Я всё ещё не заслужила доверия?»

Вспышка — я, выгибающаяся в его руках, его пальцы глубоко толкаются в мою кисть.

«Разве я уже не отдала ему всё?»

Единственный кивок — всё, что я могу предложить, в то время как выпрямляю спину и шагаю ближе к отверстию в земле. Коул кладет что-то холодное в мою руку — фонарь, и я быстро щелкаю кнопкой, освещая темноту, которая простирается передо мной.

Ничего не изменилось с тех пор, как я была здесь в последний раз много лет тому назад. Ничего не разрушено, и это знание успокаивает стремительный бег моего сердца. Я могу сделать это. Мы сможем сделать это.

Я направляю фонарь туда, где, как я помню, должна быть лестница, и она действительно там — подзывает нас, приглашая в недра ада.

Прикрепляю фонарь к ремню моих брюк и медленно спускаюсь по дюжине или около того перекладин, пока мои ноги не достигают пола внизу. Я спокойно проверяю неиспользуемое пространство, когда слышу три пары ног, прыгающих на землю позади меня.

— Куда теперь, принцесса?

Теплая рука Коула обхватывает мою руку, и я направляю свой фонарь к дальнему концу пространства — к металлической двери, которая установлена в каменной стене.

Друг за другом мы направляемся к дверному проему, старый металл оказывает небольшое сопротивление плечу Грима, когда он толкает её, открывая.

— Здесь множество ходов, но только один ведет к библиотеке. Ваши люди должны войти точно в то же время, что и мы, чтобы создать беспорядок. Мой отец будет ожидать, что вы придете с внешней стороны, но он никогда не будет ожидать, что мы придём изнутри.

«Я надеюсь».

Я веду их через лабиринт туннелей, мой разум ищет правильный путь, позволяя старым воспоминаниям указывать путь. Когда я вижу знакомый альков, ведущий в следующий туннель, я поворачиваюсь, чтобы встать перед тремя людьми позади меня и шепчу:

— За следующим углом с краю прохода — ложная дверь в библиотеку. Займет всего несколько минут, не больше, чтобы оказаться там, так что теперь время сигнала для ваших групп.

Глаза Коула поблескивают в резкой вспышке фонаря, на его лице написана признательность и гордость. Он гордится мной. Это знание опалает мои щёки, и заставляет меня тосковать по вкусу его губ, заставляет меня хотеть рискнуть всем и инициировать поцелуй.

Люк оставляет нас, отстраняясь в темноту, чтобы подать сигнал их людям. Он кивает Коулу, когда все на месте, и он с Гримом протискиваются мимо нас и заходят за угол к концу прохода и секретного входа в «Крэйвен Холл».

Когда мы остаемся одни, руки Коула мягко обхватывают моё лицо — такой сентиментальный жест — взгляд в его ледяных голубых глазах совсем не такой.

— Ты останешься здесь. Не двигайся, оставайся скрытой, пока я не приду и не найду тебя. Если я не вернусь назад в течение тридцати минут, уходи. Вернись тем же путем, что мы пришли, садись в машину, которую мы оставили для тебя, и уезжай. Уезжай и никогда не останавливайся. Ты поняла меня, Фей?

— Ты вернёшься за мной, — это уверенность, не вопрос.

— Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы вернуться, но ты должна пообещать мне, что

ты сделаешь так, как я сказал. Не становись той, кем ты однажды была, принцесса. Теперь, бл*дь, пообещай мне.

Его лицо серьезное, даже в тусклом свете я могу увидеть водовороты черного и красного, охватывающие его, но там же — искры фиолетового, и это поражает меня: он заботиться обо мне. Я никогда не видела этот цвет раньше, потому что с тех пор, как умерла моя мать, — с тех пор, как у меня появился этот дар, никто никогда не заботился обо мне. И от этого мне проще произнести мои следующие слова.

— Я обещаю.

Он не целует меня, не обещая вернуться, и, бросив последний взгляд, уходит. Уходит, снова оставляя меня во тьме.

32

Хаос.

Я окунаюсь в кровь, смерть и хаос.

Крик детей, плачь женщин, оружейная стрельба и господство тьмы.

Мы выходим из секретного прохода незамеченными, проникаем в библиотеку, вокруг никого нет. Но затем начались крики.

Шум исходит с верхних этажей.

Похоже, наши люди обрушили крышу, захватывая «Крэйвен Холл», в то время как Алек и его люди вырезают заложников.

Пока мы мчимся по главной лестнице: сначала я, потом Люк и Грим, наступая мне на пятки, я ощущаю смерть, прежде чем вижу её.

Первое тело, что мы находим, — такой юный мальчик, возможно десяти или одиннадцати лет. Ушибы и порезы пересекают каждый дюйм его обнаженной кожи, единственное пулевое ранение в голову указывает, что он мертв.

Чей-то сын находится у моих ног, и зверь внутри меня ревет и требует крови.

Автоматическое оружие стреляет не далеко от места высадки. Голова маленького ребенка, девочки, выглядывает из-за открытой двери, ее затравленные глаза осматривают пространство в поисках любого пути спасения.

Грим ныряет мимо меня и закрывает собой девочку, как только два человека Алека поднимают винтовки, прицеливаясь из-за угла.

Они недостаточно быстрые, поскольку у моего брата глаз снайпера. Оба мужчины падают на пол, не разрядив своего оружия. Маленькая девочка хныкает, когда Грим поднимает её своими покрытыми рубцами руками, его мускулы выпирают под ужасающими татуировками, изображающими смерть и пытки, и создают причудливое противопоставление с кожей невинной девочки, покрытой кровоподтеками. Она вцепилась в него так, как будто он — её спаситель.

Не глядя на нас, он спускается по лестнице, передает девочку в руки людей, врывающихся в главный вход «Холла», сопровождая требованием:

— Выметайтесь на хер из этой адской бездны.

Мы продолжаем перемещаться, в глазах тревога, готовые к нападению. Когда мы достигаем верхнего этажа и комнат, занимаемых Алеком, вида перед нами достаточно, чтобы вывернулся даже мой закаленный желудок.

Части тел молодых и старых людей валяются, как мусор на полу. Кровь покрывает каждую поверхность, превращая воздух в непригодный для дыхания с густым медно-красным

вкусом. Те, кто избит и подвергались смертельным пыткам, едва живы, они забились в углы или лежат, привязанные к столам и скамьям.

Но здесь нет никакого Алека и нет никакой армии.

Все следы дьявола пропали.

Группам отданы приказы, чтобы разорвать на части «Крэйвен Холл» и принести мне старого короля — живым или мертвым.

Я хотел бы быть тем, кто вырвет его сердце из груди, но вид слёз матери, держащей безжизненное тело её ребенка, изменили меня.

Я просто хочу его мёртвым.

Я могу осуществить свою месть с его остывшим телом.

33

Я жду в темноте.

Чёрная гробница скрытого алькова давит на меня. Никакой шум не просачивается через землю, чтобы дать мне хоть какой-то намек на то, что происходит надо мной.

Я выключила фонарик на тот случай, если кто-то ещё наткнётся на этот проход.

Всё, что я могу видеть, — чернота; всё, что могу слышать, — ужасное биение моего сердца.

Я не могу сказать, как долго стою здесь. Коул велел мне ждать не больше тридцати минут, но всё же оставил меня без возможности узнать время.

Моё тело томится в бездействии. Мой слух в состоянии повышенной готовности — просто ожидая любого звука, который сообщит мне, что мой муж возвращается за мной.

«Мой муж».

Чуждое понятие, каким оно было для меня всего несколько дней назад. Я ожидала быть использованной, подвергнутой надругательству и брошенной мужчиной, которого мой отец хотел сделать своим наследником. Мне никогда и не снилось всё, что произошло, начиная со дня нашего бракосочетания.

Мой разум устремляется назад к толпе, которая наблюдала за нами, жаждала видеть Коула Хантера, пожирающего свою новую добычу.

«Сколько дней прошло с тех пор, как я наблюдала, как он убил человека куском замороженного мяса? Сколько дней прошло с тех пор, как он снял с меня свадебное платье и угрожал надругаться надо мной?»

В этой безмолвной тьме я не могу точно сказать.

Ощущается, как будто прошли недели, возможно, даже месяцы, несмотря на то, что это всего лишь дни.

В моей неволе с ним я обрела свободу.

Заклеймив меня, он освободил меня.

Моё тело дрожит, всегда жаждущее его прикосновений. Ему ещё предстоит наполнить меня, и теперь я достаточно сильна, чтобы принять то, что я хочу этого. То, что я хочу его.

Он — Тьма.

У меня нет заблуждений относительно мужчины, которого я жажду. Никаких ожиданий любви и романтики. Наполненных солнцем пикников в парке или прогулок, взявшись за руки, босиком по какому-нибудь тропическому берегу.

Я знаю, что я посвящу себя тьме, желая его. Я знаю, что отравлю свою душу, приняв всё, что он сделал и кто он есть, но впервые в своей жизни я приветствую это. Я приветствую его

тени, приглашая их затмить любой свет, что я несущу внутри себя. Не заботясь о том, что при этом я буду навсегда разрушена.

В суженном сознании — защита.

В тьме — сила.

А в подчинении — власть.

Коул наделяет меня всеми этими дарами и даже больше.

Тихий звук проникает в мои размышления.

Суматоха шагов по каменному полу.

Ближе.

Всё ближе.

Это — Коул, это должен быть он.

Или, возможно, это Люк или даже Грим.

«Должна ли я включить свет и указать им путь?»

«Нет. Подожди. Подожди знака, что это — друг, а не враг».

Я использую свой дар и увижу их, прежде чем они даже подойдут ко мне.

Та вещь с аурами, и мне не нужен свет, чтобы увидеть цвета души человека. Это почти так же, как будто они освещены изнутри, цвета, видимые в воде или темноте.

Черный и красный начинают слабо циркулировать вокруг моих ног. Цвета, формирующиеся в плотные облака при приближении шагов.

Я узнаю эти цвета где угодно. Они могут принадлежать только одному человеку.

Прежде чем мой мозг понимает это, моё тело реагирует, работая от постоянной потребности в присутствии моего мужа.

Я выхожу из алькова прямо навстречу приближающимся шагам.

Наши глаза встречаются в свете экрана его мобильного телефона, который он использует, как фонарик.

Мои разноцветные глаза, голубой и зеленый, сталкиваются с его бездонными — цвета океана. Они настолько тёмные, что кажутся практически чёрными в полумраке этого подземного лаза.

Его мгновенное потрясение от моего внезапного появления сменяется злой усмешкой. Улыбка, которая преобразовывает лицо моего отца в гримасу зла, с которой я никогда не сталкивалась раньше. Никогда за всю мою жизнь я не видела в полной мере его недоброжелательность, запечатленную на его чертах так открыто. Это как маска. Только сейчас я вижу его истинное лицо. Маска безразличия с толикой жестокости, которую он прежде носил, была показной. Это мужчина, чья кровь бежит по моим венам. Это мужчина, который украл единственного человека, когда-либо любившего меня, лишив жизни. И судя по сильному блеску в его глазах, я должна стать его следующей жертвой.

— Дочь моя. Что за приятный сюрприз — найти тебя здесь. Прячущуюся в грязи и ожидающую своего мужа, покушающегося на мою голову, — гнусная усмешка на его лице превращается во что-то даже ещё более зловещее.

Я делаю шаг назад, моё тело ударяется о грубую каменную стену с глухим стуком, от чего он хихикает.

— О, Фей. Разве ты не выучила до сих пор, что тебе не убежать от меня, единственный путь уйти — если я выброшу тебя прочь, откажусь от тебя как от мусора, точно так же, как я сделал с твоей сладкой, сладкой мамочкой.

— Уезжай, беги пока ты можешь, прежде чем Коул придёт за мной. Тебе удалось незначительно обойти его, так зачем рисковать из-за меня. Как ты и сказал, я — мусор. Я бесполезна, — мои слова сильны, но мой голос слаб. Алек трясет своей головой, издеваясь над моей фальшивой храбростью, заставляя меня сильнее отпрянуть назад, избегая его прикосновения.

Он шагает вперед, вспышка металла в другой его руке высвечивается экраном телефона.

— О, Фей. Именно тут ты и не права. Ты всегда имела определенную цену, а сейчас ты — бесценна, — ещё один шаг вперед, и я вижу это. Его пистолет. Направленный прямо в меня — его единственного ребенка.

— Сам факт того, что он привел тебя с собой, показывает твою ценность, — он позволяет своим глазам скользнуть по моему телу, и я дрожу — движение слишком интимное между отцом и дочерью.

— Стоишь передо мной без единой отметки на своей бледной коже, и это говорит мне всё, что я должен знать. Ты — ребенок своей матери, дочь. Она однажды совратила животное, и, как оказалось, ты сумела сделать то же самое.

Он прижимает дуло своего пистолета между моими грудями.

— Это делает тебе бесценной. Теперь будь хорошей девочкой, сопроводи своего отца к выходу. Мы продолжим поездку, ты и я, и так как мой единственный компаньон, я могу пообещать тебе приятное времяпрепровождение.

Он потерял это. Последний клочок своей человечности, если у него она когда-то и была, она исчезла. Его глаза наполнены обещанием пыток и боли.

Он водит кончиком своего пистолета над выпуклостью моей левой груди, постоянно сокращая круги до того, как жестко не толкает в нежную плоть моего соска, вынуждая меня вскрикнуть от боли.

— А сейчас, тихо, Фей. Не беспокойся о том, что грядет, просто выведи нас отсюда, прежде чем я раскрашу эти стены твоей кровью и оставляю твой симпатичный труп, в качестве прощального подарка твоему дорогому мужу.

Хватая меня за нежную кожу между шеей и плечом, он выталкивает меня в узкий коридор к моей неизбежной гибели.

Если я уеду с ним отсюда — я мертва. Или ещё хуже.

В моём мозгу проносятся фантастические мысли о том, чтобы завести его в тупик, даже зная о том, как это ужасно закончится для меня.

Если я смогу заманить его в неправильном направлении, это может дать Коулу или кому-то ещё шанс найти его, прежде чем ему удастся исчезнуть.

— Не-ааа, даже не думай об этом, дочь моя. Я, возможно, и один раз прошелся по этим коридорам, когда был ещё ребенком, но я узнаю, если ты попытаешься завести меня в ловушку, — его рука жестко сжала мягкие мускулы на руке, в то время как ствол его пистолета направлен мне между лопаток. — Поверни здесь налево, а затем на третьем направо. Я могу быть старым, но я не глуп. Я помешал дурацкому заговору твоего мужа, в конце концов. Скажи мне, сколько лет он жаждет моей крови?

Когда я не отвечаю, он продолжает:

— Вероятно, начиная с того дня, как я трахнул его мать и послал видеозапись его отцу. Хантеры никогда не любили делиться, — он приглушенно пожаловался. — Такой позор — пропадать впустую женщине с такой красотой, как Мелинда. Она была бы отличным призом, вместо твоей матери-шлюхи. Однако Хантер, возможно, одурачил тупую суку,

которая породила тебя, и она поверила, что он спасет её, но мы-то знаем, кто выиграл в той игре.

Он наклоняется к моему уху, его хватка на моей плоти становится жёстче, дуло пистолета оставляет кровоподтёк на моей спине.

— Дело в том, Фей, что я всегда побеждаю. Я подстрекал войны, финансировал массовый геноцид и каждый могущественный человек в Англии в моём кармане. Коулу даже глупо было думать, что он когда-нибудь сможет...

— Крэйвен!

Диким ревом произнесенная наша фамилия доносится издалека. Рев отдается эхом от стен и оседает прямо в моем животе.

«Коул».

— Время двигаться быстрее, дитя. Кажется, твой муж скучает без тебя.

Я спотыкаюсь в попытке замедлить нас, но мой отец удерживает хватку задней части моей шеи и толкает меня вперед.

— Не заставляйте меня стрелять в тебя, не сейчас. Мы зашли так далеко, малышка. Давай не задерживаться на заключительном препятствии. Если ты снова упадёшь, я просто буду ждать в темноте и убью твоего нового мужа, как только увижу. Затем ты пойдёшь со мной без каких-либо преград. Так что делай, бл*дь, как говорю, и двигайся.

Он подчеркивает своё заключительное слово холодным металлом дула пистолета, впивающегося в мои рёбра.

Через пару минут мы оказываемся у выхода из бункера, металлическая дверь в каменной стене захлопнута, и мой отец вытаскивает водяную бочку из угла комнаты, подпирая ею дверь с целью задержать моего мужа. Затем, щёлкая пистолетом, он указывает мне, чтобы я начала взбираться по лестнице.

Я слетаю с люка, мои колени жёстко приземляются на твёрдую землю загона, и мой отец только в секунде позади меня.

— Как удачно. Выглядит так, как будто они знали, что мы появимся.

Он тянет меня за волосы и тащит к ожидающему транспортному средству. Автомобилю Коула, оставленному, чтобы гарантировать мою безопасность, теперь превращенному в удобный выход для спасения сумасшедшего, которым является мой отец.

Он толкает меня на место водителя — пистолет приставлен к моей голове. Мы сваливаем с поля на большой скорости, и взгляд в зеркало заднего вида высвечивает трех мужчин, выскакивающих из открытого люка.

Коул, Люк и Грим.

Люк поднимает свой пистолет и стреляет, раз за разом, все попытки тщетны, пули отскакивают от бронированного транспортного средства, как мелкая галька ударяется со стуком о гранитную стену.

Мой отец крутится на сиденье и смеётся над быстро исчезающими фигурами трёх единственных мужчин, которые могли бы меня спасти.

Моё сердце остановилось у меня в груди, царапаясь о грудную клетку, пытаюсь вырваться на свободу. Оно оплакивает не свою владелицу, а мужчину, оставленного позади в пыли, кому было отказано в мести.

Если мне суждено страдать, так тому и быть.

Я буду одновременно мстителем и палачом, даже если мне придётся выкопать самой себе могилу.

Самое забавное в мести, что она может превратить любого в убийцу.

34

— Его здесь нет, сэр. Всё вокруг обыскали, и все его люди либо захвачены, либо убиты.

Никаких признаков Алека Крэйвена.

Ярость врывается в мои вены, и зверь ревет во мне, чтобы вырвать горло человеку передо мной. Мужчине, который посмел сообщить мне, что мы упустили Алека Крэйвена. Снова.

Я чуть не вырвал руку, опустившуюся на моё плечо, вовремя крутанувшись, чтобы оказаться лицом к лицу со спокойным лицом Люка.

Он отнюдь не спокойный, но никто, кроме меня, не сможет это сказать.

— Библиотека.

Только одно слово.

Одно гребаное слово — я должен был думать быстрее.

«Фей».

Она там, ждет меня.

Ждет там, где я сказал ей, что она будет в безопасности.

«*бать».

«Я. УБЬЮ. ЕГО».

— Доставьте выживших к Анне, удостоверьтесь, что команда докторов ожидает там. Не следуйте за мной.

Я выбегаю из коридора, уворачиваясь от людей, несущих носилки, заполненные убитыми и ранеными. Когда я добираюсь до библиотеки, я вижу, что потайная дверь полностью закрыта.

Этот ублюдок находится там с Фей.

«Бл*дь». Она никогда не рассказывала нам, как открыть замок с этой стороны. Мы не закрывали её полностью, когда вышли, но сейчас, когда она запечатана, я должен найти ключ, чтобы повторно открыть её.

Мои глаза отчаянно окидывают комнату, прежде чем я шагаю к книжным полкам и начинаю срывать ряд за рядом первых изданий, перебрасывая их через плечо, молясь, чтобы найти ключ, который откроет эту дверь.

Ничего.

Я наворачиваю дикие круги, мои глаза останавливаются на каждой поверхности, прежде чем они фокусируются на большом столе. Одним махом моей руки, всё, что стоит на столешнице, сброшено на пол.

Однако потайная дверь по-прежнему не открывается.

Опираясь ладонями на стол из красного дерева, я опускаю голову, а моя грудная клетка поднимается рывками. Гнев в моих венах орёт мне — уничтожить.

— Брат.

Я не двигаюсь в сторону Люка.

Его голос становится ближе, сопровождаемый звуком другого человека, входящего в комнату. Я игнорирую их обоих, мои пальцы впиваются в древесину, ногти вдавливаются в блестящую поверхность так сильно, пытаюсь удержать меня, чтобы не наброситься на мою единственную семью.

— Грим, найди засов.

Раздается звон, затем следует стук, пока я стою побежденный, бессильный и бесполезный.

Глубокий стон сопровождается словами:

— Нашел тебя, маленький ублюдок, — и я немедленно прихожу в себя, мои чувства перегружены, моя голова кружится от заполняющего ее красного тумана.

Взглядом нахожу усмехающегося Грима, его руки тянут за подсвечник, глаза сфокусированы на двери, которую он только что открыл.

— Он — мой, — мой голос дикий даже для моих ушей, противоестественное рычание вырывается из моей груди. Я сейчас себя не контролирую — я зверь, рожденный в крови моей матери.

— Крэйвен! — реву я. Мои ноги твердо шагают по земле через узкие проходы, я следую за её запахом, как бешеная собака.

Мы вылезает из двери бункера как раз вовремя, чтобы увидеть, как автомобиль, которое я оставил для Фей, покидает поле в облаке пыли. Самодовольная усмешка Алека Крэйвена брошенная мне в лицо, в то время как он совершает свой побег.

— Достаньте мне машину, немедленно!

Я слышу, как Люк выкрикивает свои приказы в наушник, слова — беспорядок звуков, неспособный проникнуть через кровь, мчащуюся в моей голове.

Он забрал её у меня, пронзив моё почерневшее сердце, пробуждая эмоции, которые, как я думал, давным-давно умерли.

Я не способен заботиться, сопереживать, любить.

Хотя я хорошо сведущ в языке смерти.

Моя тихая клятва, пока мы наблюдаем, как Фей и её отец уносятся прочь: «Грехи всех отцов будут извлечены из плоти».

35

— Гони к мосту. Меня ждет вертолет менее чем в нескольких милях отсюда.

«Мост».

Символ всего того, что когда-то отобрали у меня, находится в паре миль по просёлочной дороге от «Крэйвен Холла».

Дуло его пистолета все это время утыкается мне в висок.

— Вдави педаль в пол, Фей. Ты же не хочешь, чтобы я подумал, что ты пытаешься дать им время догнать нас.

Я сжимаю зубы, всматриваясь в дорогу впереди, чтобы найти любую возможность убить его, даже если это убьёт нас обоих.

— Я никогда не водила машину по дорогам вокруг земель «Крэйвен Холла» раньше. Мой отец любил держать меня взаперти, так что я извиняюсь за отсутствие у меня подходящего навыка.

Он смеется, вытягивая ноги перед собой ленивым, расслабленным движением.

— Ты пытаешься вывести меня из себя. Это не работает, дитя. Ты должна бы знать к настоящему времени, что я — мастер манипуляции, в то время как ты — просто дочь шлюхи. Что удивляет меня — так это то, что твой муж позволяет тебе возражать в ответ. Я думал, что он держит тебя на более коротком поводке, чем я.

Я резко сворачиваю, чтобы избежать большой выбоины; глаза моего отца прикованы к моему лицу, так что он видит в моём маневре испытание его терпения.

Одним быстрым движением он перемещает пистолет от моей головы и толкает его между моими бёдрами, грубо вжимая твердый металл в мою наиболее чувствительную плоть.

— Не пытайся обдурить меня, Фей. Ты понятия не имеешь, каким способом я могу уничтожить тебя. Смерть будет сладким освобождением от ужасов, которые я могу причинить твоему телу. Такой позор, что я отдал Коулу твою невинность. Он не заслужил получить такой ценный дар.

Я пытаюсь сохранить нейтральное выражение лица, но всё же, так или иначе, выдаю себя.

— Ого, разве это не захватывающее развитие событий, — он наклоняется и начинает поглаживать сталью пистолета вверх и вниз по моим половым органам. — Коул Хантер всё же отказался пролить твою девственную кровь. Как бессильно с его стороны и как же восхитительно для меня.

Я сильно сжимаю свои бёдра вокруг его руки с пистолетом, неспособная переварить гадость происходящего, пытаюсь отстраниться от его мерзкого прикосновения.

— Убери свои грязные руки от меня.

Он смеется ещё раз.

— О, ты говоришь, как своя мать. Она частенько умоляла меня о моём члене вместо вещей, которые я предпочитал использовать, чтобы трахать её.

У меня сводит в животе, желчь ползет вверх по моему горлу при мысли о том, что приходилось выносить моей матери. Её смерть, как теперь я вижу, освободила её. Я молюсь, чтобы мой конец стал бы тем же самым и для меня.

— Как же мы повеселимся, дитя. Только представь, у меня есть вся оставшаяся жизнь только для тебя. Коул может забрать «Багряный крест», поскольку я думаю, что удерживаю кое-что, являющееся самым дорогим для него. Тебя.

Автоматная очередь гремит позади нас. Мои глаза устремляются от темной дороги к свету фар, отражающихся в моем зеркале заднего вида.

«Он пришел за мной».

Болезненно зелёный со всполохами красного закручиваются в вихри вокруг автомобиля. Аура моего отца выдаёт его тайны. Он сердит, но больше этого он напуган.

Знание наполняет мою кровь взрывом энергии и, несмотря на поддержание моих быстро скачущих мыслей, они предельно ясные.

Я — ключ к завершению всего этого.

Со мной род Крэйвенов исчезнет навсегда, и я избавлю мир от монстра, который совершил неопишуемые злодеяния над тысячами, возможно, миллионами людей.

Это закончится здесь.

Это закончится сейчас.

Мир замер под непрекращающимся звуком выстрелов, теперь они раздаются достаточно близко, чтобы отскакивать от брони автомобиля. Звук, что я слышу, подобен простому звяканью булавок. Деревья выстроились по краю дороги так, что кажется, что они расступаются, указывая направление нашего конца.

Горбатый мост.

Моя детская сказка, превратившаяся в могилу матери.

«Насколько это подходящее место, чтобы забрать жизнь Алека Крэйвена?»

«Будет ли призрак моей матери наблюдать, как его душу утащат в глубины ада? Обретет

ли она, наконец, покой и примет ли меня в свои объятия, стирая всё, что я пережила, начиная с того дня, когда она оставила меня?»

Да.

Да.

Да.

Шепот исходит от деревьев, всё хорошее в этой богом забытой жизни сопровождает меня на пути вперед.

«Сделай это, Фей. Закончи это».

Я утапливаю педаль в пол, и автомобиль без каких-либо усилий ускоряется.

Мой отец слишком озабочен, наблюдая за происходящим через заднее стекло, его голова развернута назад, глаза пристально наблюдают, как автомобиль Коула настигает нас, несмотря на возросшую скорость нашего внедорожника.

Дорога впереди сужается в единственную полосу, въезд на мост зовет меня с широко раскрытыми объятиями.

«Сделай это, Фей».

«Будь ветром. Улетай».

Усиливаю хватку рук на руле, и мой отец поворачивает свою голову от понимания, что мы взбираемся на мощный мост. Я прекращаю смотреть на дорогу впереди, чтобы видеть, как выражение его лица меняется от гневного к наполненному ужасом. Его рука отдергивает пистолет, что был зажат между моих ног, но слишком поздно, чтобы его использовать.

С легкой мирной улыбкой на губах я яростно дергаю руль налево, и автомобиль немедленно заносит и перебрасывает через низкую каменную стену.

Вниз.

Вниз.

Вниз.

Мы летим, чувство времени и места полностью оставляет нас, в то время как мы разрезаем воздух, врываясь в широкую тёмную реку, сопровождаемые великолепным взрывом стекла, воды и крови.

Так много крови.

Мир восторжествовал надо мной, и я не борюсь, когда мутная вода смывает прочь все наши грехи. Я поворачиваю свою голову, чтобы понаблюдать за борьбой моего отца. Обломок искорёженного металла глубоко врежется в его кишки и прикалывает его к сиденью, в то время как быстро пребывающая вода смывает кровь с его тела.

Скрюченные пальцы тянутся в слабой попытке причинить мне боль. Прикосновение вторгается в мои чувства и мучительно тащит меня прочь из автомобиля.

«Нет». Я хочу видеть, как жизнь оставит его глаза. Я хочу насладиться, засвидетельствовав его последнее дыхание.

Видение приближается, игнорируя моё сопротивление, и всё становится чёрным.

Знакомые звуки и силуэты формируются перед моими глазами. Чернота преобразуется в свет. Бледные лимонные стены моей комнаты в «Крэйвен Холле» предстают передо мной, пока я лежу, свернувшись в клубок на моей кровати.

В открытом дверном проеме я вижу обоих: и мою мать, и моего отца. Для кого-то другого это может показаться, как будто они разделяют нежное объятие, но я могу видеть силу его руки на её затылке, хватку другой руки на мягкой коже её живота.

Он целует её, пожирая её рот, как будто он может уничтожить её изнутри. Когда он отрывает свой рот от неё, то усмехается, его глаза находят мои, пока он что-то шепчет в её ухо, и я вижу, как всё её тело сильнее напрягается.

Затем он уходит, а моя мама стоит и трясётся в том же положении, что он её и оставил.

Проходят мгновения, прежде чем она стряхивает ощущения от этого странного объятия, заходя в мою комнату и мягко закрывая дверь позади себя.

Я замечаю, что она как-то странно идет, как будто это причиняет ей дискомфорт, и она не садится на мою кровать, как обычно делает. Вместо этого она встаёт на колени на пол, её руки обхватывают моё заплаканное лицо.

— Не плачь, красавица. Папочка не злится на тебя. Это я сделала кое-что не так. Так что не надо больше слёз, хорошо?

Я фыркаю, но киваю, даже такая юная я понимаю, что она нуждается в успокоении моего согласия.

— Это моя девочка. Помнишь, что я тебе говорила? Мы уйдём, ты и я. Скоро, но лишь на некоторое время. Хочешь?

Я дарю ей дрожащую улыбку и киваю ещё раз.

— Хорошо. Теперь поспи немного, я приду и заберу тебя позже.

Она целует каждое из моих век, её тонкие пальцы вытирают остатки моих солёных слез.

— Будь ветром, моя любовь. Растворись.

36

Гребанного автомобиля нет так долго.

— Где он, черт подери? Доставьте этот *банный автомобиль сюда немедленно!

Я шагаю в открытые ворота загона, мои глаза исследуют дорогу в поиске машины, которую потребовал Люк. Каждая ускользающая секунда похожа на гребаный час. Каждый уходящий момент предрешает судьбу Фей.

— Он в пути, брат. Группы эвакуируют людей из «Крэйвен Холла». Там раненые, нуждающиеся в неотложной помощи. Они только следуют твоим приказам, — слова Люка выводят меня из себя, несмотря на их правдивость.

— Если она умрёт... — угроза повисает в воздухе между нами.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но рёв двигателя останавливает его.

Лидер первой группы, мужчина, имя которого я никогда и не пытался запомнить, тормозит перед нами, управляя тёмным внедорожником, идентичным тому, что я оставил для Фей.

— Залезайте! Куда ехать? — ни одного из нас не заботит соблюдение формальностей, за что я благодарен. Я указываю вниз по темной дороге в направлении, в котором скрылись Фей и Алек, и мы выдвигаемся в погоню, шлифуя шины и хрустя вылетающим гравием.

Этот обученный убийца умеет водить, он везет нас вниз по проселочной дороге с навыком участника ралли. Но это всё ещё недостаточно быстро.

Я наклоняюсь вперед к приборной доске, мои глаза исследуют тьму, незнакомое чувство беспокойства стягивает мои кишки.

— Там! — я указываю на пятнышко света на расстоянии, и облегчение разносится по моим венам.

Адреналин переполняет моё тело — это объясняется потребностью спасти Фей, а не мыслями об убийстве Крэйвена. Если б у меня было больше времени, чтобы подумать об

этом, я бы почувствовал отвращение к себе.

Нет ничего более ценного, чем окончить его жизнь.

«Это она».

Нет. Она — трофей, подслащенная пилюля, ничего большего.

«Лжец».

Окно широко открывается, и поток воздуха врывается в автомобиль, мои длинные волосы прерывисто хлещут меня по лицу, являясь помехой для лучшего обзора.

Быстрыми движениями пальцев я собираю их вместе и перехватываю резинкой, найденной в бардачке.

— Прострели *баные шины, — вопит Грим на Люка, пока он неоднократно наносит удары своим кинжалом в заднюю часть моего сиденья, подпрыгивая на своём месте и распространяя смертоносную энергию.

Выстрелы отражаются в моих ушах. Мой брат обычно в совершенстве поражающий мишени, промахивается по цели и несколько раз попадает в бронированный кузов автомобиля.

Скорость и темнота препятствуют его обычно совершенной стрельбе.

Мы нагоняем их, но этого мало. Я приказываю водителю протаранить их, выкинув с дороги, если он сможет, но здесь нет никакой дороги, по которой мы бы смогли развить необходимую скорость, чтобы подобраться достаточно близко.

— Чокнутая чёртова девчонка, — в голосе Грима слышится легкое уважение, я просматриваю дорогу впереди, чтобы увидеть то, что заставило его сделать такую похвалу любому, не говоря уж о ней.

А затем я вижу это.

Мост.

Я понимаю, чем это закончится ещё до того, как их колеса сталкиваются с мощным основанием.

Она собирается убить их обоих.

Она собирается лишить меня моей мести и отнять свою жизнь у меня, забирая всё, что является моим.

Наши шины визжат, скользя в тормозном пути, и водитель останавливается в нескольких дюймах от моста. Звук металла, ударяющегося об камень, настигает мой слух, и мы все наблюдаем с открытыми ртами, как автомобиль перед нами врезается в хрупкую каменную стену на вершине моста. Шум оглушающий, громче, чем любой взрыв, и менее чем за секунды внедорожник резко падает, врезаясь в полноводную реку внизу, уровень воды в ней поднялся после недавних дождей.

Я выскакиваю из автомобиля и мчусь к мосту, прежде чем успеваю сделать следующий вдох. Крутой и наклонный скат насыпи на пути к реке становится неприятным противником, пока я карабкаюсь вниз к воде. Я использую любой камень, корень или ветку в пределах досягаемости, чтобы приблизиться к быстро исчезающей задней части автомобиля. Красные задние габаритные огни сердито насмеваются надо мной, словно дьявольская пара глаз на лице моего заклятого врага.

Люк призывает меня остановиться, все трое мужчин наступают мне на пятки.

Я игнорирую его, скатываясь со скалистой насыпи, подбираясь ближе и ближе к бушующей воде, до того, как вижу свой шанс.

Не оглядываясь назад, я ныряю в бурлящие глубины реки.

Я ничего не вижу из-за чёрной бурлящей воды, мои легкие кричат от нужды в кислороде, в то время как я борюсь против бушующего потока и ныряю глубже к передней части искорёженного автомобиля.

Странный свет ведет меня, освещая мой путь. Может, это луна, или, может, свет исходит из автомобиля, но он значительно ярче, чем любой из названных источников света. Это как будто что-то или кто-то помогает моим поискам.

Я добираюсь до двери со стороны водителя и подтаскиваю себя к разбитому ветровому стеклу. Весь автомобиль в настоящее время затоплен, и только дюйм свободного пространства остался не заполненным водой.

Алек все ещё борется за жизнь, несмотря на дыру в его животе от стойки толщиной в десять дюймов, что приколола его к сиденью. Каждая клетка внутри меня кричит, чтобы разорвать его без пяти минут мертвое тело, чтобы я смог быть тем, кто отправит его к создателю, но девочка рядом с ним — та, для кого бьётся моё черное сердце. На этот раз моё сердце побеждает.

Она без сознания, вода полностью охватила ее, темные развевающие волосы плавают вокруг её тела, скрывая лицо. Я осматриваю её на видимые повреждения и не вижу ни одного. В то время как черные точки застилают моё зрение из-за недостатка кислорода, я вытаскиваю нож, привязанный к моей ноге, и перерезаю ремень безопасности, который удерживает её на месте. Как только ткань разрывается, я втаскиваю себя через разбитое ветровое стекло, приветствуя осколки стекла, разрывающие мою кожу с такой необходимой волной боли, вызывая взрыв адреналина, притупляя мою потребность в кислороде.

Обхватывая обеими руками её безжизненное тело, я вытаскиваю Фей из-под обломков и пинаю всё, что мешает мне вытащить её на поверхность.

Что-то оборачивается вокруг моей лодыжки, таща меня обратно в чернильные глубины, и я чуть было не отпускаю Фей из захвата рук, пока со всей своей силой отпинаиваюсь, чтобы стряхнуть то, что меня удерживало. Бросаю взгляд вниз и вижу лицо Алека. Даже теперь, на краю смерти, он находит силы попытаться забрать с собой и мою жизнь.

Движение с моей стороны останавливает мою бесполезную попытку стряхнуть его, и я вижу, как узнавание затапливает лицо Алека, когда мой брат подплывает к нему, сжимая в кулаке огромный охотничий нож.

Мощным ударом с плеча, что выглядит так, будто воду перерезают посередине, как я представляю, Моисей разделял Красное море, Люк перерезает горло Алеку. Тёмная вода немедленно превращается в красную, как только мои лёгкие расширяются, требуя, чтобы я вдохнул.

Медно-красная жидкость заполняет мою грудь, моя хватка на Фей ослабевает, прежде чем я присоединяюсь к ней в темноте.

В смерти, где царит покой.

«Прости, принцесса, я подвел тебя».

37

Люк

Я сижу за своим заваленным столом, бессмысленные документы разбросаны по всей его поверхности, и яростно пробегаю рукой по моим идеально уложенным волосам.

Я, бл*дь, ненавижу беспорядок.

Я ненавижу сидеть за столом, как корпоративная акула, нанимая и увольняя, подписывая бессмысленные строки.

Я, может, и похож на хорошо ухоженного бизнесмена. Кого-то с большей властью, чем должна быть в столь молодом возрасте, но я не один из них. Восседаю на троне в «Багряном кресте», а так же беря под контроль и превращая его в общество, которое однажды стало бы мечтой моего брата.

Не моей.

Я искал мести, а не бюрократии.

Фасад, за которым я прячусь, может заставить окружающих думать, что я больше подхожу для этой роли, чем Коул, но это не так.

В его отсутствие тяжесть соблюдения порядка упала на мои плечи, и это — тяжелое бремя, чтобы его нести. Это заставляет меня жаждать стать более похожим на Грима. Я хочу, чтобы мои намерения были легко читаемыми, как он умеет это делать. Его шрамы не только рассказывают о его демонах, они восхваляют их. Каждый, кто смотрит на него, видит его истинную сущность.

Они смотрят на меня и видят утонченность, класс и обманчивую привлекательность.

С одной стороны — это бонус, они недооценивают меня.

С другой — это проклятие, поскольку я никогда не могу быть честным сам с собой. Моя маска никогда не должна соскользнуть. Хорошо, по крайней мере, не в интеллигентных кругах.

Потеря моего брата бесит меня. Мы всегда были неразлучны, разделяя всё, начиная с самого детства.

Мы разделяли наши поиски мести, нашу жажду крови и даже наших женщин. Ничто не было недоступным или табу. Коул питал моих демонов, в то время как я помогал ему обуздать его зверя. Мы, может быть, внешне и не похожи, но мы разделяли очень схожие вкусы. Полагаю, это побочный продукт нашего воспитания.

Алек Крэйвен забрал всё у меня.

Моих родителей, а теперь и моего брата.

Моё единственное утешение — я перерезал ублюдку горло.

— Господин Хантер, — безликий голос моей секретарши раздаётся из спикерфона. — У Вас господин Блейк на первой линии и на второй адвокат Джереми Уинстона, — я сжимаю в руке авторучку так сильно, что она разламывается пополам. Чернила окрашивают мои пальцы и пачкают бумаги под моим кулаком.

Два *банных месяца я делал это один.

Два месяца безостановочной херни. Успокаивания высокопоставленных членов, проталкивания нового устава, параллельно отбиваясь от покушений на убийство меня со стороны тех, кто хочет меня свергнуть. Многие из них лидеры «Пирамиды», которые потеряли близких в резне в «Крэйвен Холле», несмотря на то, что мы сделали всё, что могли, чтобы спасти их. В целом в тот день мы потеряли двенадцать жизней. Двенадцать матерей, сыновей, любовниц или дочерей. Двенадцать душ вырвали из этой жизни и уничтожили, как ничего не стоящей мусор.

Я могу понять необходимость их семей в мести. Но это не означает, что я собираюсь упростить им задачу.

Испачканными в чернилах пальцами я давлю на кнопку спикера и рычу:

— На сегодня я закончил, Диана. Скажите им перезвонить завтра.

Я отпускаю кнопку, не дожидаясь её ответа, а затем передумываю и сильно жму на кнопку ещё раз.

— Вообще-то, Диана. Скажите им отъ*баться, а если им это не понравится, передайте, что придётся встать в очередь и взять порядковый номер. Там длинная очередь жаждущих моей крови.

Прежде чем отключиться, я слышу её вздох.

Не беспокоясь, чтобы помыть руки, я подхватываю ключи от автомобиля, бумажник и телефон из ящика стола и покидаю мой офис, не оглядываясь назад.

Мои чернильные пальцы сильно бьют по экрану телефона, когда я шагаю к лифтам. Ударами набирая номер — первая вещь, которая ощущается правильно за последние дни.

Раздаются два гудка, прежде чем отвечает его знакомый голос, я не жду, пока он заговорит, и произношу:

— Подготовь комнату для «игр» и полностью наполни её. Я только что взял несколько выходных дней, пришло время выпустить пар.

Двери лифта с шипением закрываются, и я нажимаю кнопку подземного гаража.

— О, и Грим. Никаких брюнеток, в этот раз только блондинки. Я хочу подержаться за юбочку мамочки.

Я слышу его извращенный смех через дребезжание динамика, в то время как отрубая его, и теперь могу почувствовать, как напряжение оставляет моё тело с каждым этажом, по мере того как я спускаюсь на лифте.

Двери открываются на подземной парковке, похожей на пещеру, и, проигнорировав целый парк автомобилей, я подхожу к Ducati Macchia Nera (Прим. один из самых дорогих байков известного итальянского бренда). Этот байк — один из очень немногих в этой модели, сделанных изготовителем как супербайк, и его название означает «Чёрное пятно», которое вы, несомненно, оставите на дороге, когда выжмете ручку акселератора.

Я купил его, потому что он чёрный, похож на грех и позволяет мне ускоряться без последствий. Когда демон, которого вы несёте внутри себя, находится так близко к поверхности, то вы учитесь находить пути и средства, препятствующие ему вырваться на свободу. Поскольку я не могу убивать на досуге или трахаться день и ночь, этот байк даёт мне другое долгожданное освобождение.

Я понимаю, что я — Хантер, которого вы меньше всего ожидали увидеть на мотоцикле. Транспортное средство, гораздо больше подходящее моему брату с его дикими волосами и злым внешним видом, но как я уже вам говорил, следует всегда остерегаться волка в овечьей шкуре.

Я раздеваюсь там, где стою, и полностью одеваюсь в кожаную одежду, которая хранится в моей седельной сумке. Чёрный шлем с матированным стеклом скрывает моё лицо от посторонних взглядов, в то время как я перекидываю свою ногу через сиденье и заставляю Ducati рычать.

Это именно то, в чём я нуждаюсь, до того, как я доберусь до игровой. Если я зайду в неё в своём теперешнем настроении, те блондинки получат намного больше того, на что подписались, намного больше.

Скорей всего, ни одна из них не подписывалась на это с намерением умереть, а вероятность этого велика, если я не смогу контролировать себя. Таким образом, я могу вернуться в «Хантер Лодж» и повторно собрать свою маску хладнокровия, соскользнувшую с моего лица.

Однажды Коул сказал мне, что я напоминаю ему главного персонажа из фильма «Американский психопат» (Прим. чёрная остросюжетная кинокомедия 2000 года по одноименному роману Брета Истона Эллиса). Серийный убийца, который заманивал людей своей приятной внешностью, прежде чем уничтожить их пневматическим молотком. Я помню, как оскорбился на его попытку пошутить. Не от того факта, что он сравнил меня с убийцей-психопатом, а поскольку я гораздо лучше выгляжу, чем Кристиан Бэйл.

Я ускоряюсь, как только выезжаю из бедных районов Лондона, петляя через раннее вечернее движение транспорта и ускоряя темп, когда переполненные улицы превращаются в шумные автомагистрали, затем трансформируются в более тихие проселочные дороги. Я отпускаю свой разум. Наконец, я позволяю себе скучать по нему. Чувство, чуждое для меня по двум причинам. Первая, мы, Хантеры, не имеем таких причудливых эмоций, и вторая, где бы он ни был, — я сомневаюсь, что он скучает без меня.

Я значительно замедляюсь, когда приближаюсь к воротам «Хантер Лодж». Гравий под моими шинами — долгожданное ощущение после нескольких дней в городе.

Остановившись перед главным гаражом, слезаю с байка, снимаю свой шлем и вижу пёстрый уродливый американский Cadillac Грима, припаркованный у дверей. Почему он настаивает на том, чтобы водить автомобиль, который выглядит так, как будто принадлежит Мисс Дэйзи, я никогда не пойму. Коул однажды сказал мне, что это было сентиментальностью, обладать им, принадлежавшим давно умершей бабушке. Вероятно, единственному члену его семьи, которого он не убил. Однако наблюдать, как весь в шрамах, татуированный воин выбирается из этого отвратительного автомобиля — то ещё зрелище. Я даже не хочу говорить о его музыкальном вкусе во время поездок.

«Противоречия — разве мир не кишит ими?»

Я иду к передним дверям «Лоджа», они широко распахнуты, и у меня даже нет необходимости открывать их. Грим стоит передо мной, новая зверушка у его ног. Она не блондинка.

Он улыбается в той маниакальной манере, которая демонстрирует его совершенные белые зубы и острые резцы.

— Эта не твоя. Ты не отхватишь эти маленькие симпатичные трусики, не переживай. Я подготовил «игровую», как ты и просил.

Я шагаю мимо них обоих, сдирая свою вторую кожу, пока иду.

— Сколько дней Анна будет отсутствовать? — спрашиваю я, пока приближаюсь к запертой двери темницы.

— Она возвращается в воскресенье, так что три дня с этого момента. Максимально используй его, потому что она привезёт с собой всех из Убежища. Это место будет больше похоже на реабилитационный центр для беспризорников и обездоленных.

«Здорово».

Наследство Коула.

Он превратил «Хантер Лодж» в безопасную зону для любого ребенка, которого мы спасли из когтей педофилов и торговцами людьми за последние десять лет. Никто, кроме Грима, Анны и меня не знает, что же случилось с каждым из тех детей, что мы нашли в плену. С тех пор, как в тот день Коул убил нашего отца и возглавил Хантеров, это была его миссия. Когда Алек сделал его своим самым преданным убийцей, Коул использовал своё положение, чтобы подкидывать свидетельства воровства или нарушений дюжинам членов и сотрудников «Багряного креста», так что Алек посылал его за расплатой.

А он всегда всех забирал.

Он всегда спасал.

Множество спасенных жизней задолжали моему брату, и ещё больше смертей, но он только забирал тех, кто заслужил его гнев. Его зверь любил убивать, но его вкусы были исключительными и только для зла. Коул Хантер никогда не проливал невинную кровь.

Возможно, он и был монстром, мужчина, живущий во тьме, но он жил по своим собственным моральными принципами, и он навязал эту мораль мне.

Теперь настала моя очередь найти свою собственную.

Я отпираю дверь перед собой, прежде чем стягиваю кожаный костюм с лодыжек и бросаю на пол. Обнаженный, я спускаюсь по лестнице в «игровую» в подвале.

Это место однажды было нашим адом. Комната, куда отец бросил нас и лишил жизни. Та же, где я лежал в позе эмбриона напротив гниющего трупа нашей матери на протяжении череды дней и рыдал в её пропитавшуюся кровью кожу.

Это комната, где Коул пообещал мне месть.

Теперь это место, где мы разделяем исследование наших демонов. Ладно, так было когда-то — Коул и я, теперь я довольствуюсь Гримом и его варварскими наклонностями.

Воздух здесь внизу всегда пахнет одинаково. Даже после всех этих лет привкус крови тяжело оседает на моём языке. Скорей всего, потому что кровь всё ещё проливается здесь, единственное отличие в том, в чем мои приятели согласны на это. Они хотят бросить вызов моему монстру, они хотят ощутить его зубы, разрывающие их плоть.

Когда я схожу с последней ступеньки, то щелкаю единственной голой лампочкой и освещаю обширное пространство.

Улыбка растягивает мой рот, мой член незамедлительно твердеет.

Три красивых блондинки, как я и заказывал, привязаны к различным устройствам по комнате.

Подходя к своему верстаку, я осматриваю все свои инструменты и выбираю любимое орудие, затем медленно рассматриваю своих зверушек. «С какой бы начать?»

— Кто хочет умолять первой?

Связанные девчонки с кляпами во рту хныкают, и я, наконец, позволяю своей усмешке вырываться на свободу.

— Нет нужды быть жадными, у нас есть дни, мои зверушки. Дни и дни напролёт.

38

Грим

— Используй свои зубы. Укуси его, сука. Кусай, бл*дь, жестко.

Брюнетка у моих ног, заставляя себя, погружает свои жемчужно-белые зубы в мою мягкую кожу у основания вставшего члена, до того как головка ударяется о заднюю стенку её горла. У неё заткнут рот, и в тот же момент она кусает ниже, а я взрываюсь с рёвом, покрывая её горло и губы своим семенем вперемешку с моей кровью.

Я хватаю её волосы в кулак и отдергиваю её голову от своего члена.

Широко открытые слезящиеся глаза смотрят на меня, пока остатки моей спермы, покрасневшие от моей крови, льются вниз по её подбородку, смешиваясь с её слюной.

«*бать. Что за восхитительный вид». Такое чертовское зрелище, что мой удовлетворённый член начинает подергиваться, возвращаясь к жизни, жажда ещё одного

освобождения.

Она хнычет, когда я сжимаю её волосы в кулаке, чтобы поставить девку на ноги.

— Мы закончим это позже, у меня есть дело, о котором надо позаботиться, так что будь хорошей маленькой сучкой и приберись у меня в комнате.

Она уходит, вращая бёдрами. Её крепкий зад взывает ко мне каждым покачиванием бёдер. «Дразня гребаный член. Давайте посмотрим, как ей понравится, когда я отрахаю её задницу на сухую через пару часиков».

С Люком, запершимся в своей темнице, скорей всего, на следующих нескольких дней, и в отсутствии Коула, я нахожусь в растерянности, несмотря на мою новую должность «палача» в «Багряном кресте».

Ранее это было обязанностью Коула, дарованной ему Алеком Крэйвенем, и с тех пор, как их обоих не стало, она перешла ко мне.

Я не буду лгать — я создан для этого. Проблема в том, что я должен править по-своему и ожидать приказы, как никогда прежде. Самое интересное в том, что приступая к обязанностям в состоянии эйфории, мало шансов на победу, и это начинает походить на что-то вроде облома.

Итак, учитывая занятость Люка, я собираюсь уйти в отрыв. Я знаю много из мест, где спрячутся те, кто заслуживают смерти, и мне нужно это. Я нуждаюсь в не заказном убийстве. Мне необходимо уничтожить кого-то по моему собственному выбору, а не по их приказу.

Я не всегда жил в «Хантер Лодж», я переехал сюда через несколько дней после резни в «Крэйвен Холле». Люк нуждался в моей помощи в удержании контроля над «Багряным крестом». Я задолжал ему это. Я задолжал Хантерам всё. Так что выбор был прост.

В течение последних двух месяцев я был в полном распоряжении Люка. Я не возражаю, серьезно, но когда он наконец-то взял передышку, в которой нуждался, до того как скинет старую кожу перед всем миром, настало время для меня, чтобы сменить мою.

Я уезжаю из «Хантер Лоджа» на своём старом и верном автомобиле, под голос Фрэнка Синатры, напевающего из единственного современного оборудования в моем автомобиле — стерео, и направляюсь в недра Лондона.

Не занимает много времени добраться до моего пункта назначения, наводку я получил от нашего общего друга.

Паркуясь около старого склада, я глушу двигатель и раздумываю: исследовать место или послать всё на х*й и отправиться прямо через переднюю дверь.

«На х*й» побеждает, и я запираю своё единственное ценное имущество, но не раньше, чем захватываю свой ремень с инструментом из багажника.

Я оборачиваю мягкую как масло кожу вокруг пояса, и мои пальцы невольно ласкают холодные металлические орудия и зазубренные грани моих излюбленных друзей.

Это будет так весело. Я надеюсь, что каждый поучаствует в этом сегодня. Это будет таким позором для любого, кто пропустит это.

Я проверяю главную дверь — должно быть, сегодня мой счастливый день — она открыта. Фактически формальное приглашение, всё, что мне нужно, — коврик «Добро пожаловать», чтобы вытереть свои ботинки, хотя, я уверен, что смогу импровизировать. Я не утруждаю себя хитростью, порой гораздо веселее, чтобы они видели, как ты идёшь. Вы можете видеть, как выражения их лиц меняются с «Пошёл на хер отсюда, псих» до «Пожалуйста, не убивай меня, ты, прекрасный сукин сын». Некоторые могут сказать, что у меня извращенное чувство юмора, но для меня это дерьмо, черт побери, кажется таким

забавным.

Тишина приветствует меня, пока я проталкиваюсь через парадный вход, свободная зона приемной этого старого типографского склада тупо уставилась на меня, и обесцвеченная солнцем эмблема, прикрепленная позади убогого стола, гласит: «Никогда не доверяйте тому, кто не принес книгу с собой».

Ладно, я думаю, они имели в виду меня. Я бы не стал доверять себе тоже.

Налево от пыльного не использующегося стола ещё одна дверь. Неудачно для меня — эта заперта. Как будто это сможет удержать меня здесь. Я втыкаю один из моих меньших ножей в раму рядом с механизмом и вырываю дверь, открывая её с минимальным усилием, выдалбливая древесину в процессе.

Вкладывая в ножны свой нож, я берусь за ручку двери и поворачиваю её, дверь не открывается, поскольку я — не гребаный слесарь, а из-за ствола в настоящий момент, упирающегося мне в висок.

Хитрый ублюдок подкрался ко мне.

— Положи свои ладони на дверь, туда, где я смогу их видеть.

Я перемещаюсь и слышу щелчок предохранителя.

— Я сказал, положи свои гребаные руки на дверь, где я смогу их видеть, мудака, — голос мужчины сопровождается худшей вонью из рта, с которой я когда-либо сталкивался, и его зловонный рот прямо рядом с моим лицом.

Я делаю глубоких вдох через рот, пытаюсь не чувствовать зловоние, но я, бл*дь, могу ощущать эту гадость на своём языке.

— Это — то, что я пытался сделать, ты — *банный идиот. Теперь, убери подальше от моего лица своё зловонное дыхание, или я вырву твои морщинистые яйца и использую их как кляп.

Мой пока ещё невидимый компаньон смеется так, как будто он думает, что я полное дерьмо.

Его смех гонит его паршивое дыхание прямо в мой нос.

Этот мудака умрёт.

Удар головой назад, сопровождаемый ударом локтем по его гортани, и вонючий урод оказывается на полу у моих ног. Его сокрушенное горло блокирует воздух к его легким, и его лицо становится симпатичного синего цвета.

Хватая его за сальные волосы, я выворачиваю голову, чтобы он смотрел на меня, и демонстрирую ему мою любимую игрушку.

— Это, — я передвигаю мою «Бусси Батл Мистрес» (Прим. марка ножа), десятидюймовую двухфунтовую красотку, которая является в буквальном смысле острой как бритва, — ...это Мисси. Она всюду со мной, и она только что сказала мне, как ей не терпится отрезать твои яички. И не говори, что я не предупреждал тебя.

Он по-прежнему задыхается и скулит, как девчонка. Его потрясенное и испуганное лицо — произведение искусства, и я хочу глазеть на него, пока он не обмочится, но, к сожалению для меня и к счастью для него — у меня нет на это времени.

Два быстрых взмаха, и перед его джинсов теперь имеет удобную откидную створку, ещё три взмаха и у его шаров теперь новый дом.

Я оставляю парня с неприятным запахом изо рта, давайте называть его Хэл* для краткости, воющим на грязном полу (Прим. ироничное прозвище, данное героем парню, — отсылка к слову «hallow» — плакать, завывать от боли). Когда я говорю «воющим», я имею в

виду испускающим неразборчивый шум, пока он задыхается из-за собственных мешочков с орешками.

Он не может сказать, что я не предупреждал его. В действительности, он не сможет вообще ничего сказать.

Я вытираю Мисси, возвращаю её в ножны на моём бедре и открываю до этого запертую дверь.

Мое появление неожиданно.

Откуда я знаю это?

Да потому что два мужика и одна женщина, оккупировавшие комнату до меня, прекратили всё, что они делали, и развернулись в мою сторону.

И то, чем они занимались, — причина, почему я здесь.

— Эй, парни, — сладко улыбаюсь я, в то время как медленно захожу в большую комнату через дверной проём, под звуки, которые издает умирающий Хэл, корчась позади меня. — Кто-нибудь заказывал кровь?

Эпилог

Часть первая

Тишина.

Темнота.

Я знаю, что он у меня за спиной.

Даже с моими завязанными глазами, я могу ощутить его, почувствовать его, жаждать его. Каждая часть меня настроена на него, и он манипулирует этим фактом, а я позволяю ему это.

Жар — первое, что я почувствовала.

Тепло от его мощных ног проникает в кожу позади меня. Грубые волосы, что покрывают его мускулистые бёдра, щекочут мою обнажённую задницу, заставляя меня извиваться на холодной коже, к которой я прижата грудью.

Я на коленях, верхняя часть моего тела прижата к мягкой кожаной скамье, мои руки связаны за спиной в локтях.

Я могу быть лишена зрения и возможности прикосновения, но я по-прежнему могу слышать, всё ещё могу чують запах и пробовать на вкус. Забрав два из моих чувств, мои другие три стали острее.

Я могу слышать его дыхание и ощущать каждый его выдох на обнажённой коже моей спины.

Я могу чують его кожу — мускусный, восхитительный аромат, такой мощный, что я хочу вдыхать его, поглотить и позволить ему окутать меня.

Я могу распробовать его на своём языке, в то время как он обхватывает одной сильной рукой мою челюсть, приоткрывая мои губы своим крупным большим пальцем. Искушение укусить поглощает меня, и я делаю именно это, зарабатывая шипение из его губ и резкий удар по моему заду.

Однако он не говорит, не наказывает меня и не высказывает мне недовольство. Вместо этого, он устраняет контакт с его телом, оставляя меня мерзнуть. Я извиваюсь, безуспешно пытаюсь вернуть его прикосновение, пока мои груди и голова по-прежнему лежат на мягкой кожаной скамье.

— Пожалуйста, — стонущая мольба с придыханием срывается с моих пересохших губ. В моем рту всё онемело, мои вздохи учащаются до тех пор, пока я не задыхаюсь от потребности.

А он по-прежнему не прикасается ко мне.

Я кручу моей задницей, приглашая его взять, использовать, безжалостно разграбить.

По-прежнему ничего.

Моя потребность превращается в ярость, пузырящуюся под моей кожей. Мои связанные руки трутся о жесткие верёвки. Кулаки сжимаются, вынуждая ногти глубоко впитаться в мои ладони.

— Я твоя, Коул. Возьми меня.

Пять слов. Пять слов, которые освобождают меня.

Он стремительно обхватывает мои волосы, и я чувствую натяжение кожи моей головы, когда он наматывает их на свой кулак. Одна его рука в моих волосах, другая оборачивается вокруг моей шеи. Его большая ладонь опалает мою кожу, его длинные пальцы сильно врезаются, ограничивая мой воздух.

Вздох застревает в моей груди, и он использует этот момент, чтобы выпустить мои волосы и сильно шлепнуть меня.

— Скажи мне, принцесса, — его хриплый, скрипучий голос щекочет моё ухо. — Ты намокаешь, когда я не даю тебе дышать? — рука собственнически сжимает мое горло, в то время как другая на моей попе ласкает кожу, на которой все еще чувствуется жалищее ощущение после его удара, и скользит между моими ногами, чтобы найти меня, истекающую от желания.

— Ах, принцесса. Я знал, что в тебе есть немного тьмы, желающей вырваться на свободу.

Он резко отпускает моё горло и захватывает мой задыхающийся рот в зверском поцелуе. Его язык глубоко погружается, доминируя надо мной, и ворует последние остатки воздуха из моих легких. Я ощущаю себя так, как будто могу пройти через безумное использование моего тела для его удовольствия и при этом реализовать всю власть, что я держу в своих руках. Моё подчинение — по-прежнему сильнейшее возбуждающее средство.

Имитируя толчки языка, его талантливые пальцы глубоко погружаются в мою киску, находя скрытые места, наполняя их электричеством, и каково это — чувствовать волны пульсирующего удовольствия от моей сердцевины, проносящиеся через всё моё тело.

Разрывая поцелуй, он кусает мои губы, затем шею, прикусывая мои плечи — отмечает моё тело своими зубами.

К тому моменту, когда его губы достигают моей попки и прикасаются к ложбинке на поясице, я готова взорваться.

Словно ощутив это, его пальцы останавливают манипуляции, и его прикосновения полностью оставляют меня. Бессмысленный, порывистый и нуждающийся стон исходит из глубин моей груди, и он использует его как сигнал начать ласкать меня снова.

Разводя ягодицы в стороны, его теплый влажный язык обводит моё запретное отверстие, сводя меня с ума, мои бёдра совершают круговые движения, чтобы получить большее количество этих запретных прикосновений.

Он игнорирует мои попытки взять больше, чем он хочет дать, и перемещается ниже по моим складочкам киски, облизывая мою киску, как изголодавшийся. Его злой язык чередует подталкивание глубоко внутрь и порхание по моей нежной коже. Эффект сводит сума. Когда

его руки скользят по моему переду, а его дьявольский большой палец начинает играть с моим клитором, я кричу после всего нескольких ударов, мои ноги сжимают его голову, моё тело неудержимо трясётся. Прежде чем я спускаюсь откуда-то из-под потолка, он заполняет меня одним жестким толчком. Его толстый член растягивает меня, касаясь тех частей, которые никогда не были затронуты прежде.

Боль, удовольствие — это слишком, и мои глаза слезятся под повязкой, мягкая ткань впитывает мои слёзы и сохраняет сильные эмоции в тайне.

Он не ждет, когда я приспособлюсь к его размеру, он безжалостно погружается в меня. Мои твёрдые соски трутся о мягкую кожу, в то время как он толкает меня всё дальше и дальше вверх по скамейке, пока мой таз не оказывается вровень с краем. Добавляя трения моему чувствительному клитору — толкая меня ещё к одному оргазму.

— Коул, Коул, Коул, — молитва, заклинание, бессвязно слетающая с моего языка, с каждым мощным толчком его члена в мою киску.

Пока я издаю стоны, он молчит. Только его тяжелое дыхание даёт мне знать, что он под воздействием нашего совокупления так же, как и я.

Быстрее и глубже трахая, оставляя восхитительным образом синяки, которые, определенную, завтра будут болеть. Мне плевать на последствия, водоворот чувств в моём теле требует освобождения. Безрассудная жестокость, с которой он заявляет о своей нарастающей необходимости во мне, наводняет мои вены наркотическим опьянением от желания.

Цвета более яркие, чем я когда-либо видела открытыми глазами, взрываются перед моим внутренним взором, когда другой оргазм накрывает меня. Моя киска сокращается вокруг его длины, когда его искусные пальцы присоединяются к агрессивному проникновению, вторя его члену, они протирают твердую небольшую измученную жемчужину сверхчувствительной плоти, которая уже находится в припухшем состоянии, спрятавшись в складочках киски.

Это уже слишком. Я не могу больше терпеть. Мой мозг словно пребывает в состоянии короткого замыкания, несмотря на крик моего тела:

— Да, больше. Да, ещё.

С одним последним зверским толчком мой ранее молчаливый муж ревёт моё имя, наполняя меня своим семенем.

Его тяжелый вес опускается на мою спину, больно прижимая мои связанные руки к коже, но мне всё равно. Это чувствуется правильно.

Его пот, покрывающий грудь, стекает на мою кожу, его член дергается глубоко внутри моей использованной киски, и его затрудненные вздохи вжимают меня всё глубже в скамью, ограничивающую мои движения. Это всё чувствуется таким правильным.

Слишком быстро он отстраняется, спешно освобождая меня от веревок на руках, мои конечности восстанавливают свою чувствительность с болезненным покалыванием, которое он успокаивает глубоким массажем, уговаривая мою плоть успокоиться, а боль утихнуть.

Позабывшись обо мне, Коул подхватывает меня на руки и несёт в кровать, снимая мою повязку и смахивая в сторону оставшуюся влажность на моих щеках.

— Вот ты где, принцесса, — его слова, нежный способ заботы обо мне — способ Коула произносить те вещи, которые никогда не будут произнесены. Вещи, которые он не способен озвучить, или, возможно, даже почувствовать. Слова и любовные банальности, которые

большинство жён будут ежедневно ожидать, особенно после секса, — отсутствуют. У меня нет необходимости слышать их, я не нуждаюсь в устном подтверждении, поскольку я вижу их. Я вижу все вещи, которые он не может сказать. Фиолетовый в его ауре затмил похоть, смешиваясь с его тьмой в красивых облаках, которые более драгоценны для меня, чем любые слова. Спорим, ему даже не известно, как глубоко его обуяли чувства, или как много я стала значить для него.

Два месяца назад мы родились заново.

Он утонул ради меня.

Он отдал свою жизнь за меня.

Слова кажутся бессмысленными, учитывая эту жертву.

По требованию Люка, Коул и я исчезли. Наши безжизненные тела были восстановлены и транспортированы в убежище. Я понятия не имею, где мы, но мы не одни.

Анна — экономка «Хантер Лоджа», также здесь, с нами, исполняя любую нашу прихоть. Видите ли, мой муж — это не только монстр, но и спаситель.

Вместе с Анной Саймон — юный мальчик, которого я встретила месяцы назад в мои первые дни жизни с Хантерами.

Саймон — протеже Коула. Более того, он один из множества детей, которых братья Хантер спасли от жизни в ужасе, помогая им, руководя ими, обучая их и делая всё от них зависящее, чтобы собрать их разбитые жизни воедино. Также в убежище некоторые из оставшихся в живых после резни в «Крэйвен Холле». Те, у кого нет семей, чтобы возвратиться к ним, те, с кем Анна проводит всё своё время, пытаюсь заштопать некоторые полученные раны. Эмоциональные раны, которые команда докторов Коула не смогла исправить швами и медикаментами.

Она — удивительная женщина, и, как оказалось, бала лучшей подругой детства Мелинды Хантер, превратившаяся затем в личного ассистента. Связь, из-за которой отец Коула позволил ей остаться. Даже когда его душа опустилась на самое дно адской преисподней, он держал её около своих сыновей в качестве замены. Она также почувствовала на себе гнев вражды Крэйвен — Хантер и носила шрамы, доказывающие это. Сила её духа доказана отказом уйти. Она, возможно, не смогла уберечь Коула и Люка от их ужасающего детства, но она была одной из их точек спасения от ужасов, которые они вынесли. И, насколько ей удавалось, она заботилась о них как о своих собственных детях.

Женщина — ангел.

Ангел, проживший всю свою жизнь в недрах ада.

— Ты поспи, пока я помогу Анне и Саймону. Мы уезжаем через несколько дней. Нужно много всего организовать, плюс мне не нравится делиться тобой.

Его глубокий голос щекочет мою кожу, пока я лежу в его объятьях.

— Нет. Я хочу пойти с тобой. Если ты мне позволишь, я могу помочь. Я уверена, девочки предпочтут ещё одно дружественное женское лицо. Если ты подождешь меня, пока я сполоснусь, я могу быть готова через пару минут.

— Фей, — начинает протестовать он, но я прерываю его. Это забавно, насколько изменились наши взаимоотношения за последние несколько недель. Они изменились, но по сути — те же самые. Да, я могу больше высказываться, что является новым, и кое-чем, что нравится ему, — когда я бросаю ему вызов, но, в конечном счете, я по-прежнему

подчиняюсь ему так же, как и всегда.

— Ты же знаешь, я ненавижу быть запертой в одиночестве, я так провела большую часть своей жизни. Я знаю — это твоя потребность защищать меня, но я в безопасности, Коул. Я здесь. Я твоя. Его больше нет.

Он перемещается на кровати и притягивает меня так, чтобы я лежала на его груди. Его глаза смотрят в мои, полет его мысли ускоряется, подыскивая слова.

— Я знаю это, принцесса. Но там есть и другие, такие же опасные, как Алек, так же жаждущие моей крови. Я — Хантер, и я всегда буду объектом охоты. Это означает, что ты всегда будешь в опасности, а я всегда буду делать всё, что в моей власти, чтобы оградить тебя от этого. Это то, кем я являюсь.

Я наклоняюсь вперед, чтобы спровоцировать нежный поцелуй. Другое новшество в нашем браке, теперь я беру то, что хочу и когда хочу. Он никогда не отвергает меня.

— Я знаю, но ты должен позволить мне быть тем, кем являюсь я. Ты спас меня, Коул. Теперь дай мне право быть свободной. Ты же знаешь, моя жизнь протекает рядом с тобой. Нет ничего и никого, кто сможет изменить это. Я тону с тобой — муж, и тобой я дышу. Теперь поцелуй меня и заставь меня утонуть снова.

И он так и делает.

Эпилог

Часть вторая

Я подвел её.

Я видел, как она умирает.

В то время, как мои лёгкие наполнялись тёмной, запятнанной кровью речной водой, и я видел, как дыхание оставило её в поразительном спектре цвета.

Я закрыл глаза и подчинился моей судьбе. Только не цвет пришел за мной, а чернота.

Когда я очутился на холодной земле, извергая содержимое моих лёгких, Люк был первым, кого я увидел, — он бил по грудной клетке Фей.

Моей первоначальной реакцией было — убить его. Он прикасался к ней, ударяя кулаком по её груди.

Я повалился на бок, мои ноги отказывались повиноваться мне, чтобы идти. Моё тело истощило все силы.

С заключительным зверским ударом его кулаков, грязная жидкость фонтаном покинула её посиневшие губы. Люк быстро перевернул её на бок, пока её грудь билась в конвульсиях, а её захваченное тело боролось против власти смерти, которая обернула свои когти вокруг неё и отказывалась отпускать.

Моё сердце замерло. Желание жить так сильно переплелось с необходимостью, чтобы выжила она, что мои лёгкие закрылись, и я не дышал, пока не увидел её прекрасные разноцветные глаза.

Внезапно боль омыла меня, моя грудь начала вздыматься от кислорода, мои конечности наполнились такой необходимой кровью. И по-прежнему я не отрывал от неё своих глаз.

Эта девушка — вынужденный для меня дар безумца, была моей спасительницей.

Я думал, месть — моя цель.

Так и было, пока мои глаза не открыли что-то другое, что-то лучше.

Святость.

Она была моей, а я был её.

Порожденные мерзкими отцами и рождённые давно почившими матерями, наши жизни переплетенные кровью и смертью, наши узы выкованные мстью. Где однажды я видел слабость, теперь я обрёл силу. Если раньше я хотел сломать, теперь я стремился исцелить.

Противоположные стороны спектра, её свет к мой тьме, мы объединили вместе обе непробиваемые силы, и всё же такие уязвимые.

Она будет брешью в моей броне, дорожкой к ахиллесовой пяте, которую даже очень тупой клинок сможет пробить.

Моя сила находится с ней.

Я — слабое звено.

Лёжа здесь на холодной земле, моя рука достигает её — я вижу это, и Люк видит это, так что он делает единственную вещь, которая сможет защитить наше наследство.

Он убивает нас.

Во всех смыслах — мы сейчас мертвы.

«Багряный крест» сейчас поклоняется ногам Люка. Он повелевает обществом, держа его под контролем, над которым я боролся всю свою жизнь. А теперь он зовёт меня обратно. Несмотря на ощущаемую свободу, счастье, которых у меня не было за все мои двадцать восемь лет, я пойду к нему и возьму её с собой.

И если она моё черное сердце, то он — кровь, что наполняет мои вены.

Я должен воскреснуть. Как Иисус на третий день.

Только я не принесу мир всему человечеству.

Я принесу кровь.

Реки, озёра и океаны крови.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Плей-лист:

Sound of Silence — Disturbed

Born to Die — Lana Del Rey

You Know You're Right — Nirvana

Creep — Radiohead

Wicked Game — Chris Isaac

Where the Wild Roses Grow — Nick Cave & Kylie Minogue

Soldier's Eyes — Jack Savoretti

Back to Black — Amy Winehouse

Closer — Nine Inch Nails

Teardrop — Massive Attack